СУДЬБЫ

ЦЕРКОВНАГО ЯЗЫКА.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ

П. Билярскаго.

I.

Книжки I и II удостоены половинной Демидовской преміи.

Продаются у книгопродавца А. Смирдина и К°.

на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Гамбса.

въ С. Петербургѣ.

О СРЕДНЕ-БОЛГАРСКОМЪ

ВОКАЛИЗМѢ,

ПО ПАТРІАРШЕМУ СПИСКУ

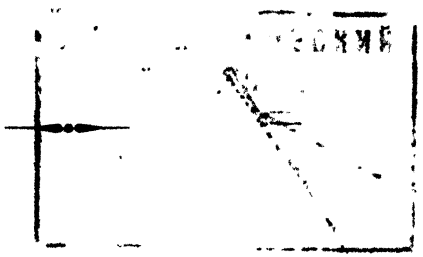
ЛѢТОПИСИ МАНАССІЯ.

Halte niemand diese Accuratesse, diese Speculationen, für KleinigkeitsKrämerei oder Pedanterei: es gibt eine *Filosofie* des *ABCs* oder der *Rechtschreibung*, mit allgemeinen weit festeren Grundsätzen, als die Moral hat.

A. L. Schlözer

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

пересмотрѣнное и дополненное



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1858.

РG
400
Я3

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
904
13

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 28-го Марта 1858 года.

Цензоръ *И. Лажечниковъ.*

ПАМЯТИ

П. И. ПРЕЙСА.

Въ то время, когда я началъ приготовительныя филологическія занятія, покойный Прейсъ съ какимъ-то импонирующимъ достоинствомъ выступалъ на самостоятельную ученую дѣятельность. Надежда — сникать когда-нибудь его одобреніе и сочувствіе — была для меня источникомъ одушевленія и подкрѣпленіемъ къ избранному мною, вдвойнѣ для меня трудному роду занятій. Тяжелое чувство невозградимой утраты покойнаго было еще во всей своей свѣжести, когда я обработывалъ настоящее разсужденіе, и дѣйствовало во мнѣ тѣмъ живѣе, что, обращаясь при этомъ къ немногимъ его сочиненіямъ, я находилъ въ нихъ яркіе слѣды его особеннаго участія къ обработываемому мною предмету.

Черезъ десять лѣтъ я повторяю посвященіе съ тѣмъ-же чувствомъ невознаградимости утраты, да — въ добавокъ — съ сознаніемъ тѣхъ послѣдствій для филологіи, которыя тогда я предчувствовалъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе ко второму изданію . . . . . 9—20.

Нѣсколько словъ о современномъ состояніи положительнаго-историческаго направленія слав филологіи, по сочиненіямъ Гг. Безсоновова, Майкова, Шлейхера, Срезневскаго, Миклошича, Бодянскаго.

Введеніе . . . . . 21.

Задача изслѣдованія. Древность, мѣсто и значеніе перевода Манассія въ исторіи болгарскаго языка Метода филологическихъ наблюденій Характеристика Патріаршаго списка и способъ передачи его текста.

Образчики болгарскаго текста лѣтописи Манассія, съ греческимъ подлинникомъ . . . . . 45—64.

О средне-болгарскомъ вокализмѣ:

§ ъ и ь . . . . . 65—78.

Свойство и состояніе полугласныхъ въ древнемъ церковномъ языкѣ 65. Цѣлость ихъ въ средне-болгарскомъ 67. Тройкій упадокъ ихъ: А. въ коренныхъ слогахъ 67. В. На концѣ словъ, предъ окончаніями и въ словосложеніи 68. Надстрочный знакъ—признакъ гласности полугласныхъ 71. Средне-болгарскій ихъ выговоръ при *л* и *р* съ предыдущею согласною, и отношеніе его къ древнему церковному и къ ново-болгарскому 71—77 Общій взглядъ на состояніе ихъ выговора 77. Необходимость строгаго разбора ихъ состоянія для оцѣнки рукописей 77—78.

§ ѫ. ѧ . . . . . 78—102.

Сохраненіе носовыхъ въ болгарскихъ памятникахъ, въ сравненіи съ сербскими и русскими 78. Доисторическое начало упадка носовыхъ въ главнѣйшихъ нарѣчіяхъ и слѣды онаго въ древнемъ церковномъ 78—79. Состояніе носовыхъ въ средне-болгарскомъ правописаніи 80. Сохраненіе ихъ при чистыхъ согласныхъ 81. Смѣшеніе ихъ при шипящихъ 82. Смѣшеніе ихъ и остатки іотированныхъ носовыхъ въ средне-болгарскомъ употребленіи ѧ: а) послѣ гласныхъ, особенно послѣ ѣ 82. b) Въ началѣ словъ 83. c) Послѣ мягкихъ согласныхъ 84. Вопросы и соображенія касательно историческаго хода искаженія носовыхъ до XIV вѣка 85. Надстрочный знакъ надъ носовыми — признакъ взаимнаго ихъ отличія 86. Выговоръ буквы ѫ: употребленіе ея вмѣсто ъ и обратно 89—91; сближенія ея звука съ гласными *о*, *а*. 91—94. Выговоръ ѧ употребленіе, вмѣсто его, буквъ: ь, е и ѣ 94—96. Различіе гласнаго элемента въ носовыхъ въ разныя времена 96 — 99. Упадокъ полнаго носоваго выговора и слабые остатки его 99—100. Неопредѣленность границъ распространенія новаго выговора 100—101.

§ ѣ . . . . . 102—115.

Разные способы объясненія этого звука 103—104. Фонетическое свойство и выговоръ буквы *ѣ* въ древнемъ церковномъ 104. Общій взглядъ на употребленіе ея въ спискѣ Манассія 105 и строгое наблюденіе ея въ наибольшей массѣ случаевъ 106—107. Отчетливость въ употребленіи ея въ смыслѣ повышенія (или, лучше, разширенія?) звука *е*, 107—109 *Ѣ* вмѣсто *а*, какъ въ древнемъ церковномъ 109. *Ѣ* вмѣсто ꙗ послѣ согласной — особенность болгаризма 109—112 Огрубѣлость средне-болгарскаго звука *ѣ* въ сравненіи съ древнимъ церковнымъ, впрочемъ, происшедшая изъ свойства этого звука въ древнемъ церковномъ 112. Случаи употребленія *ѣ* вм *е* и обратно 113—114 Единичные примѣры употребленія *и* вм. *ѣ* 115.

§ є. о. . . . . 115—117.

Два начертанія б. *е*, для отличія чистаго звука отъ іотированнаго, не имѣютъ значенія въ текстѣ Манассія Твердый (неіотированный) выговоръ *е*. Переходъ *е* въ *о*. Употребленіе *о* вмѣсто *е*

§ о-а . . . . . 118—122.

Взаимная смѣна между этими буквами въ этимологическомъ движеніи словъ. Неопредѣленность границъ приложенія этого закона въ древне-церковномъ. Важность изслѣдованія этого вопроса въ связи съ славянскими нарѣчіями, 118—120. Состояніе этого закона въ текстѣ Манассія 120—122.

§ оу. ю . . . . . 122—123.

Законъ разложенія этихъ буквъ на *ов, ев* начинаетъ цѣпенѣть. Наоборотъ, *ов, ев* подвергаются злоупотребленію.

§ ы. и. ѵ . . . . . 123—125.

Упадокъ звука *ы*, ореографическое средство къ поддержанію его — надстрочный знакъ. Начало упадка въ этимологическомъ движеніи.

И: отсутствіе сокращенія его въ *ъ*: Переходъ его въ *ъ* въ этимологическомъ движеніи словъ Замѣна *и* буквою *е*

§ Іотированныя и чистыя гласныя. . . . . 125—130.

Упадокъ іотированія и въ-слѣдствіе того сліяніе подобныхъ звуковъ и наклонность разнообразить ихъ.

§ Заключеніе . . . . . 130—135.

I. Результатъ касательно генетическихъ отношеній къ древнему церковному, 128. II. Физіологическая оцѣнка средне-болгарской системы звуковъ, 131 III. Связь состоянія звуковъ съ состояніемъ грамматики, 133.

Прибавленіе . . . . . 137—143.

О новомъ «древне-болгарскомъ языкѣ» г. Миклошича.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Издавая отдѣльною книжкой предлагаемое разсужденіе, я исполняю долгъ, къ которому чувствовалъ себя обязаннымъ дарованною мнѣ преміей. Хотя это разсужденіе было уже напечатано въ мемуарахъ Императорской Академіи Наукъ *), но немногими отдѣльными оттисками этого изданія, сдѣланными не для продажи, я не могъ удовлетворить требованіямъ любителей филологіи. Не бывъ въ продажѣ, мое разсужденіе, какъ кажется, для многихъ осталось даже вовсе неизвѣстнымъ. По этому, (или, можетъ быть, и по другимъ причинамъ) оно стоитъ въ современной литературѣ какимъ-то особнякомъ, не имѣющимъ связи съ другими филологическими трудами. Въ сочиненіяхъ, которыя должны бы, по моему мнѣнію, соприкасаться съ предметомъ моего разсужденія, я встрѣчаю именно эти точки соприкосновенія какъ-бы нарочно обойденными. Такъ для г. Безсонова кажется дѣломъ рѣшенымъ, что болгарскій и церковный, — хотя близкіе другъ къ другу языки, ближе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, — тѣмъ не менѣе однакожъ языки различные, изъ которыхъ каждый искони

*) Mémoires présentés à l' Académie Impériale des sciences de St -Pétersbourg, par divers savants et lus dans ses assemblées. Tom. VI. 1847 стр. 99—140.

имѣлъ свою исторію *). Кто же, спрашивается, подвергалъ подробному и отчетливому изслѣдованію отношенія между болгарскимъ и церковнымъ, чтобы отзываться объ этомъ такъ рѣшительно? Изслѣдованія корифеевъ славянской филологіи—Шафарика и Востокова —едва-ли благопріятствуютъ такому мнѣнію; а мое разсужденіе, казалось бы, должно было пріостановить его рѣшительность своею задачей — доказать, что болгарскіе книжники еще въ XIV столѣтіи владѣли церковно-славянскою фонетикой какъ своею природною собственностью, соблюдая характеристическія особенности древняго церковнаго языка съ такою точностью, какая невозможна была для писцовъ русскихъ или сербскихъ даже при началѣ ихъ письменности; что орѳографическія уклоненія въ болгарскихъ спискахъ, встрѣчающіяся раньше (какъ кажется, съ XII вѣка), только въ XIV достигаютъ такой опредѣленности, въ которой можно признать особенность ново-болгарскаго нарѣчія; что средне болгарскія особенности въ этомъ вѣкѣ являются не установившимися уже свойствами искони отдѣльнаго нарѣчія, но только-что образуются, и притомъ въ нѣдрахъ самой церковно-славянской фонетики, такъ-что сохраняютъ общій и существенный ея характеръ, отъ чего правописаніе кажется хотя и позднѣйшимъ, но чисто церковно-славянскимъ, какой не выдерживается въ самыхъ древнихъ спискахъ другихъ разрядовъ. Мнѣніе издателя «Болгарскихъ Пѣсенъ» противоположно этому взгляду: пусть такъ; но не слишкомъ ли поспѣшно объявлять справедливость этого мнѣ-

*) Привожу подлинныя выраженія г. Безсонова «Тогда какъ Церковно-Славянскій «языкъ, перешедши съ своими формами и оборотами въ письменность нѣсколь-«кихъ вѣковъ, имѣлъ въ этихъ памятникахъ исторію своего послѣдовательнаго из-«мѣненія, собственно и чисто-народный языкъ Болгарскій не оставилъ достаточ-«ныхъ слѣдовъ подобной исторіи, если не считать нѣсколькихъ грамотъ, перемѣ-«шанныхъ на половину съ особенностями Церковно-Славянскими, да Болгарскихъ «кодексовъ, мѣшавшихъ живую стихію ходячей рѣчи съ условными преданіями «древняго письменнаго языка.» *Болгарскія Пѣсни*. Во Временникѣ М О. И. и Д Р кн 21 1855, третьей нумерации стр 1. «Человѣкъ сколько-нибудь обра-«зованный филологически, при первомъ знакомствѣ съ языкомъ Ново-Болгарскимъ «тотчасъ пойметъ, что ходъ его развитія во многомъ былъ отличенъ отъ языка.... «письменнаго Церковно-Славянскаго». Тамъ-же, стр 3).

нія столь очевидною, чтобы всякая попытка объяснить дѣло обстоятельнѣе была напрасною и излишнею?

Другой изъ новѣйшихъ филологовъ, въ своей полновѣсной «Исторіи Сербскаго Языка», при объясненіи этимологическихъ свойствъ языка сербскихъ памятниковъ, которыми онъ пользовался, ссылается обыкновенно на древній церковный языкъ Между тѣмъ рядъ этихъ памятниковъ начинается именно съ XII вѣка, то-есть съ того времени, когда стали появляться первые признаки перерожденія древняго церковнаго въ средне-болгарскій. Этимологическія и орѳографическія свойства кирилловскихъ сербскихъ грамотъ, безъ всякаго сомнѣнія, больше могутъ объясниться современною имъ болгарскою письменностью, нежели чистою формой древняго церковнаго языка. Конечно, было бы слишкомъ неумѣренно требовать отъ автора, чтобы онъ въ одно время разработалъ двѣ области — сербскую и болгарскую; но можно и надобно было ожидать, что при объясненіи одной, онъ не упуститъ вовсе изъ виду другой, имѣвшей съ нею близкія историческія связи, и по крайней мѣрѣ будетъ отыскивать и выставлять факты, появленіе которыхъ всего естественнѣе приписывать вліянію послѣдней.

Не могу не коснуться отношеній моего разсужденія къ современному состоянію церковно-славянскихъ изслѣдованій вообще, хотя при этомъ, вѣроятно, вопреки мнѣнію многихъ, я долженъ говорить о застоѣ историческаго направленія въ этой области филологіи. Изученіе средне-болгарской литературы я назвалъ во Введеніи (см. ниже, стр. 21) необходимою потребностью славянской филологіи: не могу отказаться отъ этого убѣжденія и нынѣ, хотя во всей славянской литературѣ, у насъ и въ чужихъ краяхъ, не могу назвать ни одного сочиненія, въ которомъ бы высказался хотя намекъ на сознаніе или ощущеніе этой потребности, такъ что самый терминъ: «средне-болгарскій», въ приложеніи къ языку, къ правописанію или вообще къ письменному памятнику я встрѣтилъ только въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи. Что́ бы ни подумалъ объ этомъ читатель, а я съ полной увѣренностью объясняю этотъ недостатокъ сочувствія моему убѣжденію тѣмъ, что и тотъ «первый

вопросъ исторіи славянской письменности», который дѣлаетъ въ моихъ глазахъ изученіе средне-болгарскаго періода церковнаго языка, необходимымъ (см. тамъ-же во Введеніи), потерялъ нынѣ въ глазахъ филологовъ свой интересъ, какой еще недавно, на нашей памяти, умѣли придавать ему корифеи славянизма. Современное поколѣніе филологовъ не въ состояніи сдѣлать этотъ вопросъ двигателемъ къ историческому анализу матеріала, лежащаго въ церковно-славянскихъ памятникахъ. Можно подумать, что всѣ современные славянисты раздѣляютъ мнѣніе, на короткое время высказанное однимъ изъ нѣмецкихъ лингвистовъ, который славянскую филологію не считаетъ для себя предметомъ постороннимъ. Я разумѣю г. Шлейхера, который въ своемъ сочиненіи: Die Sprachen Europa's и пр. (Bonn 1850) стр. 206, говоритъ: «Рѣшить этотъ вопросъ (о народности церковнаго языка) изъ самаго языка вовсе не такъ легко, какъ иные думаютъ, во 1-хъ потому что съ церковно-славянскимъ приводится сравнивать языки, потерпѣвшіе большую перемѣну въ теченіе времени, такъ во 2-хъ и потому что (въ древности) различіе между восточнымъ (болгарскимъ) и западныхъ (хорутанскимъ) въ постоянныхъ фонетическихъ законахъ (было) вовсе не такъ значительно, хотя нынѣ эти два языка имѣютъ совершенно различный видъ». При всей умѣренности выраженія. *не такъ легко*, видно, что, по мнѣнію г. Шлейхера, филологіи нечего дѣлать при рѣшеніи этого вопроса, и если онъ склоняется въ пользу мнѣнія Шафарика, то собственно на основаніи историческихъ соображеній; филологическія же данныя, заимствованныя у Шафарика, онъ приводитъ только изъ уваженія къ его авторитету и по обязанности референта къ своимъ читателямъ. Выразить такое мнѣніе о филологическомъ способѣ рѣшенія помянутаго вопроса значитъ, по моему мнѣнію, произнести смертный приговоръ самой важной части славянской филологіи; а между тѣмъ это мнѣніе въ точности выражаетъ взглядъ, хотя никѣмъ не высказываемый прямо, но весьма ощутительный въ общемъ объемѣ современной филологической литературы. Вскорѣ впрочемъ г. Шлейхеръ отказался отъ своего мнѣнія въ сочиненіи: Die For-

menlehre der kirchenslawischen Sprache и пр. (Bonn, 1852), стр. 28—29, онъ говоритъ: «Невозможно, чтобы характеристическіе признаки болгарскаго съ такою послѣдовательностію внесены были въ церковно-славянскіе памятники лишь въ позднѣйшее время, посредствомъ переправокъ. Какъ зашли бы напр болгаризмы въ супрасльскую рукопись, которая написана, по мнѣнію Миклошича, in ipsâ linguae palaeoslovenicae patriâ?» Г. Шлейхеръ говоритъ о болгаризмахъ церковнаго языка, какъ о дѣлѣ окончательно объясненномъ и рѣшенномъ въ современной филологической литературѣ. Совсѣмъ напротивъ· въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, къ которымъ каждому естественно обратиться по поводу этого вопроса, скорѣе найдутся возраженія на это мнѣніе, чѣмъ подтвержденія. Положимъ напр, что вы принимаете за болгаризмъ одну изъ самыхъ характеристическихъ особенностей церковно-славянскаго языка — полугласные: на основаніи «Мыслей объ Исторіи Русскаго Языка» (стр. 23, 49—51) вамъ возразятъ, что полугласные существовали и существуютъ не только въ болгарскомъ, но и въ сербскомъ, хорутанскомъ, словацкомъ, чешскомъ; сохранились и въ русскомъ до XIII и XIV столѣтій, хранятся даже донынѣ въ немногихъ «остаткахъ старины», каковы междометія *гмъ, бръ,* и выговоръ *чълаекъ* вм. человѣкъ. Ясно, что г. Срезневскій даетъ понятію полугласныхъ какой-то общій, отвлеченный смыслъ, въ какомъ ихъ можно находить не только въ славянскихъ, но и въ разныхъ другихъ языкахъ. Извѣстно, что гласныя не рѣдко сокращаются живымъ выговоромъ, по быстротѣ его и небрежности, до какого-то призрака гласности, безъ явственныхъ особенностей, отличающихъ одну гласную отъ другой: такія явленія можно встрѣтить чуть-ли не въ каждомъ языкѣ Между тѣмъ, говоря о славянскихъ языкахъ, надобно было понимать полугласныя именно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ являются въ церковно-славянскомъ; потому что и самымъ понятіемъ о полугласныхъ мы обязаны этому языку и въ кругѣ означенныхъ изслѣдованій дѣло идетъ собственно объ исторической судьбѣ именно этихъ, положительно данныхъ полугласныхъ, а не о какомъ-нибудь физіологическомъ свойствѣ или явленіи человѣче-

скаго языка вообще, о чемъ недавно еще писались довольно серьёзныя и обширныя сочиненія людьми, стоявшими на рубежѣ между старой догматической филологіей и новой историко-генетической лингвистикой. Правда, г. Срезневскій въ помянутомъ сочиненіи соприкасается съ положительно-историческимъ направленіемъ; но здѣсь-то и оказывается, что отвлеченный филологическій взглядъ не сходится съ этимъ направленіемъ: онъ насильственно навязанъ исторіи, посредствомъ неправильнаго употребленія аналитической методы. Г. Срезневскій признаетъ существованіе полугласныхъ въ русскомъ языкѣ до XIII и XIV в. на томъ основаніи, что въ памятникахъ того времени ъ и ь часто являются совершенно на своемъ мѣстѣ Но точно также и носовые звуки часто являются въ нихъ на своемъ мѣстѣ: почему же объ нихъ не сдѣлано на этомъ основаніи такого же заключенія, какъ о полугласныхъ? Вѣроятно, потому, что носовые столь-же часто и въ однихъ и тѣхъ-же памятникахъ не являются на своемъ мѣстѣ, или являются не на своемъ мѣстѣ. Но и полугласные точно такъ-же. Слѣдовательно и объ нихъ надо было заключить то-же самое, что о носовыхъ. При такомъ взглядѣ на славянскую фонетику, конечно, нельзя и думать о доказательствахъ болгаризма церковнаго языка самымъ языкомъ, или о необходимости анализировать древніе памятники для рѣшенія этого перваго или другихъ, дальнѣйшихъ вопросовъ исторіи болгарскаго языка. При той методѣ, которой образчикъ мы сейчасъ видѣли, такой анализъ былъ даже невозможенъ. Не даромъ же, видно, нынѣ не только никто не беретъ на себя подобнаго анализа, но при настоящемъ отсутствіи его не сознается даже никакого чувствительнаго недостатка.

Недостатокъ положительно-историческаго направленія довольно невыгодно отражается на почтенныхъ и полезныхъ трудахъ вѣнскаго филолога, г. Миклошича, и всего осязательнѣе на послѣднемъ его сочиненіи — Сравнительной Грамматикѣ славянскихъ языковъ. Матеріалъ этой грамматики, собранный изъ разнородныхъ источниковъ, слишкомъ мало очищенъ предварительной филологической критикой отъ примѣси и порчи подъ вліяніемъ разныхъ

временъ и мѣстъ. Особенно повредило сочиненію предубѣжденіе автора въ пользу такъ называемыхъ имъ «собственно словенскихъ» памятниковъ, каковы: Клоцевы глагольскіе отрывки, евангеліе Ассемани, Супрасльская рукопись, которые составляютъ у него особый разрядъ, отличный отъ болгарскаго, сербскаго и русскаго. Еслибы г. Миклошичъ заранѣе пріучилъ себя къ аналитической методѣ Востокова, то убѣдился бы, что и эти памятники, прежде филологическаго употребленія, не менѣе всѣхъ другихъ требуютъ очистительной критики; а убѣдившись въ этомъ, онъ не сталъ бы оказывать такое безусловное довѣріе къ каждой ихъ формѣ, не отдалъ бы имъ рѣшительнаго предпочтенія предъ древними памятниками другихъ разрядовъ, даже едва-ли сдѣлалъ бы изъ нихъ особый разрядъ. Это отдѣленіе ихъ въ особый разрядъ сдѣлано не на основаніи ихъ разбора, а по какому-то предубѣжденію, не объясняемому ни въ его Сравнительной Грамматикѣ, ни въ другихъ сочиненіяхъ. Привыкнувъ отдѣлять и оцѣнивать разныя стихіи въ церковныхъ памятникахъ, авторъ лучше бы оцѣнилъ генетическія отношенія между славянскими языками и не призналъ бы ново-словенскаго, наравнѣ съ болгарскимъ, сыномъ старо-славянскаго; потому что въ болгарскихъ памятникахъ даже въ XIV вѣкѣ сохраняются еще основныя этимологическія свойства, составляющія причину и основаніе раздѣленія славянскихъ языковъ, тогда какъ въ хорутанскомъ уже въ X вѣкѣ, какъ видно изъ Фризингскихъ статей, эти коренныя свойства являются въ діалектическихъ особенностяхъ, и хотя нѣкоторыя изъ нихъ еще не совсѣмъ точно и постоянно выдерживаются во всемъ матеріалѣ языка, тѣмъ не менѣе они дали ему, и при томъ, безъ сомнѣнія, уже задолго до кирилловской письменности, видъ особеннаго, самостоятельнаго славянскаго нарѣчія. Г. Миклошичъ въ своей грамматикѣ не оказываетъ ни малѣйшаго расположенія къ подобнымъ соображеніямъ; онъ вовсе не входитъ въ разборъ отношеній Фризингскихъ статей ни къ старо — ни къ ново-славянскому, а выставляетъ фонетическія свойства ихъ фактически, чтобъ не сказать догматически, какъ будто они не представляютъ никакого затрудненія касательно

этихъ отношеній. А между тѣмъ самъ же онъ, принимая Фризинг скія статьи за *старинньйшій* памятникъ ново-*словенскаго* языка, современный первымъ кирилловскимъ памятникамъ, однако не допускаетъ ихъ въ число памятниковъ *старо-словенскихъ:* видно-этотъ памятникъ уже и въ то время былъ ново-словенскимъ, то есть, памятникомъ особаго, уже давно состоявшагося славянскаго нарѣчія. Въ трактатѣ о болгарскомъ языкѣ такъ-же нѣтъ подтвержденія тѣмъ отношеніямъ, въ какихъ авторъ представляетъ этотъ языкъ къ старо — и ново-словенскому. Вообще, историческія понятія о языкахъ, высказанныя въ предисловіи грамматики, нисколько не вяжутся съ этимологической характеристикой языковъ въ самой грамматикѣ, какъ будто первые были высказаны вовсе не для того, чтобы доказывать ихъ положительно, и будто содержаніе грамматики отнюдь не обязано ихъ доказывать. Отъ того эти общія понятіа отзываются догматизмомъ, а грамматика, при нечистотѣ церковно-славянскаго матеріала, воспроизводитъ лишь этимологическій механизмъ языка, не оживляясь интересомъ историко-генетическихъ отношеній между разсматриваемыми языками

Довольно жестко отзывается о догматизмѣ вѣнскаго ученаго профессоръ Бодянскій въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи (О времени происхожденія славянскихъ письменъ. Москва 1855). Я также указалъ только слабую сторону его трудовъ, прежде нежели привелъ что-нибудь въ ихъ пользу. Но для справедливой оцѣнки трудовъ г. Миклошича надобно и то сказать, много ли сдѣлано его предшественниками, для разъясненія правильнаго пути филологическихъ изслѣдованій? Правда, послѣ Востокова можно, по моему

---

*) Г Шлейхеръ въ своей сравнительной грамматикѣ Ц.-Сл языка, какъ видно, пользовался, по преимуществу, трудами г Миклошича и потому точно такъ-же допустилъ довольно нечистаго матеріала это благопріятствовало соблазну нѣкоторыхъ сравнительныхъ его выводовъ, которые кажутся вѣроятными только по недостатку положительно-исторической оцѣнки данныхъ При той основательности, съ какою обработано сочиненіе г Шлейхера, тѣмъ живѣе чувствуется въ немъ недостатокъ предварительныхъ положительно-историческихъ изысканій

мнѣнію, идти впередъ довольно твердо и съ прочнымъ успѣхомъ; но какъ трудно войти въ историко-филологическую методу Востокова, это я вижу изъ опытовъ не одного г. Миклошича; а для него это было тѣмъ труднѣе, что его филологическое направленіе состоялось подъ неотразимымъ вліяніемъ знаменитаго его предшественника — даровитаго Копитара. Что же сдѣлано въ противодѣйствіе этому вліянію? Чтобы не уходить далеко, спросимъ: чѣмъ можетъ образумить послѣдователей Копитара сочиненіе г. Бодянскаго? Предположеніемъ во Фризингскихъ статьяхъ хорутанской передѣлки церковно-славянскаго сочиненія Климента? Но это предположеніе само даетъ противъ себя оружіе своею несостоятельностью. Чтобы доставить ему положительное основаніе, надобно было доказать, что, не смотря на все вліяніе хорутанскаго нарѣчія и римско-нѣмецкихъ понятій, основа языка во Фризингскихъ статьяхъ все-таки церковно-славянская, болгарская. А г. Бодянскій говоритъ только о хорутанизмахъ, безъ всякой попытки отыскать въ текстѣ какіе-нибудь вѣроятные остатки кирилловскаго оригинала *), и увѣренъ, что твердо доказываетъ свою догадку. Но житія Людмилы и Вячеслава мы не имѣли бы никакого права считать за остатки употребленія кирилловской литературы у Чеховъ, еслибы они, точно также какъ Фризингскія статьи на хорутанскомъ, были написаны рѣшительно на чешскомъ, а не на церковно-славянскомъ, только съ мѣстною примѣсью. Вмѣсто того, чтобы представлять аналогію для заключенія о Фризингскихъ статьяхъ, чешскія житія даютъ только средство возражать противъ означеннаго объ нихъ предположенія. Между тѣмъ это неудачное предположеніе не позволило выставить въ истинномъ свѣтѣ смыслъ и значеніе образцоваго Востоковскаго комментарія на Фризингскія статьи, который составляетъ наилучшее основаніе для правильнаго воззрѣнія и для опроверженія противнаго мнѣнія. Са-

*) Онъ не воспользовался даже и двоякими формами (ме-моіе, му-моіу и под) которыя годились бы больше, чѣмъ что-нибудь другое, для означеннаго предположенія, хотя, можетъ быть, вѣрнѣе объяснятся какъ-нибудь иначе.

мый успѣхъ мнѣнія Копитара о Фризингскихъ статьяхъ я объясняю себѣ именно тѣмъ, что изданіе Кеппена съ комментаріемъ Востокова было вытѣснено изъ употребленія Копитаровымъ Glagolita Clozianus.

А слова: *попъ, постъ, мнихъ, олтарь*, и др ? Сомнѣваюсь, чтобы объясненіе ихъ г. Бодянскимъ обезоружило кого-либо изъ послѣдователей Копитара. Въ самомъ дѣлѣ, ужели вѣроятнѣе допустить, что иныя слова, выражающія *христіанскія* понятія, заимствованы Славянами гораздо прежде кирилловской письменности, даже прежде ихъ обращенія въ христіанство, во времена *язычества*, непосредственно отъ Латинянъ, безъ участія римско-нѣмецкихъ пастырей?.. Вмѣсто того, чтобы блуждать такимъ образомъ по разнымъ временамъ и странамъ, собирая лингвистическія крохи, отъ которыхъ трудно добиться вѣрнаго, не лучше ли было бы ближе держаться почвы, о которой идетъ дѣло? Мнѣ кажется, что положительное изслѣдованіе употребленія означенныхъ словъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ прямѣе поведетъ къ основательному рѣшенію вопроса, чѣмъ обширная лингвистическая ученость безъ твердой исторической почвы. Простое наблюденіе надъ древними памятниками покажетъ, что въ иномъ изъ нихъ, «чисто-словенскомъ», написанномъ in ipsâ linguae palaeoslovenicae patriâ въ первобытныя времена, говорится о *святыхъ алканіяхъ*, а не о *постахъ*, изъ чего и слѣдуетъ заключить, что въ отечествѣ церковно-славянскаго языка во времена первобытныя слово *постъ* не употреблялось, а вошло нѣсколько позднѣе. Но что бы ни оказалось изъ положительнаго изслѣдованія, во всякомъ случаѣ это — естественный и необходимый путь; бросаться мимо его въ соображенія и издали выводить заключенія — неосновательно и не безопасно. Кто хочетъ основательно судить о фактахъ, тотъ долженъ прежде всего осмотрѣть самые факты обстоятельно. У г. Бодянскаго встрѣчаются отдѣльныя положительныя свѣдѣнія о разсматриваемыхъ словахъ; иногда высказывается общій взглядъ, который долженъ быть выведенъ изъ положительныхъ свѣдѣній; вообще же ходъ его изслѣдованія о разсматриваемомъ разрядѣ цер-

ковно-славянскихъ словъ отнюдь нельзя назвать положительно-историческимъ.

Сочиненіе г. Бодянскаго встрѣчается съ положительно-историческимъ направленіемъ филологіи и въ позднѣйшей исторіи, и здѣсь, между прочимъ, соприкасается съ предметомъ моего разсужденія. Упоминая о лѣтописи Манассія, онъ называетъ ея правописаніе *средне-болгарскимъ;* но въ выпискѣ ея заглавія, выдаваемаго за подлинное и потому напечатаннаго церковными буквами и съ вноснымъ знакомъ (« »), допущена ошибка противъ средне-болгарскаго правописанія: **прѣмѵдраго** (стр. 80). Рукопись, въ которой нѣкогда найдено было г. Бодянскимъ первое прямое свидѣтельство о болгаризмѣ церковнаго языка, онъ считаетъ также средне-болгарскою; а въ выпискахъ изъ нея (около семи строчекъ) читается: р. п **ц҃рѧ** три раза и **ц҃рѣ** однажды, **ꙗзыкъ** два раза. Если это правописаніе средне-болгарское, какъ въ лѣтописи Манассія, то можно, пожалуй, заключить, что г. Бодянскій знаетъ средне-болгарское правописаніе не по оригиналамъ, а по характеристикѣ правописанія Манассія у г. Черткова, которою не устраняется по меньшей мѣрѣ возможность руссизмовъ въ этомъ текстѣ (см. ниже, во Введеніи). Кромѣ приведенныхъ руссизмовъ, въ тѣхъ-же семи строчкахъ слова: **първаго, Костѧтина** и **Констѧнтина, Меѳеди, греческыи, словенскыи** (три раза), такъ-же плохо идутъ къ средне-болгарскому правописанію. Смѣшеніе руссизмовъ съ болгаризмами средняго разряда является съ XV вѣка, къ которому и должно отнести эту рукопись. Рукописи этого разряда можно назвать влахо-болгарскими; а если такъ, то въ припискѣ помянутой рукописи мы имѣемъ не древнее свидѣтельство, сохраненное преданіемъ, а скорѣе оригинальное мнѣніе какого-нибудь валашскаго полуславянина. Этотъ случай показываетъ, что точное понятіе о правописаніи можетъ иногда много значить для оцѣнки историческаго свидѣтельства.

Все сказанное выше (хотя выше далеко не все было сказано) заставляетъ думать, что положительно-историческое направленіе не въ ходу между современными славянскими филолога-

ми и что тамъ, гдѣ имъ волею или неволей приводится вдаваться въ него, ходъ изслѣдованія оказывается шаткимъ и невѣрнымъ, метода — слабою, даже превратною. Оживить такой упадокъ предлагаемое сочиненіе не имѣетъ ни малѣйшаго притязанія — и это предисловіе написано именно для того и только для того, чтобы отстранить отъ него подозрѣніе въ подобномъ покушеніи. Всякое покушеніе на это будетъ напрасно, пока наша филологія процвѣтаетъ только — въ своихъ школьныхъ пеленкахъ.

Въ Августѣ
1857.

ВВЕДЕНІЕ.

—

ЗАДАЧА ИЗСЛѢДОВАНІЯ. ДРЕВНОСТЬ, МѢСТО И ЗНАЧЕНІЕ ПЕРЕВОДА МАНАССІЯ ВЪ ИСТОРІИ БОЛГАРСКАГО ЯЗЫКА. МЕТОДА ФИЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ. ХАРАКТЕРИСТИКА ПАТРІАРШАГО СПИСКА И СПОСОБЪ ПЕРЕДАЧИ ЕГО ТЕКСТА ВЪ ПЕЧАТИ.

Въ настоящее время изученіе средне-болгарской литературы составляетъ необходимую потребность славянской филологіи. Кромѣ пріобрѣтенія матеріала для воспроизведенія разныхъ сторонъ образованія того времени, самый первый вопросъ исторіи славянской письменности отсюда ожидаетъ себѣ объясненія. Господствующее нынѣ мнѣніе признаетъ *первобытный* церковно славянскій языкъ болгарскимъ: это подтверждается историческими и филологическими соображеніями, положительно и отрицательно; но опыты сравненія древнѣйшаго церковнаго языка съ нынѣшнимъ болгарскимъ до сихъ поръ были слабы; потому что нынѣшній болгарскій языкъ можетъ представить только отдѣльные примѣры поразительнаго сходства съ древнимъ церковнымъ, въ чемъ, по мнѣнію иныхъ, могутъ быть достойными ему соперниками и нѣкоторыя другія славянскія нарѣчія. Въ общемъ же составѣ своей грамматики нынѣшній болгарскій едва-ли не болѣе потерпѣлъ искаженія древняго организма, чѣмъ

всѣ остальныя нарѣчія, которымъ когда-либо приписывали честь первоначальнаго священнаго употребленія. Защитники болгарскаго происхожденія церковнаго языка, конечно, согласятся, что нынѣшнее состояніе болгарскаго языка остается еще для этого вопроса камнемъ претыканія и будетъ оставаться до тѣхъ поръ, пока въ болгарскихъ рукописяхъ средняго періода церковной литературы не будетъ найдено постепенное преобразованіе древняго церковнаго до нынѣшняго болгарскаго, зародышъ и развитіе той порчи, которая съ теченіемъ времени оказала такое обширное и глубокое дѣйствіе надъ ново-болгарскимъ.

Гдѣ начало этого преобразованія? Въ какихъ памятникахъ искать первыхъ слѣдовъ его? Уже въ древнѣйшихъ болгарскихъ спискахъ замѣтны какіе-то легкіе оттѣнки правописанія, которые трудно объяснять именно потому, что они легки и могутъ быть объясняемы такъ и иначе. Отсюда едва-ли можно ожидать какого либо прочнаго результата для исторіи преобразованія болгарскаго языка, покуда позднѣйшее состояніе его, развившееся до опредѣлительной особенности, остается еще неизвѣстнымъ. По моему мнѣнію, безопаснѣе и вѣрнѣе начать исторію средне-болгарскаго языка съ середины. Для этого я избралъ бы самостоятельное произведеніе средняго періода, которое, еще не потерявъ свойствъ древняго языка, въ то-же время представляло бы опредѣленныя особенности своего времени и посредствомъ ихъ примыкало бы къ позднѣйшему состоянію болгарскаго языка.

Таковъ ли названный мною памятникъ? Это можетъ быть рѣшено только полнымъ филологическимъ его разборомъ; я же съ своей стороны вовсе не могу похвалиться преднамѣреннымъ выборомъ его именно для этой цѣли. Случай и благосклонность одного изъ ревностныхъ славянистовъ дозволили мнѣ ознакомиться съ этимъ памятникомъ, и я началъ изученіе его безъ всякихъ предположеній. Но, ка-

жется, случай распорядился на этотъ разъ такъ, какъ, можетъ быть, не удалось бы свободному выбору.

До сихъ поръ однако лѣтопись Манассія пользуется у насъ совсѣмъ другою извѣстностію. Этимъ обязана она сочиненіямъ г. вице-президента М. Общества И. и Др. Р., А. Д. Черткова: «О переводѣ Манассіиной Лѣтописи» и пр. (Москва 1842) и «Описаніе войны В. К. Святослава Иг. противъ Болгаръ и Грековъ» (М. 1843). Ученый авторъ, тщательно разсмотрѣвъ палеографическіе, историческіе и филологическіе признаки древности въ обоихъ существующихъ спискахъ, Патріаршемъ и Ватиканскомъ *), первый относитъ къ 1345 году, а второй къ 1350; но время перевода онъ возводитъ къ XII вѣку, и еще выше цѣнитъ въ немъ древность языка. «Это одна изъ тѣхъ Словенскихъ рукописей», говоритъ онъ, «которыя могутъ наиболѣе объяснить намъ сущность книжнаго языка нашихъ предковъ. Она необходима для желающаго изучать *древнія* формы. Слогъ и правописаніе въ обоихъ спискахъ *совершенно одинаковы* съ древнѣйшими Словенскими рукописями, сохранившимися до нашихъ временъ» и пр. Изъ числа этихъ «древнѣйшихъ рукописей» авторъ упоминаетъ объ Остромировомъ Евангеліи, Сборникѣ Святослава, пергаминномъ Евангеліи XII в. въ Синодальной Библіотекѣ: сравнивая съ ними языкъ лѣтописи Манассія, авторъ строго отличаетъ его отъ «позднѣйшаго болгарскаго», на какомъ, по его мнѣнію, написана только позднѣйшая вставка въ Ватиканскомъ спискѣ, извѣстная «притча о кралехъ». Все это нисколько не располагаетъ ожидать въ нашемъ памятникѣ того, что въ немъ обѣщано выше.

Разсмотрѣвъ основанія этого отзыва со всѣмъ вниманіемъ, какого требовало прямое противорѣчіе его моему мнѣнію

*) Ватиканскій списокъ кромѣ сочиненія г. Черткова: Оп. войны В. К. Святослава и пр., описана г. Шевыревымъ въ статьѣ. О словенскихъ рукописяхъ Ватиканской Библіотеки, въ Ж. М. Н. Пр., XXII п. (1839) и г. Востоковымъ по новѣйшей копіи въ Опис. Рук. Р. Муз. N CCLXIX.

о памятникѣ, я готовъ отдать полную справедливость той тщательности, съ какою собраны и соображены разнообразныя данныя, служащія къ опредѣленію древности памятника, и хотя нѣкоторые недостатки этихъ соображеній неизбѣжно падаютъ и на долю автора, однако они принадлежатъ такъ-же отчасти нынѣшнему неудовлетворительному состоянію палеографіи, отчасти же какому-то несчастному обычаю, остающемуся съ давнихъ временъ въ нашей палеографіи, который не позволяетъ пользоваться надлежащимъ образомъ уже готовыми средствами. Тѣмъ любопытнѣе и тѣмъ поучительнѣе разсмотрѣть нѣкоторыя стороны этой оцѣнки памятника.

Что касается опредѣленія времени обоихъ списковъ, то смыслъ самаго заглавія моего разсужденія показываетъ, что я нерасположенъ подвергать его какому-либо сомнѣнію, а только предпочелъ бы приблизительное выраженіе о времени списковъ: «около означенныхъ лѣтъ». Разница, очевидно, незначительная по отношенію къ результату; но источникъ, откуда произошелъ излишекъ опредѣлительности у г. Черткова, достоинъ замѣчанія. Годъ, отнесенный къ Патріаршему списку, значится въ послѣсловіи сборника; но списокъ Манассія составляетъ только часть этого сборника, и послѣсловіе принадлежитъ не списку Манассія непосредственно, а послѣднимъ девяти листамъ сборника, другаго содержанія. Г. Чертковъ ясно видѣлъ, что безъ доказательствъ нельзя распространить послѣсловія и на списокъ Манассія: разсмотримъ же эти доказательства. Авторъ говоритъ: «всѣ статьи Сборника писаны, *кажется*, одною рукою»: таково палеографическое доказательство. Это «кажется» убѣдительно доказываетъ, что покуда славянская палеографія будетъ оставаться личнымъ знаніемъ, наглядною опытностью, искуствомъ, а не наукой, до тѣхъ поръ однимъ этимъ словомъ можно поддерживать самое смѣлое разногласіе въ палеографическихъ мнѣніяхъ. Мнѣ напр. почеркъ послѣднихъ де-

вяти листовъ *кажется* столь отличнымъ отъ предыдущаго, что я не понимаю, какимъ образомъ вещи столь различныя могли показаться кому-либо тождественными. Сколько я ни старался повѣрить въ себѣ общее впечатлѣніе почерковъ отчетливымъ сравненіемъ отдѣльныхъ начертаній и ихъ стихій, всегда приходилъ къ одному концу: тамъ, гдѣ на послѣднихъ листахъ въ начертаніи буквъ постоянно употребляются прямыя и ровныя линіи, въ спискѣ Манассія я находилъ уклоненія отъ прямой линіи и меньшую и неровную полноту въ объемѣ линій; прямые углы, образующіеся отъ соединенія прямыхъ линій у перваго, являются закругленными у послѣдняго; кривыя и округлыя линіи у одного, имѣютъ несравненно большій объемъ у другаго, и пр.; такъ что, въ заключеніе всего, послѣдній почеркъ въ сборникѣ, по моему мнѣнію, приближается къ уставу, а первый, вмѣсто того, представляетъ многія стихіи скорописи. Чѣмъ менѣе можно думать, что г. Чертковъ съ меньшею, чѣмъ я, тщательностію сравнивалъ эти два почерка, тѣмъ неизбѣжнѣе представляются нерѣшимыя разногласія въ палеографическихъ мнѣніяхъ, потому что они всегда основываются только на личной опытности и впечатлѣніи. Встрѣчая въ описаніяхъ рукописей отзывы: «почеркъ такого-то вѣка, такой-то» по мѣстному или народному разряду, конечно, нельзя не вѣрить на слово ручательству опытныхъ палеографовъ; но всякому понятно, что такого рода доказательства имѣютъ свою силу до перваго разногласія, въ случаѣ котораго наши палеографическія пособія не доставляютъ никакой опоры. Намъ укажутъ на существующіе палеографическіе снимки; но это только сырой матеріалъ для науки, необработанная ея почва; при сличеніи ихъ, точно такъ же какъ въ настоящемъ разногласіи, личное мнѣніе, вышеупомянутое «кажется» опять можетъ имѣть всю свою силу, по произволу каждаго, покуда древнія начертанія не разобраны начиная съ ихъ элементовъ, и покуда этимъ путемъ, не

опредѣлены строго и точно характеры и отличія почерковъ, теперь понимаемые только непосредственнымъ впечатлѣніемъ и изучаемые одною наглядностью *). Такимъ образомъ, за несостоятельностью палеографіи, я отказываюсь настаивать на различіи почерка послѣднихъ листовъ Патріаршаго сборника; но не признаю и тождества его съ предъидущимъ, какъ потому, что оно основывается на «кажется», такъ и потому, что я лично убѣжденъ въ противномъ. Но не смотря на непрочность палеографическаго доказательства, оно поставлено главнымъ, даже единственнымъ основаніемъ вывода о годѣ списка, такъ-что другія обстоятельства, напр.

---

*) Недавно мы видѣли замѣчательный примѣръ разногласія между знатоками. См. *Историческія замѣтки* въ Сѣв. Пч. 1846. № 11—13. 26—28. Авторъ утверждаетъ, что почеркъ рукописи, означенной подъ № 193 въ Оп. Р. Р. М., не XVI вѣка, какъ говорится въ этомъ Описаніи, а XVII-го. Это возраженіе высказано голословно, какъ личное мнѣніе, безъ дальнѣйшаго разбора почерка, и не вызвало никакого объясненія. Весьма естественно: судя потому, что писано о палеографіи, едва-ли можно найти достаточно терминовъ, чтобы вести подробныя палеографическія объясненія.

(Это жалкое состояніе палеографіи безъ всякой перемѣны продолжается донынѣ, и судя по аналогіи прошедшаго, конечно, вѣрнѣе ожидать продолженія этого состоянія на неопредѣленное время, чѣмъ предсказывать счастливую перемѣну. Не могу однако же умолчать, что мнѣ извѣстны палеографическіе труды, которые по самому своеству своему едва-ли могутъ совершенно погибнуть для будущаго. Въ послѣдніе годы, ученый другъ мои, В. М. Ундольскій порадовалъ меня наличною заготовкою палеографическаго матеріала въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ, кажется, никто еще не предпринималъ подобнаго труда въ нашей литературѣ. Сотня литографированныхъ снимковъ, сдѣланныхъ подъ собственнымъ надзоромъ палеографа съ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ рукописей, бывъ издана безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, составила бы значительное обогащеніе нашихъ палеографическихъ пособій. Но еще важнѣе въ моихъ глазахъ подробный перечень содержанія славянскои палеографіи, составленный г. Ундольскимъ на основаніи своихъ опытовъ и разысканій. Этотъ перечень показываетъ, что его авторъ изучалъ книжное дѣло нашихъ предковъ не только для своего, такъ сказать, домашняго обихода, что онъ старался не только пріобрѣсть и изощрить въ себѣ палеографическій тактъ, но изучалъ пред-

прямой смыслъ послѣсловія, оставлены безъ вниманія. Подписавшій послѣсловіе попъ Филиппъ двукратно говоритъ, что онъ только приписа, а не прѣписа цѣлый Сборникъ. Слова съ предлогами при и прѣ встрѣчаются на каждой страницѣ: по этому можно представить, какая произошла бы путаница, еслибы эти два предлога не отличались другъ отъ друга. Только одинъ разъ въ текстѣ Манассія написано прильсти вмѣсто(?) прѣльсти. Употребленіе и вм. ѣ въ другихъ случаяхъ (см. ниже § ѣ (не подтверждаетъ тожества приписа и прѣписа. Далѣе, писецъ говоритъ, что онъ приписалъ мала, по доуше-

---

метъ истино-ученымъ образомъ, съ тѣмъ, чтобы быть въ состояніи представить свои познанія въ подробномъ, систематическомъ изложеніи и такимъ образомъ изъ личнаго знанія, изъ искусства, какимъ остается доселѣ палеографія, сдѣлать настоящую науку. Въ перечнѣ г. Ундольскаго сл. палеографія въ первый разъ явилась моимъ глазамъ во всей обширности и разнородности своего содержанія. Здѣсь я увидѣлъ, что отдѣльныя замѣтки о начертаніи той или другой буквы, которыми довольствуется большинство любителей древней литературы, составляетъ лишь частицу всего объема палеографическихъ признаковъ. Другимъ спеціалистамъ—филологамъ, историкамъ — и въ голову не придетъ, да и некогда и не подъ силу замѣчать и обсуживать множество мелочей, которыя, бывъ собраны и сличены палеографомъ, становятся мѣткой характеристикой рукописи касательно времени и мѣстности ея происхожденія. Пользоваться этими признаками, когда они будутъ объяснены, не составитъ особенной трудности; но отыскивать ихъ собственными изслѣдованіями, это — трудъ, который, по моему мнѣнію, немногимъ можетъ быть доступенъ даже изъ тѣхъ, кто имѣетъ къ тому средства, пособія и удобства, не говоря уже о людяхъ, которые встрѣчаютъ только надобность въ подобныхъ изысканіяхъ. Чтобы быть палеографомъ, не довольно обыкновенныхъ условій образованія и учености: надобно имѣть страсть библіофила. Таковъ именно характеръ палеографическихъ трудовъ г. Ундольскаго. Суждено ли намъ видѣть зрѣлый плодъ этихъ трудовъ въ литературѣ, покажетъ будущее но во всякомъ случаѣ они остаются и останутся пріятнымъ доказательствомъ, что и наше поколѣніе имѣетъ хотя одного представителя, готоваго и вполнѣ способнаго къ тому трудному поприщу, которое ознаменовано прочными заслугами палеографовъ старшаго поколѣнія, каковы А. Х. Востоковъ, П. М. Строевъ, покойный (!) М. А. Коркуновъ и нѣк. другіе)

лезньнаа словеса, за что и воздаетъ славу Богу, исплънѣѭщоноу въмалѣ великаа: и тотъ и другой предикатъ прекрасно идетъ къ шести назидательнымъ статьямъ, занимающимъ только девять листовъ; но писецъ едва-ли могъ такъ выразиться о цѣломъ сборникѣ, который по объему заключаетъ въ себѣ сто сорокъ листовъ, а по содержанію почти цѣлый кругъ церковной догматики и обозрѣніе всемірной исторіи.

Чтобы спасти желаемое отношеніе послѣсловія и означеннаго въ немъ года ко всему сборнику, надобно предположить, что послѣдніе девять листовъ назначены были въ дополненіе именно къ этому сборнику, и что это дополненіе приписано немедленно за спискомъ Манассія, хотя и другимъ писцомъ. Предположеніе это вѣроятно; но все-же слѣдовало бы подтвердить его чѣмъ-нибудь положительно, напр. отношеніемъ дополненія къ предыдущимъ статьямъ по правописанію. Правда, съ предположеніемъ тождества почерка во всемъ сборникѣ предполагается и тождество правописанія; но это-то и подтверждаетъ окончательно, что на правописаніе дополнительныхъ листовъ не было обращено надлежащаго вниманія; потому что оно отличается отъ списка Манассія нѣкоторыми особенностями. Эти особенности еще болѣе подтверждаютъ, что списокъ Манассія и дополненіе принадлежатъ не одному писцу; но, за исключеніемъ этихъ особенностей, въ остальномъ они совершенно согласны по правописанію, такъ-что особенности дополненія позволяютъ приписать списку Манассія только нѣкоторое хронологическое первенство. Г. Чертковъ увѣряетъ, что оба списка Манассія «буквально» сходны между собою: этого увѣренія не должно принимать буквально; потому что Ватиканскій списокъ (какъ видно изъ выписки въ вышеупомянутой статьѣ г. Шевырева и изъ описанія списка Штрандмана въ О. Р. Р. М.) имѣетъ въ своемъ правописаніи и вышеупомянутыя отличія дополнительныхъ листовъ. Стало быть, Патріаршій списокъ, какъ неимѣющій этихъ отличій долженъ быть нѣ-

сколько древнѣе и Ватиканскаго списка и самаго своего дополненія, потому что отличія сихъ послѣднихъ принадлежатъ къ числу характеристическихъ отличій древняго и новаго. Отличія эти немногочисленны, именно таковы, чтобы допустить между обоими списками разстояніе только нѣсколькихъ лѣтъ. Изъ сличенія подобныхъ мелкихъ отличій можно надѣяться объяснить, какъ нѣкоторые звуки, не смотря на поддержку со стороны книжнаго языка и правописанія, упадали въ выговорѣ съ каждымъ поколѣніемъ и обнаруживались тонкими, но тѣмъ не менѣе замѣтными особенностями.

Перехожу къ вопросу о древности перевода Манассія съ греческаго на болгарскій. Г. Чертковъ относитъ время перевода къ XII вѣку; но въ другомъ сочиненіи и самъ замѣчаетъ, что приписки къ тексту перевода на поляхъ продолжаются до конца XII вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ столѣтіи для перевода остается только пять или, много, десять лѣтъ, притомъ едва-ли благопріятныхъ литературнымъ занятіямъ. По этому вѣроятнѣе было бы относить переводъ къ XIII вѣку, еслибы не было причины почитать его произведеніемъ XIV вѣка. Не знаю, почему не обращено никакого вниманія на надпись, помѣщенную на первомъ листѣ въ заставкѣ· она стоитъ того по крайней мѣрѣ не меньше вышеозначеннаго послѣсловія. Скопировавшій ее литографъ, на снимкѣ, приложенномъ къ сочиненію г. Черткова, очевидно, былъ оставленъ безъ помощи палеографа, отъ чего она и скопирована не совсѣмъ отчетливо, а въ одномъ словѣ даже невѣрно. Въ подлинникѣ она читается: сиꙗ книга из-(а не на-) ложена бъ из гр-ческаго ѫзык алеѯ цр҃. Слова не дописаны по недостатку мѣста въ пространствахъ, оставленныхъ въ заставкѣ. Впрочемъ эти недописки вовсе не мѣшаютъ понимать смыслъ ея: она, очевидно, значитъ: сиꙗ книга изложена бъ[illegible]ъ изъ гръческаго ѫзыка алеѯандроу цр҃ю. Современность ея самому списку трудно подвергнуть какому-либо со-

мнѣнію. Писецъ, очевидно, имѣлъ ее въ виду, когда рисовалъ свою заставку, и потому оставилъ въ серединѣ пустыя пространства; почеркъ и формы буквъ одинаковы съ почеркомъ текста, только мельче. Показаніе этой надписи положительно подтверждается вышеозначеннымъ послѣсловіемъ, въ которомъ значится, что попъ Филипъ приписалъ послѣдніе листы такъ-же по повелѣнію царя І. Александра. *) Припомнимъ еще, что на одной изъ картинъ Ватиканскаго списка царь І. Александръ изображенъ стоящимъ между Спасителемъ съ правой стороны и лѣтописцемъ Манассіемъ съ

*) Другое прямое свидѣтельство о времени славянскаго перевода находится въ одномъ мѣстѣ самаго текста лѣтописи, которое донынѣ осталось незамѣченнымъ. Разсказъ о завоеваніи Рима «уандальскимъ ригою (ῥήξ) Гизерихомъ» (выраженія славянскаго перевода лѣтописи) Манассій заключилъ обращеніемъ къ современному состоянію своего отечества, и тѣмъ обозначилъ время, въ которое онъ жилъ. Въ стих. 2546—2552 онъ говоритъ:

Καὶ ταῦτα μὲν συμβέβηκε τῇ πρεσβυτέρα Ῥώμῃ·
ἡ δ' ἡμετερα τέθηλεν, αὔξει, κρατεῖ, νεάζει,
καὶ μέχρι τέλους αὔξοιτο, ναὶ βασιλεῦ παντάναξ,
τοιοῦτον σχοῦσα τηλαυγῆ φωσφόρον βασιλέα,
μέγιστον Αὐσοναάνακτα, μυριονικηφόρον,
Κομνηνιάδην Μανουήλ, πορφύρας χρυσοῦν ῥόδον,
οὗπερ τὸ κράτος ἡλίοι μιτρήσαιεν μυρίοι.

Болгарскій переводчикъ, вмѣсто того, чтобы буквально передавать подлинникъ, какъ обыкновенно онъ дѣлаетъ, заблагоразсудилъ въ настоящемъ случаѣ, подражая лѣтописцу, примѣнить его слова къ своему отечеству. Онъ не могъ, конечно, сказать, подобно Манассію, *нашъ Римъ* (ἡ δ' ἡμετέρα (Ῥώμη) ст. 2547); но вмѣсто того, чтобы говорить о новомъ Римѣ, онъ счелъ за лучшее отнести патріотическія чувства подлинника къ *«новому Царюграду»*, то есть, къ тогдашней болгарской столицѣ и вмѣсто византійскаго императора Мануила Комнина, восхвалить выраженіями Манассія своего государя, Александра, и славнаго предка его, Іоанна Асѣня, возстановителя болгарскаго царства. Вотъ какъ переложилъ онъ вышеприведенный отрывокъ греческаго текста:

И сѧ оубо приключившѧ старомоу римѹ. нашъ же „новыи ѿ҃рградъ“ донтъ и раститъ, крѣпитсѧ и оумлаждаетсѧ, бѫди же емѹ и до конца расти. ен ѿ҃рю късѣмн ѿ҃ртковѫи, снѣкаго пріемшѹ свѣтла и

лѣвой; съ лѣвой же стороны парящій Ангелъ возлагаетъ на царя корону. Намъ кажется, что Манассій изображенъ здѣсь какъ свидѣтель предъ Іисусомъ Христомъ одной изъ важнѣйшихъ заслугъ царя, «во Христа Бога вѣрнаго», какъ говоритъ надпись этой картины. Но заслуга царя была бы не такъ значительна, еслибы онъ только приказалъ переписать этотъ памятникъ; по крайней мѣрѣ она не заслуживала бы предпочтенія предъ другими подобными заслугами, ни Манассій предъ сочинителями другихъ душеполезныхъ книгъ, которыя такъ же были переписаны по повелѣнію царя І. Александра. Допустивъ, что переводъ сдѣланъ при царѣ І. Александрѣ, не трудно понять, почему оба списка такъ сходны между собою и такъ мало представляютъ иска-

---

свѣтоносца ц҃рѣ, великаго владкѣ и изрядnаго побѣдоносца, „коренѣ сѫщаꙗ і҃ѡа҃нꙋ прѣнзаwнаго ц҃рѣ блъгарwмъ, асѣнꙋ. алеѯандра гр҃а прѣкроткаго и м҃тнаго, и мнѡголюбнаго (,) нищимъ крѣмителѣ, и великаго ц҃рѣ блъгарwмъ.“ егоже дръжавѣ сн҃ца безꙋмъныа да нсꙋтѣтъ. Листъ 72.

Чтобы опровергнуть это свидѣтельство, надобно бы было предположить, что замѣна словъ подлинника сдѣлана не переводчикомъ, а кѣмъ-либо изъ переписчиковъ; но такое предположеніе было бы совершенно произвольно. Мы видимъ напротивъ, что замѣтки о болгарской исторіи, не принадлежащія подлиннику, остались внѣ текста, по краямъ книги, хотя иногда было очень удобно внести ихъ въ текстъ, какъ напр. при вставкѣ за стихомъ 6020 (см. ниже, отрывки текста). Разсматриваемое измѣненіе подлинника допущено переводчикомъ потому только, что ему казалось вовсе неумѣстнымъ прославлять чужаго и давнишняго государя выраженіями, въ какихъ считалъ приличнымъ отозваться о немъ его подданный и современникъ. Кромѣ этого отступленія отъ подлинника, въ болгарскомъ текстѣ лѣтописи изрѣдка встрѣчаются лишь прибавки въ родѣ слѣдующей. хвпа нарицаѥмаѧ ѩзыкомъ отєчьства сн. єже по тлъкѣ єллнъскомꙋ гл҃єтъ єтера. „по нашемꙋ же, гостнꙋ,“ Листъ 60. Въ греческомъ подлинникѣ, ст. 1603 — 1604; λοῦπα κατατωνομάζετο τῇ γλώττῃ τῇ πατρίῳ ἤτοι κατὰ διάλεκτον ἑλληνικὴν ἑταίρα; или: ѥтръ сн҃рѣчь доꙋмавъ ст. 5894 Есть еще сокращеніе въ изображеніи Елены; см. ниже, въ отрывкахъ болг. текста ст. 1155—1168.

женій текста, которыя я замѣтилъ въ Патріаршемъ спискѣ только въ нѣкоторыхъ собственныхъ именахъ: оба были еще слишкомъ близки къ оригиналу. Поврежденіе уже началось; но оно было бы гораздо значительнѣе, еслибы между списками и оригиналомъ было разстояніе на цѣлое столѣтіе. Въ настоящемъ же видѣ Патріаршаго списка отдѣлить уклоненія писца отъ правописанія оригинала весьма трудно: почти всѣ особенности въ употребленіи буквъ столько же можно приписывать самому оригиналу, правописаніемъ котораго управляетъ уже другая система звуковъ, чѣмъ др. вне-болгарская. Въ какомъ отношеніи состоитъ эта система къ древней, покажетъ опытъ наблюденій, которыхъ часть предлагаю ниже.

На чемъ же — спросятъ — основывается мнѣніе г. Чертkова о глубокой древности перевода Манассія? Чтобы объяснить происхожденіе этого мнѣнія, надобно возвратиться къ тому состоянію славянской филологіи, когда истинныя свойства древнѣйшаго церковнаго языка, не смотря на труды Добровскаго, были неизвѣстны. По какому-то странному невниманію къ изслѣдованіямъ г. Востокова, тогдашнія темныя и ошибочныя понятія пережили свое время и имѣютъ рядъ своихъ представителей въ литературѣ даже донынѣ (т. е. до 1847) *), искажая самые добросовѣстные труды, какова

*) Въ этомъ виноваты отчасти переводчики Грамматики Добровскаго. Къ переводу непремѣнно надобно было присовокупить статью Востокова 1820 года, или хоть въ нѣсколькихъ словахъ, но съ надлежащею мѣткостью, упомянуть объ ней. Только при этомъ условіи Грамматика Добровскаго могла содѣйствовать у насъ успѣхамъ науки; потому-что сама по себѣ, она устарѣла уже прежде своего явленія въ свѣтъ: послѣ «Разсужденія» Востокова она требовала коренной переработки. Между тѣмъ вышло наоборотъ: Грамматика Добровскаго заслонила собою Востоковскія понятія, въ-слѣдствіе чего въ нашей литературѣ скорѣе можно указать ея вредное дѣйствіе, чѣмъ пользу. Такъ г. Чертковъ свои неправильныя понятія о древнемъ церковномъ языкѣ подтверждаетъ ссылками на Грамматику Добровскаго, которую, какъ видно, онъ изучалъ прилежно. Г. Шевыревъ такъ-же дѣлаетъ, въ выпискѣ изъ Ватиканскаго списка Манассія, ошибки, отъ которыхъ могла абы предостеречь его вышеозначенная статья Востокова.

характеристика правописанія Патріаршаго списка Манассія, представленная г. Чертковымъ въ его сочиненіи. Въ наше время извѣстна важность носовыхъ и полугласныхъ: довольно знать ихъ выговоръ и употребленіе, чтобы не почесть позднѣйшую рукопись за древнюю: посмотримъ же, какъ понимаются эти буквы въ описаніи г. Черткова. «Извѣстно» — говоритъ онъ — «что ѫ послѣ согласныхъ, въ древнихъ Словенскихъ рукописяхъ читается какъ ѹ»; а ъ, по его мнѣнію, самъ по себѣ не имѣетъ никакого выговора и употребляется въ знакъ отсутствія, на письмѣ, всякаго звука. «Словенскія рукописи», замѣчаетъ онъ по этому поводу, «въ отношеніи къ выпуску гласныхъ буквъ сходны съ Куфическими, Арабскими и вообще языками Семитическими *)». О буквѣ ь г. Чертковъ не упоминаетъ вовсе. — Но

*) Такое же сравненіе, только въ видѣ вопроса, встрѣчается въ Разсужденіи г. Вышнеградскаго. *О филологическихъ изслѣдованіяхъ Церковно-Словенскаго нарѣчія*, и пр. Спб 1847. «На самомъ дѣлѣ» — спрашиваетъ авторъ — «что такое ъ и ь въ древнѣйшихъ памятникахъ Словенскаго языка? Суть ли они тоже, что Еврейская *шева*? Замѣняютъ ли они собою гласныя? Это — отвѣчаетъ онъ — пункты нерѣшенные, еще ждущіи себѣ объясненія». Изъ всѣхъ новѣйшихъ грамматиковъ, по мнѣнію автора, «только О. Павскій опредѣлилъ съ неукоризненною полнотою и основательностію природу и назначеніе ера и еря въ Русскомъ языкѣ»; прочіе же грамматики, «называя ихъ то полугласными, то безгласными, не имѣли яснаго понятія о природѣ сихъ начертаній, и этими названіями *хотѣли только отдѣлаться отъ своей обязанности*». Съ полугласными, какъ извѣстно, состоитъ въ связи употребленіе бѣглыхъ *о* и *е* въ русскомъ языкѣ: авторъ упрекаетъ Добровскаго въ томъ, что онъ не объяснилъ вставку этихъ буквъ въ древнемъ церковномъ языкѣ (?!) и по этому поводу опять воздаетъ хвалу «Фил. Наблюденіямъ» г. Павскаго. Но не смотря на свое благоговѣніе къ *теоріи придыханій* г. Павскаго, авторъ, въ заключеніе всего, повторяетъ, что «природа буквъ ъ и ь, и ихъ употребленіе въ древнемъ церковномъ языкѣ, *законъ* этого употребленія, и образъ чтенія сихъ буквъ ждутъ еще себѣ опредѣленія». Откладывая рѣшеніе этого вопроса на будущее время, въ настоящемъ Разсужденіи авторъ замѣтилъ только, что онъ находитъ ъ «повсюду между двумя согласными». Я съ своей стороны предлагаю нѣсколько общихъ замѣчаній о свой-

если ѫ употребляется вмѣсто ѹ, ю, ѧ, ѩ, ѣ, и, а ъ, вмѣсто о, є, ѕ и наконецъ вмѣсто «никакой буквы» какъ, въ словѣ дъщерь, — можно ли признать это правописаніе древнимъ, какъ утверждаетъ г. Чертковъ? Кто правильно понимаетъ древнее правописаніе и знакомъ съ позднѣйшими искаженіями его, тотъ, конечно, поймет, что подъ гласными, замѣняемыми ѫ-сомъ, должно разумѣть ѫ, ѧ, ѭ, и на этомъ основаніи причислитъ разсматриваемую рукопись къ позднѣйшимъ болгарскимъ. Но за тѣмъ, въ этомъ описаніи нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что въ правописаніи памятника оу, ѭ, о, є, не употреблены вмѣсто ѫ, ѧ, ъ, ь, и что это употребленіе не оставлено авторомъ безъ замѣчанія, какъ согласное съ понятіемъ его о выговорѣ послѣднихъ. Если же прибавить къ этому ошибочные примѣры правописанія у г. Черткова: держава, оустѹпль, къкѣрцѣи, ѩкы, сѩше и пр., и у Г. Шевырева: късна, ако, ѩкатнсѧ, рѧа, то можно заключить, что въ описываемомъ памятникѣ есть русская стихія. Конечно, присмотрѣвшись внимательно къ манерѣ этихъ описаній, можно подозрѣвать, что эта русская стихія принадлежитъ не памятнику, а описателямъ его: но кто же осмѣлится рѣшительно утверждать это a priori? А подозрѣніе ошибокъ подрываетъ довѣріе ко всему остальному и отнимаетъ всякую возможность сдѣлать какое-либо опредѣлительное заключеніе.

Такова характеристика правописанія въ сочиненіи г.

ствѣ и употребленіи полугласныхъ въ древнемъ церковномъ языкѣ, не мечтая впрочемъ объяснить до сихъ поръ необъясненнаго пункта, потому что онъ, вмѣстѣ съ другими вопросами церковно-славянской грамматики, давнымъ давно объясненъ г. Востоковымъ, для котораго авторъ Разсужденія напрасно не позаботился сдѣлать исключеніе, говоря о грамматикахъ, отдѣлывающихся отъ своей обязанности — названіями!!

(Допускаю здѣсь это примѣчаніе для того, чтобы напомнить читателю состояніе понятій о церковномъ языкѣ въ то время, когда написано это разсужденіе).

Черткова. Охотно вѣримъ, что явившееся около того-же времени изданіе Остромирова Евангелія измѣнило понятіе достопочтеннаго ученаго о древнемъ церковномъ языкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ о степени древности правописанія перевода Манассія, и потому считаемъ излишними дальнѣйшія замѣчанія на прежнее его мнѣніе. Но я долженъ былъ высказать о немъ свое мнѣніе, чтобы объяснить причину моего разногласія, и чтобы предостеречь на-счетъ этой характеристики правописанія и ея методы тѣхъ, кто въ этомъ можетъ имѣть надобность. Недостатки филологической части сочиненія г. Черткова тѣмъ болѣе могутъ имѣть свое дѣйствіе, что въ другихъ отношеніяхъ его сочиненія достойны уваженія.

Впрочемъ, позднее правописаніе не есть еще доказательство того, что самый языкъ не принадлежитъ къ древнѣйшему времени. И въ искаженномъ употребленіи буквъ можетъ сохраниться древній текстъ относительно словопроизводства, словосочиненія и значенія словъ. Покуда текстъ нашего памятника не разобранъ и не сличенъ въ этихъ отношеніяхъ съ древнѣйшими памятниками, мы не много болѣе имѣемъ права выдавать его за поздній болгарскій, чѣмъ г. Чертковъ за древній, и потому я предпочитаю только задать себѣ вопросы, которые предстоятъ еще изслѣдованію: въ какомъ совершенствѣ владѣетъ переводчикъ древнимъ церковнымъ языкомъ, какимъ кажется съ перваго взгляда языкъ нашего памятника? Какими средствами онъ усвоилъ себѣ этотъ языкъ: изученіемъ ли только книжнаго языка, или и содѣйствіемъ своего народнаго нарѣчія? Если въ языкѣ памятника откроется преобразованіе древнѣйшаго языка вліяніемъ народнаго нарѣчія, то какого свойства это преобразованіе? Окажется ли въ немъ дѣйствіе особеннаго, чужаго, хотя и одноплеменнаго нарѣчія, или преобразованіе одного и того-же языка дѣйствіемъ времени и историческихъ обстоятельствъ? Однимъ словомъ, обнаружится ли въ

языкѣ нашего памятника только позднѣйшее состояніе самого древняго церковнаго языка, такъ-чтобы древній церковный языкъ въ свою очередь должно было признать древнѣйшимъ состояніемъ болгарскаго языка? — Не касаюсь другихъ ученыхъ интересовъ, которые могутъ возвышать важность и занимательность грамматическаго и лексикографическаго разбора памятниковъ, и заставляютъ почитать подобные труды необходимою потребностью нынѣшняго состоянія сл. филологіи, прежде всѣхъ другихъ требующею себѣ удовлетворенія: распространяться объ этомъ было бы неумѣстно по поводу статьи, ограничивающейся наблюденіями надъ правописаніемъ.

Что касается подробныхъ изслѣдованій о правописаніи, то необходимость ихъ ощущается различнымъ образомъ. Наше время, чувствуя потребность ознакомиться съ древностью, неутомимо обогащаетъ литературу изданіями древнихъ памятниковъ: но гдѣ же плоды этихъ изданій для филологіи? Остромирово Евангеліе, сколько намъ извѣстно, не вызвало ни одного сколько-нибудь обстоятельнаго филологическаго разбора *). Не смотря на достаточный запасъ изданій славяно-русскихъ памятниковъ, не было ни одного спеціальнаго изслѣдованія о состояніи древнихъ славяно-русскихъ звуковъ, о ихъ числѣ, свойствѣ, сочетаніяхъ **). При всемъ томъ, не смотря на незнаніе азбуки, мы охотно занимаемся филологическими, философскими, физіологическими теоріями о составѣ и законахъ языка.... Отъ-чего же такъ мало расположенія къ положительнымъ филологическимъ изслѣдованіямъ? Вѣроятно, отъ того, что ихъ на-

*) Послѣ перваго изданія этого разсужденія напечатанъ разборъ Остромірова Евангелія г. Миклошичемъ; при всѣхъ достоинствахъ, эта статья все-же скорѣе взглядъ на О. Е. съ особенной точки зрѣнія, нежели разборъ памятника на общихъ основаніяхъ положительно-исторической методы.

**) И по этой части явилось потомъ одно сочиненіе; но чтобы оно сдѣлалось дѣйствительнымъ началомъ разработки языка, нужна была дѣльная критика, какой не явилось.

добно начинать съ правописанія, съ буквы, — съ утомительнаго труда, который, какъ всѣ положительныя изслѣдованія, до совершенія своего не высказываетъ напередъ результатовъ, и который, по непривычкѣ, можетъ быть еще неудачнымъ. Но должно же наконецъ отважиться: неудачный, но добросовѣстный опытъ можетъ быть полезенъ отрицательнымъ образомъ; а въ случаѣ удачнаго выполненія разборъ памятника со стороны употребленія буквъ составитъ несомнѣнное пріобрѣтеніе. Всякій согласится, что, не смотря на умножающееся число изданій, описанія рукописей остаются еще, и долго будутъ оставаться, необходимымъ пособіемъ для историко-грамматическихъ изслѣдованій. Но въ какой мѣрѣ богаты они этого рода содержаніемъ? Ужели исторія грамматики славянскихъ языковъ ограничивается тѣмъ или другимъ употребленіемъ носовыхъ и полугласныхъ, или замѣною ихъ другими буквами? — Случается такъ-же, послѣ краткаго отзыва о правописаніи памятника, въ выпискѣ изъ него встрѣчать признаки разнородныхъ и разновременныхъ стихій: какъ ни ясны эти признаки, но на основаніи выписки не далеко уйдешь въ заключеніяхъ, если нельзя примкнуть ихъ къ результатамъ болѣе обширныхъ наблюденій. Превосходный, и въ своемъ родѣ единственный трудъ г. Шафарика, Serbische Lesekorner, требуя подтвержденія, повѣрки, вообще продолженія подобныхъ наблюденій, прямо вызываетъ на разборъ памятниковъ *) Лексикографическій опытъ г. Миклошича **), которому, не смотря на его краткость, безпорно принадлежитъ первое мѣсто между всѣми этого рода сочиненіями, такъ-же даетъ чувствовать нужду критической оцѣнки правописанія древнихъ памятниковъ. Болгар-

*) Появленіе въ свѣтъ «Исторіи Сербскаго Языка» было для меня пріятнымъ доказательствомъ того, что мнѣ удалось мѣтко указать одну изъ главныхъ задачъ славянской филологіи.

**) Разумѣется его сочиненіе: Radices linguae Slovenicae veteris dialecti. Lipsiae 1845. О позднѣйшихъ его трудахъ, болѣе обширныхъ, болѣе зрѣлыхъ, все-таки приводится сказать тоже самое (см. Предисловіе).

скіе памятники, по своей важности для всей исторіи церковной литературы и по особеннымъ отношеніямъ къ русскому языку, предпочтительно заслуживаютъ разбора *).

Скажу нѣсколько словъ о методѣ моихъ наблюденій надъ правописаніемъ, которая составилась впрочемъ не по предположеніямъ, а въ слѣдствіе сдѣланныхъ наблюденій. Древніе церковные памятники представляютъ въ своемъ языкѣ такую полноту звуковъ и полноту формъ, въ какой ни одинъ изъ славянскихъ народовъ, усвоившихъ себѣ церковную письменность, не могъ поддержать ихъ правильнымъ употребленіемъ. То-же представляетъ и нашъ памятникъ. Переводчикъ держался дошедшаго до него правописанія вмѣстѣ съ грамматическими формами письменнаго языка. Но изъ его правописанія видно, что древняя система буквъ уже до него потерпѣла нѣкоторыя измѣненія; но и въ этомъ измѣненномъ видѣ она не совсѣмъ точно соотвѣтствовала состоянію звуковъ въ современномъ выговорѣ. Въ какой мѣрѣ удалялось это состояніе отъ книжнаго употребленія буквъ, основаннаго древнимъ ихъ выговоромъ? Какой опредѣленности достигъ современный выговоръ въ своихъ особенностяхъ? Какими явленіями выразилось состояніе выговора въ правописаніи? Для рѣшенія этихъ вопросовъ, въ наблюденіяхъ надъ правописаніемъ, очевидно, нельзя ограничиваться внѣшнею стороною правописанія — случаями употребленія одного начертанія вмѣсто другаго. Цѣль наблюда-

*) Этой краткой фразой я хотѣлъ только напомнить выражаемую ею мысль, считая за лишнее ее доказывать. Между тѣмъ нашлись люди, которые спрашивали, или, правильнѣе, восклицали: «*какая польза для Отечественнаго языка и Словесности отъ разбора памятника, подобнаго Манассіи*»?! Если странно слышать такія восклицанія противъ изслѣдованій о древнемъ и среднемъ болгарскомъ вообще, то еще страннѣе это по поводу памятника, изъ котораго, какъ показано гг. Востоковымъ и Чертковымъ, цѣлыя страницы заимствованы въ русскія лѣтописи и хронографы. Такое мнѣніе, конечно, не заслуживало бы вниманія, и я не упомянулъ бы объ немъ, еслибы оно не было высказано на *ученомъ форумѣ*.

теля — отыскать, какъ писецъ выговаривалъ тотъ или другой звукъ? какъ читалъ онъ свой оригиналъ по своему привычному выговору? Чрезъ это само собою объяснится, какъ и для какихъ звуковъ пользовался онъ дошедшими до него средствами правописанія. Средство для открытія этого выговора — сравненіе случаевъ употребленія одной и той-же буквы, между собою и съ древнимъ, правильнымъ употребленіемъ. Древніе писцы, какъ извѣстно, не имѣли такихъ твердыхъ правилъ правописанія, какъ нынѣшніе литераторы; при всемъ уваженіи къ подлинникy до послѣдней буквы, они не рѣдко увлекались своимъ выговоромъ и обозначали его болѣе или менѣе мѣтко, сообразно съ степенью опредѣленности своего народнаго выговора и съ понятіемъ о звуковомъ значеніи употребляемой для того буквы. Нашъ памятникъ, въ своемъ различіи отъ древнихъ, съ перваго взгляда сильно поражаетъ непостоянствомъ употребленія буквъ; но, послѣ тщательнаго наблюденія, въ этомъ непостоянствѣ, къ немалому удивленію, открывается дѣйствіе системы звуковъ живаго выговора, и открывается такъ ясно, что въ ней видишь и то, что сохранилось отъ старинной системы звуковъ или вновь установилось прочно, видишь и признаки шаткаго, неопредѣлившагося состоянія звуковъ, и слѣды дальнѣйшаго, возникающаго преобразованія ихъ, и отличаешь прямыя обнаруженія этихъ оттѣнковъ отъ выраженія ихъ подъ вліяніемъ наслѣдственнаго, условнаго правописанія. Такое удачное правописаніе не часто встрѣчается въ другихъ памятникахъ: видно, что нашъ списокъ сдѣланъ однимъ изъ лучшихъ литераторовъ своего времени. Въ самомъ дѣлѣ замѣчательно, что чисто механическія ошибки, которыя только искажали бы слова и не имѣли бы значенія въ отношеніи къ выговору или къ грамматическимъ формамъ, здѣсь весьма рѣдки, и такъ какъ этотъ списокъ, бывъ очень исправно написанъ съ перваго почерка, былъ потомъ еще провѣренъ и исправленъ самимъ

же писцомъ или кѣмъ-либо изъ его современниковъ, то при разборѣ его, очевидно, умѣстно со всевозможною строгостью искать въ правописаніи прямыхъ и непрямыхъ обнаруженій живаго выговора.

Къ средствамъ правописанія въ нашемъ памятникѣ относятся нѣкоторые надстрочные знаки. Должно согласиться, что въ настоящее время они играютъ роль жалкую въ палеографіи. Самое лучшее обращеніе съ ними, когда соблюдаютъ ихъ съ точностію въ выпискахъ текста; но изъ употребленія въ выпискѣ трудно судить объ ихъ значеніи и выводить изъ нихъ заключеніе о самомъ памятникѣ. Изданій, въ которыхъ они соблюдены, немного, и въ этихъ изданіяхъ немного матеріала для ихъ исторіи. Но иногда они выпускаются въ изданіяхъ, и, въ замѣну, только упоминаются въ предисловіи, безъ подробнаго обозначенія ихъ мѣста и значенія. Это надо считать потерей для палеографіи и филологіи. Надстрочные знаки, употребляются ли они въ-слѣдствіе нужды правописанія и выговора, или только изъ подражанія оригиналу и неудачно, во всякомъ случаѣ могутъ служить характеристическими признаками рукописи. И во всякомъ случаѣ они не могутъ быть опредѣлены, въ своемъ значеніи или отсутствіи значенія, безъ вниманія въ однихъ случаяхъ — къ выговору, въ другихъ — къ правописанію (напр. слово — и слогоотдѣлительный знакъ).

Въ предлагаемыхъ здѣсь отрывкахъ текста я соблюдаю изъ надстрочныхъ знаковъ только тѣ, которые еще требуютъ себѣ объясненія, и опускаю тѣ, которыхъ употребленіе и значеніе можно показать въ немногихъ словахъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ:

1) Словоотдѣлительный знакъ въ видѣ густаго придыханія надъ начальною гласною. Этотъ знакъ нуженъ въ рукописяхъ, гдѣ слова писались безъ раздѣленія или почти безъ раздѣленія другъ отъ друга; а въ печати, при раздѣленіи словъ, онъ теряетъ свое значеніе и становится излишнимъ.

Замѣчу только, что онъ ставится надъ гласною и тогда, когда начинающееся ею слово составляетъ второй членъ сложнаго слова. Такое же значеніе имѣетъ кругловатое и большаго размѣра начертаніе *о*, и потому оно въ нашемъ изданіи не соблюдено.

2) Ударенія: острое, тяжелое и облегченное. Первое надъ начальною гласною обыкновенно сопровождается легкимъ придыханіемъ. Всегда ли оно имѣетъ дѣйствительное значеніе въ отношеніи къ выговору, это еще требуетъ изслѣдованія. Такъ какъ ударенія въ нашемъ памятникѣ ставятся нечасто, то соблюденіе ихъ въ предлагаемыхъ отрывкахъ не доставило бы достаточнаго матеріала для подобнаго изслѣдованія, и потому не имѣло бы цѣли, для которой стоило бы затруднять ими наборъ текста.

3) При стеченіи двухъ и въ окончаніи причастій и прилагательныхъ надъ этими буквами ставится знакъ изъ двухъ легкихъ придыханій, въ знакъ отчетливаго выговора обѣихъ согласныхъ.

4) Довольно часто ставятся двѣ точки надъ буквою ꙋ (греч. υ). Есть два случая употребленія буквы ь съ двумя точками: они не встрѣчаются въ предлагаемыхъ отрывкахъ.

Употребленіе всѣхъ этихъ знаковъ отличается тѣмъ, что въ немъ съ перваго взгляда видно ихъ назначеніе: достоинство, встрѣчающееся въ весьма немногихъ, лучшихъ рукописяхъ. Не всѣ они постоянно употребляются тамъ, гдѣ могли бы быть употреблены; но неправильнаго и напраснаго ихъ употребленія, вопреки ихъ значенію, я не замѣтилъ. При такой очевидной разумности употребленія однихъ знаковъ, позволительно искать смысла и въ другихъ, хотябы ихъ значеніе не такъ очевидно было съ перваго взгляда, какъ въ вышеупомянутыхъ. Таковы: знакъ ˋ, употребляемый надъ ъ и ь, надъ ѫ и ѧ, изрѣдка надъ н, и еще рѣже надъ о и оу, и знакъ ˝ надъ ы. Въ какой мѣрѣ мнѣ удалось объяснить эти знаки выговоромъ, предоставляю судить читателю

и потому неупустительно соблюдаю ихъ въ предлагаемомъ текстѣ.

Особый разрядъ надстрочныхъ знаковъ составляютъ титла и разныя сокращенія, которыхъ въ нашемъ памятникѣ довольно много. Я обошелся съ титлами безъ церемоніи: всѣ переложилъ ихъ на полныя буквы Титла, скрывая орѳографическій и фонетическій видъ словъ, только затрудняютъ филологическій взглядъ на правописаніе, и потому можно бы желать, чтобы они вездѣ перелагались на полный составъ буквъ. Но бѣда въ томъ, что очень часто бываетъ трудно, даже невозможно навѣрное угадать форму, скрываемую титломъ: въ слѣдствіе этой трудности основательно принято передавать титла въ печати съ самою скрупулезною точностью. Въ спискѣ Манассія этой трудности я не встрѣчаю. Знаю, что иногда писецъ могъ бы употребить вмѣсто титла ту или другую форму правописанія по произволу; но я знаю также, которая изъ этихъ формъ ближе подходитъ къ его выговору и наиболѣе согласна съ его орѳографическими обычаями,—и не затрудняюсь замѣнить ею титло, если только она дѣйствительно употребляется писцомъ. Въ разсужденіи такихъ словъ, какъ дꙋша, мꙋчитель и под., не можетъ быть недоразумѣнія; но я ставлю также, вмѣсто формы подъ титломъ, полную форму подхꙑбно, хотя писецъ могъ бы написать подъхꙑбно: этотъ ъ послѣ д безгласный, и потому столь же часто опускается, какъ и пишется (см. ниже § ъ. ь). Въ словѣ рождъство, вмѣсто сокращенія съ буквою д или даже одного ж наверху, я ставлю ждъ, потому что это смягченіе д соблюдается въ нашемъ памятникѣ безъ исключеній, а ь въ выговорѣ уступаетъ свое мѣсто еру, почему послѣдній обыкновенно и пишется, а рождьство встрѣчается рѣже, и то, конечно, лишь по орѳографическому навыку. Въ словѣ дьнь я замѣняю титло буквою ь, потому что она постоянно является, какъ скоро это слово пишется безъ титла: встрѣчается однажды странная форма (вѣроятно, изъ простона-

роднаго говора) дєнь вин. мн.; но звукъ этой формы я не счелъ себя въ правѣ распространить на другіе падежи. Въ словѣ любоуьстіє вм. титла я ставлю ь потому что у въ коренныхъ слогахъ постоянно сохраняетъ при себѣ ь, за исключеніемъ развѣ слова: уто. Вмѣсто бы пишу бысть, потому что такъ оно и пишется по выговору, хотя, по условному правописанію, встрѣчается и бысть. Поступая такимъ образомъ при переложеніи титлъ, я остаюсь въ убѣжденіи, что не внесъ въ текстъ ничего несогласнаго съ формами господствующаго въ немъ правописанія, ни съ существовавшею системой живаго выговора, — ни одной формы, которой не одобрилъ бы самъ болгарскій писецъ. Изъ титлъ я оставилъ неприкосовеннымъ только іс, потому что, написавъ это слово всѣми буквами, я внесъ бы въ текстъ сочетаніе ıє, которое является только въ сокращенномъ начертаніи этого слова подъ титломъ, а замѣнивъ это сочетаніе буквою є, я опять несправедливо изгналъ бы его изъ текста. Замѣчу только, что ıє выговаривалось єсть, какъ нерѣдко и пишется, хотя встрѣчается и есть.

Конечныя согласныя, часто ставимыя наверху, я внесъ въ строку, не дополняя ихъ ни еромъ, ни ерью. Вмѣсто обѣихъ полугласныхъ безъ различія, изрѣдка ставится одинъ и тотъ-же паеркъ ', не означающій прямо ни твердаго, ни мягкаго выговора.

За исключеніемъ изложенныхъ правилъ изданія текста, вѣрность его въ остальномъ засвидѣтельствована состоящимъ при описаніи славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библіотеки, г. профессоромъ Семинаріи К. И. Невоструевымъ. Онъ принялъ на себя трудъ свѣрить корректуру предлагаемыхъ отрывковъ съ рукописью, и сдѣлалъ разныя, для меня нужныя справки, съ своими на нихъ поясненіями и замѣчаніями. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить ему мою искреннюю благодарность; равно изъявить удовольствіе, что духовное начальство, для изслѣдованія

своихъ рукописныхъ сокровищъ, ученому профессору А. В. Горскому дало въ помощь достойнаго сотрудника, который, умѣя цѣнить ихъ древность и значеніе для науки, вполнѣ способенъ и радушно готовъ удовлетворять строго-ученымъ нуждамъ.

Предлагаемые отрывки изъ Патріаршаго списка я сличалъ съ выписками изъ Ватиканскаго списка. О правописаніи послѣдняго я уже сдѣлалъ общій отзывъ; ниже, при случаѣ, я указываю нѣкоторыя важнѣйшія изъ его особенностей. Но при изданіи отрывковъ я дорожу болѣе его сходствомъ съ Патріаршимъ списокомъ, нежели варіантами. Это сходство особенно важно тамъ, гдѣ формы отличаются какою нибудь странностью. Одинаковыя формы отмѣчены у меня звѣздочкой, которая значитъ, что *такъ стоитъ и въ Ватиканскомъ спискѣ*. Другаго рода примѣчанія отмѣчены цифрами.

Греческій текстъ я взялъ изъ Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, editio consiliis B. G. Niebuhrii instituta, гдѣ Constantini Manassis Breviarium Historiae metricum recognovit Immanuel Bekkerus (Bonnae, MDCCCXXXVII).

ПРѢМ҃ДРАГѠ МАНАСІѢ Н ЛѢТОПИСЦА, СЪБРАНІЄ ЛѢТНО Ѡ СЪЗДАНІА МИРА НАЧИНАЮЩЕЄ, И ТЕКУЩЕ ДО САМОГО ЦАРСТВА КИР НИКИФОРА ВОТАНІѠТА.

Доуша оубѡ тиволюбнаа, имѣніѡм къпимает. и въсѣ-
уьскы пеуется еже полоуунти желаніе. тъи же доуше царска
и словолюбнаа, присно жажджщи разоума и слова и нака-
занїа, (5) книгамъ прїсно прилежнши, и наслаждлешиса къ
книгахъ. и бываетти жизни въсе врѣма, слово.

И понеже оубѡ въждѣлѣлъ есн ваку пнтателничъ слокоу. добросъставленоу тебѣ и изъвѣстноу писанню изложеноу бы-
ти, ясно сказоующее древнѣа словеса. (10) и которїи обладаш

Τοῦ φιλοσόφου κυρίου Κωνσταντίνου τοῦ Μανασσῆ σύνοψις ἱστορικὴ διὰ στίχων, ἀπὸ τῆς κτίσεως κόσμου τὴν ἀρχὴν ποιουμένη καὶ διήκουσα μέχρι τῆς βασιλείας κυρου Νικηφόρου τοῦ Βοτανειάτου.

1. Ἡ μὲν φιλόϋλος ψυχὴ ταῖς ὕλαις ἐπιχάσκει,
καὶ πάντα πραγματεύεται προς τὸ τυχεῖν τοῦ πόϑου·
σὺ δέ, ψυχὴ βασίλισσα καὶ φιλολογωτάτη.
ἀεὶ διψῶσα γνώσεως καὶ λόγου καὶ παιδείας,
5. βίβλοις ἀεὶ προστέτηκας, ἐπεντρυφᾷς τοις λόγοις,
καὶ γίνεταί σοι τῆς ζωῆς ἅπας ὁ χρόνος λόγος.
ἐπεὶ γοῦν ἐπεπόϑησας σια τροφιμη λόγου
εὐσύνοπτόν σοι καὶ σαφῆ γραφὴν ἐκπονηϑῆναι,
τρανῶς ἀναδιδάσκουσαν τὰς ἀρχαιολογίας,
10. καὶ τίνες ἦρξαν ἀπ᾽ ἀρχῆς καὶ μέχρι σοῦ προῆλϑον

испръва, и даже догде достигошѫ, и которїи царствовашѫ, и даже до колико лѣтъ. мы̑ оубо въспрїемлемъ тѧготѫ троуда сего, аще и нѫ̑ждно дѣло и троудно ѥ̑. оутѣшаѭтъ бѡ нашѫ ѧже въ словесехъ троуды, (15) велицїи дарове твои и любоуьстие твое. и троуднааго вара и болѣзнънаго, дарове прохлаждаѭтъ въдаваемїи ѵѧсто. и сїа оубѡ зде ми и до сего да прѣстанѫтъ. да не како подхыбно възмънитсѧ нѣкоторыимъ слово. (20) и помыслъ оставлъше, другаа ѹслышати потекѫтъ. Мноѕѣмъ написавшим же и лѣтописавшимъ. и потъщавшимсѧ оубѡ изрещи правѣ и истиннолюбнѣ. дроуг же съ дроугомъ неслиѵно сїа съписавшемъ, мы прѣдтекше мнѧщїихсѧ болшими (25) вѣдѣти извѣсто и паѵе истинъствовати. еже по силѣ нашеи съвръшаемъ тебѣ.

(Заѵ[ѧ]ло. Дьнь а̅.) Божие въсесъвръшеное и мироѕиждителное слово. небо безъѕвѣздное приведе въ наѵѧлѣ, бесѵислъноѭ добротоѭ сїаѭще лоуѵами божествъными. (30) и земѧ въсе-

και τίνων ἐβασίλευσαν, ἐτῶν δὲ μέχρις πόσων,
ἡμεῖς ἀναδέξομεθα το βάρος τοῦ καμάτου,
κἂν δυσχερὲς καν ἐπαχθὲς τὸ πρᾶγμα, κἂν ἐργῶδες·
παραμυθοῦνται γὰρ ἡμῶν τοὺς ἐν τοῖς λόγοις μόχθους
15. αἱ μεγαλοδωρίαι σοὺ καὶ τὸ φιλότιμόν σου,
καὶ τὸν τοῦ κόπου καύσωνα καὶ τῆς ταλαιπωρίας
αἱ δωρεαὶ δροσίζουσι κενούμεναι συχνάκις.
Καὶ ταῦτα μὲν ἐνταῦθά μοι καὶ μέχρι τούτου στήτω,
μή πως κολακικώτερος δόξῃ τισὶν ὁ λόγος,
20 καὶ τὸν σκοπὸν καταλιπὼν ἄλλην ἀκούσῃ τρέχειν.
πολλῶν ἱστορησάντων δὲ καὶ χρονογραφησάντων,
καὶ σπουδασάντων μὲν εἰπεῖν ὀρθῶς καὶ φιλαλήθως,
ἀλλήλοις ἀνομοίως δὲ ταὐτὰ συγγραψαμένων,
ἡμεῖς προχειρισάμενοι τοὺς μάλιστα δοκοῦντας
25. τῆς ἀκριβείας ἔχεσθαι καὶ μᾶλλον ἀληθεύειν,
τὸ κατὰ δύναμιν ἡμῶν ἀποπληρώσομέν σοι.
Ὁ τοῦ θεοῦ παντέλειος καὶ κοσμοκτίστωρ λόγος
τὸν οὐρανὸν τὸν ἄναστρον παρήγαγεν ἀρχῆθεν,
ἀπλέτῳ κάλλει λάμποντα μαρμαρυγῶν ἐνθέων,
30. καὶ γῆν τὴν παντοθρέπτειραν, καὶ σὺν αὐτῇ τὸ φάος.

питателницѣ и съ ними свѣтъ. Земѣ же неоукрашена и невидима бѣ и тъма належаше глъбокаа на том плещоу. свѣтоу же въсіавшоу и покъсѫдоу проліавшоуса и свѣтлостиѫ испълъненомъ и свѣтозарноу дъноу бывшоу, [35] явившаса прѣжде невиднмаа. и мрачнаа тъмы прогнана бысть сіаніемъ свѣтлънхъ лоучь. Къ снхъ оубо прѣтеуе прѣвъын дьнемъ.

(Дьнь в.) Окоу въсіавшоу дьнѣ второаго, небо второе оутвръдн прьмѫдрѣ. [40] егоже земнъимъ въсекровенъ съдѣлакъ покровъ, нареуе твръдь, богъ доброхѫдожнъын. плоуі прѣвъыя безъѕкѣздныя, вторѫѫ дроугѫ твръдь. тогда и въселнтное естьство водное и бездны раздѣлнкъ и око оубо горѣ [45] къ въсотѣ недовѣдомѣ и лекіѣ къзнесъ. ово же на земли оставль, поставн посрѣдѣ снхъ нёко ыко прѣгрѫдѫ и ыко твръдѫѫ стѣнѫ. ѕвнцл же оубо захождаше дьню второмоу, а трётіи ыкъ късіаваше.

(Дьнь г.) И ыкъ хѫдожнникъ [50] късезнѫдитель прьмѫдрын,

ἡ γῆ δ' απερικόσμητος ἀόρατος ὑπῆρχε,
καὶ σκότος ἐπεκάϑητο βαϑὺ τοῖς ταύτης νώτοις.
τοῦ δὲ φωτὸς αὐγάσαντος καὶ πανταχοῦ χυϑέντος,
καὶ λευκοπέπλου λαμπραυγοῦς ἡμέρας γενομένης,
ὤφϑη τὰ πρὶν ἀϑέατα. καὶ σκότους ἡ στυγνότης
ἐφυγαδεύϑη τῷ πυρσῷ τῶν φωτοβολημάτων.
ἐν τούτοις οὖν παρέδραμε τῶν ἡμερῶν ἡ πρώτη.
Τοῦ δὲ βλεφάρου λάμψαντος ἡμέρας τῆς δευτέρας
τὸν οὐρανὸν τὸν δεύτερον ἐσφαίρωσε πανσόφως,
ὃν τοῖς ἐν γῇ παντοστεγῆ δημιουργήσας στέγην
ὠνόμασε στερέωμα ϑεὸς ὁ καλλιτέχνης,
παρὰ τὴν πρώτην ἄναστρον ἑτέραν ὄντα σφαῖραν.
τότε καὶ τὴν παντόχυτον φύσιν τὴν ὑδατίαν
καὶ τὰς ἀβύσσους διελών, καὶ τούτων τὸ μὲν ἄνω
πρὸς ὕψος ἀνεννόητον κούφως μετεωρίσας,
τὸ δ' ἐπὶ γῆς ἀπολιπών, ἔστησε τούτων μέσον
τὸν οὐρανὸν ὥσπερ φραγμόν, ὥσπερ στερρὸν τειχίον.
Κόρῃ μὲν οὖν ἐπέμυεν ἡμέρας τῆς δευτέρας.
καὶ τρίτη πάλιν ηὔγαζε. καὶ πάλιν ὁ τεχνίτης
ὁ παντοτέκτων ὁ σοφὸς ἄλλοις προσεῖχεν ἔργοις.

дроугыимъ вънимааше дѣломъ. и понеже оубѡ проливаашеся по земи въсеи елика ѿ небесныих водъ остала бѣ вода, и въсе лице еѫ покрываашe езеръствоуѫ, въсе пролитїе въ едино съвъкоупи вънезапѫ. (55) ꙗкоже нѣкто млѣка бѣла влагѫ слаткопролитнѫ. ꙗко да оусы́ритъ и сырныи крѫгъ сътворитъ. ѿдѣлившоу же ся оубѡ пръвѣе належѫщомоу, ꙗвися лице земное. и красота въсїа каменню и горамъ и бръдом глѫбокодолныимъ (60). ѿ сего оубѡ съставъ весь водныи морѣ нареуе. соушное же естьство. елико каменїемъ съставлено и елико тлъстобраздно, земя хытрец нареуе, богъ въседѣтель. [1] прѣмногѫѫ же своѫ силѫ ꙗвлѣѫ (65) не въсїавши еще зари исполина слънца, многоразличномоу повелѣ былию прозѧбсти [2].

ἐπεὶ γὰρ ἐξεκέχυτο κατὰ τῆς γῆς ἁπάσης
ὁπόσον ἦν ὑπ' οὐρανὸν ὕδωρ περιπολεῦον,
καὶ πᾶν τὸ πρόσωπον αὐτῆς ἐκάλυπτε λιμνάζον,
πᾶσαν τὴν χύσιν εἰς ταὐτὸ συνήγαγεν ἀθρόως,
ὡς εἴ τις γάλακτος λευκοῦ νοτίδα γλυκυχύμου
ὀπῷ συμπήξει καὶ τυροῦ κύκλον ἀποτορνεύσει.
ἀπορραγέντος τοιγαροῦν τοῦ πρίν ἐπιπροσθοῦντος
ὤφθη τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, ἡ μόρφωσις ἐφάνη
καὶ τῶν πετρῶν καὶ τῶν ὀρῶν καὶ λόφων βαδυκρήμνων.
ἐντεῦθεν τὸ μὲν σύστημα σύμπαν τὸ τῶν ὑδάτων
θάλασσαν κατωνόμασε· τῆς δὲ ξηρᾶς τὴν φύσιν,
ὁπόση πετροστοίβαστος, ὅση λιπαροβώλαξ,
γῆν ὁ τεχνίτης κέκληκε θεὸς ὁ παντεργάτης.
τὴν δ' ὑπερφέρουσαν αὐτῷ δύναμιν ἐμφανίζων,
μήπω λαμψάσης τῆς αὐγῆς τοῦ γίγαντος ἡλίου
παντοδαπὴν ἐκέλευσε βοτάνην ἐκφυῆναι.

---

[1]) Отселѣ начинается Ватиканскiи списокъ; но этого начала надобно искать не на первой, а на третьей страницѣ текста (или на XXIII страницѣ общей нумерацiи списка). Начинаясь съ одиннадцатой строчки этой страницы, текстъ идетъ непрерывно на слѣдующихъ двухъ (XXIV, XXV) страницахъ; послѣ же второй строчки слѣдующей (XXVI) страницы должно перейти къ первой (XXI) страницѣ списка.

[2]) Въ Ват. прозѧбнѫти.

л 54 (1107) [3] Давидоу же обладаѫщоу еще иноплеменныими, ꙗже къ троꙗмъ брань елины съставлена бысть. ради елены жены сѫщѫѫ менелаовы. (1110) Сиѫ҃ азъ въсхотѣвъ брань съписати. ꙗкоже писавшїими прѣжде пишетсѧ о неи. и хотѧ глаголати, не ꙗкоже омиръ съписуетъ, прощенїа просѧ ѿ благоразоумныих. омир бѡ сладкыи ѧзы҃комъ и доброумныи, (1115) различныими шаровы прѣмѫдрости оукрашаетъ словеса. инѫду же много обращаетъ и прѣлагаетъ. нѫ҃ се оубѡ прочее сиа да съповѣмы.

Царевоу (sic) ° сы҃ноу, ѡбладаѫщому [4] троемъ, приамоу. съпрѫжница бѣше екава дъщи кисова. (1220) и мати бысть ѿ сего многыимъ дѣтемъ. Имѧщи оубѡ въ чрѣвѣ, и близъ рождъства сѫщи, страхованми оустрашисѧ нощныих сѣ҃нѡвъ. видѣти бѡ мнѣшесѧ главнѧ горѧщѫѧ огнемъ исчрѣва еѫ про-

1107. Τοῦ δὲ Δαβὶδ κατάρξαντος ἄρτι τῶν ὁμοφύλων,
ὁ πρὸς τοὺς Τρῶας πόλεμος Ἕλλησιν ἐκροτήθη,
χάριν Ἑλένης γαμετῆς οὔσης τοῦ Μενελάου.
1110. ταύτην ἐγὼ βουλόμενος τὴν μάχην ἱστορῆσαι
καθὼς τοῖς ἱστορήσασι γράφεται περὶ ταύτης,
καὶ μέλλων λέγειν οὐ καθὼς Ὅμηρος ἀναγράφει,
συγγνώμην ἐξαιτήσομαι παρὰ τῶν εὐγνωμόνων·
Ὅμηρος γὰρ ὁ μελιχρὸς τὴν γλῶτταν καὶ θελξίνους
1115 μεθόδοις χρώμενος σοφαῖς οἰκονομεῖ τοὺς λόγους,
ἐνιαχοῦ δὲ τὰ πολλὰ στρέφει καὶ μεταστρέφει.
ἀλλὰ γὰρ ἤδη μοι λοιπὸν ταῦτα διηγητέον.
Τῷ Λαομέδοντος παιδὶ τῷ φυλαρχοῦντι Τρώων
Πριάμῳ σύζυγος συνῆν Ἑκάβη παῖς Κισσέως,
1120. καὶ μήτηρ ἐχρημάτισε πολλῶν ἐκ τούτου παίδων.
ἔχουσα νοῦν κατὰ γαστρὸς καὶ πρὸς τὸ τίκτειν οὖσα
φοβήτροις ἐκτεθρόητο νυκτέρων ὀνειράτων·
βλέπειν γὰρ ἔδοξε δαλὸν φλόγεον ἀνθρακίαν
ἐκ τῆς αἰδοῦς προκύπτοντα ταύτης, καὶ πυρπολοῦντα

---

[3]) зде повѣдоуетъ како вечерніи елини, и въстоуніи междусобнѫѧ рат сътвориш велик нѣкогда.

[4]) В. обладаѫщу, также многымъ вм многыимъ и въ друг. падежахъ.

ничѧщѫ, и попалѣѭщѫ (1125) **град весь въкꙋпѣ. оуслыша же сїа прїамъ, и влъхвѡм прѣдложи. разꙋмѣ же ꙗко полезно емꙋ естъ и градꙋ, аще раждаемое ѕвѣремъ въдано** [5] **бѫдет** [6]. (1130) **помалѣ же алеѯандръ изыде на свѣтъ. младенецъ** [7] **радостенъ. благолѣпенъ доброобразенъ. подобааше оубѡ прїамоу не разложити никакоже. нѫ̑ абїе проник̀шее исꙋрѣва отроꙋа погꙋбити.** [8] (1135) **онже естьствомъ побѣжден бы̑въ, пощѫдѣ**

1125. τὴν πόλιν ἅπασαν ὁμοῦ καὶ τὰς τῆς Ἴδης ὕλας
ἀκούει τοῦτο Πρίαμος, τοῖς μάντεσι κοινοῦται
μανθάνει χρήσιμον αὐτῷ γενέσθαι καὶ τῇ πόλει,
ἂν τὸ γεννηθησόμενον θηρίοις ἐκτεθείη [6])
ἢ τῷ πυρὶ τῷ καυστικῷ πρὰς ὄλεθρον ῥιφείη
1130 μετὰ μικρὸν δ' Ἀλέξανδρος ἐξέθορεν εἰς φάος,
χαρίεν βρέφος [7]), εὐπρεπές, ἀστεῖον τῷ προσώπῳ.
ἐχρῆν μὲν οὖν τὸν Πρίαμον μελλήσαντα μηδ' ὅλως
εὐθὺς προκύψαν ἐκ γαστρὸς τὸ βρέφος ἀφανίσαι,
ἐξαφανίζειν παντελῶς ἅπασαν χώραν μέλλον· [8])
1135. ὁ δὲ τῇ φύσει νικηθεὶς φείδεται τοῦ τεχθέντος.

---

[5]) Стихъ, пропущенный въ Патріаршемъ спискѣ, восполняется изъ Ват **или вь ѡгнь полѧщїи на погыбѣль вьвръжено бѫдетъ.**

[6]) Варіантъ: ἐκδοθείη

[7]) Вар. βρέφος χαρίεν.

[8]) 1134 стихъ находится не во всѣхъ спискахъ, и въ болгарскомъ переводѣ по обоимъ спискамъ нѣтъ его. Имъ нѣсколько смягчается мысль предыдущаго стиха; все-же впрочемъ она отзывается слишкомъ рѣшительной политикой. Къ чести византійскихъ писателей, нѣкоторые изъ нихъ высказывали и лучшія понятія и чувства при взглядѣ на подобныя событія. Такъ, одинъ изъ современниковъ завоеванія Царьграда Крестоносцами, авторъ хронологическаго обзора всемірной исторіи, Іоиль, оканчиваетъ свои сухои перечень царей слѣдующимъ заключеніемъ.

«*Убившій* его (малолѣтняго Алексія Комнина), дядя его по отцу, Андро-«никъ властвовалъ три года; *убившій* этого, племянникъ его, Исаакъ Ангелъ, «царствовалъ девять лѣтъ; *ослѣпившій* этого, родной братъ его, Алексій, «царствовалъ также девять лѣтъ; *прогнавшій* этого съ престола и изъ Кон«стантинополя, племянникъ его, сынъ того Исаака, Алексіи, царствовалъ «шесть мѣсяцевъ; *убившій* этого, двоюродный братъ его, Алексіи Дука, «иначе называемый Мурцуфлъ, царствовалъ два мѣсяца. И все это, увы! «христіане христіанъ! Какъ же было терпѣть небесному правосудію и не «предать насъ въ рабство и избіеніе? Такъ и случилось прекрасный градъ «Константина, за толикія злодѣянія, преданъ Италійцамъ!»

рождъшеесѧ. мнѧ же прѣмѫдрити дръзост добрыѧ чѧсти, инъıимъ на въспитанїе, пометнѫ е на селѣ. еже ѿ самого парида, парїемъ прозваное. повръжено оубѡ бѣ небрѣгомо. обрѣтошѫ же е пастырїе, (1140) и ѹщедришѫ и възѧшѫ. и пощѫдѣшѫ отроча. и ꙗко младенца въскръмишѫ е, парїемъ нарекше. приближившѹ же с емоу юношъскаго възраста, прїамъ съобѣдника его приѧтъ. мнѧ ꙗко избѣгнѫлъ естъ ѧже ѿ него пакости. (1145) нѫ҃ бѣхѫ не разсѹкана прѧдена добрыѧ чѧсти. и единоѫ реченномѹ немощно бѣ погыбнѫти. алеѯандръ бѡ нѣкого ѿ сърoдник си ѹбивъ. неволнъıми оубѡ стръмленми, нѫ҃ обаче съдѣла оубїнство. отиде къ менелаоу ѿ троꙗ въ спарть. (1150) приѧтже сего добрѣ онъ ꙗко дрѹга. поуьте его и ѹгости, и въсѣчьскы полюби. зде твоа игра мѫчителю въсѣхъ рекъ (sic) зде твоа игра и враждное сѣмѧ. тѣмже въжеглъ еси великѫѫ пещь брани.

(1155) Отиде же менелае, а оста единъ парїе. и видѣ мене-

νομίζων δὲ σοφίσασθαι τὸ δραστικὸν τῆς τύχης,
ἄλλοις ἐκτραφησόμενον ἐκτίθησιν εἰς χῶρον
τὸν ἀπ' αὐτοῦ τοῦ Πάριδος Πάριον κεκλημένον.
ἔρριπτο τοίνυν ἀμελῶς. εὗρον αὐτὸ ποιμένες,
ᾠκτείρησαν, ἀνείλοντο. κήδονται τοῦ νηπίου.
καὶ βρεφικῶς ἐκτρέφουσι Πάριν ὠνομακότες.
ἤδη δ' αὐτὸν ἐγγίσαντα μειράκων ἡλικίᾳ
ὁ Πρίαμος συνέστιον αὐτὸν παραλαμβάνει
νομίσας ὡς ἐκπέφευγε τὴν ἀπ' ἐκείνου βλάβην.
ἀλλ' ἦσαν ἀμετάκλωστα τὰ νήματα τῆς τύχης
καὶ τὸ καθάπαξ κυρωθὲν οὐκ ἦν ἀναλυθῆναι.
ὁ γὰρ Ἀλέξανδρός τινα τῶν ὁμογνίων κτείνας,
οὐχ ἑκουσίαις μὲν ὁρμαῖς πλὴν ὅμως δράσας φόνον,
ἀπαίρει πρὸς Μενέλαον ἐκ Τροίας ἐπὶ Σπάρτην.
δέχεται τοῦτον εὐμενῶς ἐκεῖνος οἷα φίλον,
φιλοφρονεῖται, ξεναγεῖ, παντοίως δεξιοῦται.
ἐνταῦθά σου τὸ παίγνιον, τύραννε πάντων Ἔρως,
ἐνταῦθά σου τὸ παίγνιον καὶ τὸ τῆς ἔχθρας σπέρμα,
ὅθεν ἀνῆψας λιπαρὰν κάμινον τοῦ πολέμου.
ἀποδημεῖ Μενέλαος, λείπεται Πάρις μόνος,

лаовѫ въ клѣти женѫ. бѣ же жена прѣкрасна. добровѣждна. доброзраѵна. добролиѵна и доброобразна. голѣмоока, и ꙗкы снѣгъ бѣла. и дарѡвъ исплънена множьствомъ сѫщи[9]. (1168) видѣ оубѡ сиѫ̑ алеѯандръ и въсхытисѧ добротоѫ еѫ̑. и ѵто много длъгословити и писати. (1170) въсхыти ѫ хотѧщѫ, и бѣга сѧ ѧтъ. и бѣганиꙗ не могы инако оутолити. въ корабь ° въшедъ моръскыи, отиде въ финикь. ѿ ведѫщаго оуклонивсѧ шествиꙗ въ трои. гоненїе бѡ ожидааше ѿ обидѣныих. (1175) обьѧт же бывъ вѣтры крѣпкыми и многомѫтными, едва въ нѣкое приста оустїе нилово. кановикъ нарицаемое въ лѣтѣх по-

τὴν Μενελαου γαμετὴν κατὰ τὸν οἶκον βλέπει.
ην ἡ γυνὴ περικαλλής, εὔοφρυς, εὐχρουστάτη,
εὐπάρῃος, εὐπρόσωπος, βοῶπις, χιονόχρους[9]),
ἑλικοβλέφαρος, ἁβρά, χαρίτων γέμον ἄλσος,
1160. λευκοβραχίων, τρυφερά, κάλλος ἄντικρυς ἔμπνουν.
τὸ πρόσωπον κατάλευκον, ἡ παρειὰ ῥοδόχρους,
τὸ πρόσωπον ἐπίχαρι. τὸ βλέφαρον ὡραῖον,
κάλλος ἀνεπιτήδευτον αὐτόβαπτον, αὐτόχρουν·
ἔβαπτε τὴν λευκότητα ῥοδόχροια πυρσίνη,
1165. ὡς εἴ τις τὸν ἐλέφαντα βάψει λαμπρᾷ πορφύρᾳ.
δειρὴ μακρά, κατάλευκος, ὅθεν ἐμυθουργίθη
κυκνογενῆ τῆν εὔοπτον Ἑλένην χρηματίζειν.
ὁρᾷ ταύτην Ἀλέξανδρος, ἁλίσκεται τῷ κάλλει.
καὶ τί πολλὰ καὶ περιττὰ μακρηγορεῖν καὶ γράφειν;
1170. ἁρπάζει ταύτην θέλουσαν, φυγὰς ἀποδιδράσκει.
καὶ τὴν φυγὴν ἀδυνατῶν ἄλλως εὖ διαθέσθαι,
εἰς ναῦν ἐμβὰς ἁλίπλοον ἀπαίρει πρὸς Φοινίκην,
ἐκ τῆς φερούσης ἐκτραπεὶς πορείας πρὸς τὴν Τροίαν·
δίωξιν γὰρ υπώπτευεν ἐκ τῶν ἀδικηθέντων.
1175. ἀποληφθεὶς δὲ πτεύμασι σφοδροῖς πολυταράχοις
μόλις εἰς ἓν ὡρμίσατο στομάτων τῶν τοῦ Νείλου,
Κανωβικὸν ὀνομασθὲν ἐν χρόνοις τοῖς ὑστέροις,
ἔνθα δεδόμητο νεὼς ἥρωος Ἡρακλέος,

---

[9]) Стихи 1157—1167, между прочимъ приводимые Лессингомъ (въ Лаокоонѣ XX), въ образецъ дурной манеры описательной поэзіи, нашъ переводчикъ сократилъ, замѣнивъ девять стиховъ общей фразой въ одной строчкѣ.

слѣднїихъ. идеже създанъ бѣ храмъ ироа[10] ираклеа. потрѣбѫ подаваѫ чловѣкомъ нескѫднѫѫ. (1180) въ сеи оубѡ храмъ прибѣгше ѿ нѫждѫ. бѣжавшеи съ нимъ пѫтници и съплававшеи ꙿ. многыми его облагаахѫ досадами и поношеими. обличаѫще злаа сътворенаа ѿ него. порѫганїе и неуьстїе, еже къ страннопріемовавшому его показа. (1135) о въсхъщени° женѣ, паче же и о имѣни ꙿ. оуслыша же сіа воевода обладаѫи мѣстомъ тѣмъ. оуслыша же и протевсъ царь егупетскыи[11] и бываетъ приведенъ парїе къ немоу. съ женоѫ и съ имѣнїемъ и съ съпѫтникы. (1190) и онъ убѡ въпрашааше кто естъ жена, и чиꙗ ѥ҃. и ѿкѫду въземъ ѧ сѫдоу блѫдиши. алеѯандръ же съставлѣаше лъжнаа словеса. протевсъ же оувѣдѣвъ ꙗже о еленѣ, сицеваа къ алеѯандру изрече словеса. (1195) аще сѧ не бихъ прѣжде обѣщалъ и прооуставилъ еже ни единого странна оубивати ѿ боурѧ трѫждаемыих лютыѧ и зде примѣтаемыихъ,

τοῖς πρόσφυξι δωρούμενος ἀνθρώποις ἀσυλίαν.
1180. εἰς τοῦτον τοίνυν τὸν ναὸν φυγόντες ὑπὸ δέους
οἱ συμφυγόντες Πάριδι καὶ συνεκπεπλευκότες
πολλὰς αὐτοῦ κατέχεον ὕβρεις καὶ λοιδορίας,
ἐκτραγῳδοῦντες τὰ δεινὰ τὰ παρ αὐτοῦ πραχθέντα,
τὴν ὕβριν, τὴν ἀσέβειαν τὴν εἰς τὸν ξενοδόχον,
1185. τὴν ἁρπαγὴν τῆς γυναικός, ναὶ μὴν καὶ τῶν χρημάτων
ἀκούει ταῦθ' ὁ στρατηγὸς ὁ κληραρχῶν τοῦ τόπου,
ἀκούει ταῦτα καὶ Πρωτεὺς ὁ βασιλεὺς Αἰγύπτου,
καὶ γίνεται μετάπεμπτος ὁ Πάρις πρὸς ἐκεῖνον
σὺν γυναικί, σὺν χρήμασι, σὺν τοῖς συνεπομένοις.
1190. ὁ μὲν οὖν ἐπυνθάνετο τίς ἡ γυνὴ καὶ τίνος,
καὶ πόθεν ἀφελόμενος ταύτην περιπλανῷτο·
Ἀλέξανδρος δ' ἀνέπλαττε ψευδοσυνθέτους λόγους.
ὁ δὲ Πρωτεὺς ἐκδιδαχθεὶς τὰ κατὰ τὴν Ἑλένην
τοιοῖσδε πρὸς Ἀλέξανδρον ἐχρήσατο τοῖς λόγοις.
1195. "εἰ μή μοι προκεκύρωτο καὶ προτεθέσπιστό μοι
μηδένα ξένον ἀναιρεῖν τῶν ὑπὸ κλυδωνίου
χειμαζομένων χαλεποῦ κἀνταῦθα ῥιπτουμένων,

---

10) Въ Патр. спискѣ постоянно и҆́роа, въ Ват. иро́а. 11) Въ В. егыпет.

великыми тѧ оубѡ бих и лютыими мѫками обложилъ. неблагодатноу[12] ти бывшꙋ о благодѣтели. (1200) и оуставы поправшꙋ и дружнѧѫ любовь. нинѣ же ти имѣнїа и женѫ сиѫ не дамъ, аще и многыми мѧ обыдеши подхыбами. елиноу же ѫ тобоѫ напаствованомꙋ съблюдѫ. тъ́и же ѿ неѫ останисѧ, и ѿ егупта бѣжи. (1205) протевсъ оубѡ съ прѣщеими ѿгна парїа. онже тъщами възвратисѧ рѫками къ отечьствꙋ си. сласти въкꙋсивъ краемъ пръста тъкмо. и къ въздꙋхꙋ досѧжѫщїи пламенъ въжегъ. ибѡ по ѿшестви его ѿ спартѣ. (1210) и по еленинѣ въсхыщени, сицеваа приключишѫсѧ. възвратисѧ менелае ѿ шествиа. и оувѣдѣвъ бывшее разтръѕа ризы своѧ. и съ нимъ дареи, отецъ еленинъ. посрѣдѣ же приведошѫ елинскыѧ пръвыѧ. (1215) одрани лицы сѫща и поуръненаⷯ. и клѧтъвъ въспомѣноуѫтъ страшныих онѣхъ. имиже заклинаахѫсѧ

μεγάλαις ἄν σε καὶ δειναῖς βασάνοις ἐτισάμην
ἀχάριστον γενόμενον περὶ τὸν εὐεργέτην
καὶ τοὺς θεσμοὺς πατήσαντα τοὺς τῆς φιλαλληλίας.
νῦν δέ σοι τὰ μὲν χρήματα καὶ τὴν γυναῖκα ταύτην
οὐκ ἀποδώσω, κἂν πολλαῖς χρήσῃ ταῖς κολακείαις,
τῷ δ' Ἕλληνι τῷ παρὰ σοῦ βλαβέντι συντηρήσω·
συ δ' ἐξ αὐτῆς ἀπόστηθι, κἀκ τῆς Αἰγίπτου φεῦγε."
Πρωτεὺς μὲν οὖν σὺν ἀπειλαῖς ἀπώσατο τὸν Πάριν·
ὁ δὲ κεναῖς ὑπέστρεψε χερσὶ πρὸς τὴν πατρίδα,
τῆς ἡδονῆς γευσάμενος ἄκρῳ δακτύλῳ μόνῳ,
καὶ πρὸς αἰθέρα φθάνουσαν πυρκαιὰν ἀνώψας.
Καὶ γάρτοι μετὰ τὸν δρασμὸν τούτου τὸν ἀπὸ Σπάρτης
καὶ τὴν Ἑλένης ἁρπαγὴν τοιάδε συμβεβήκει.
ἐπάνεισι Μενέλαος ἐκ τῆς ἀποδημίας,
μανθάνει τὸ γενόμενον, ῥηγνύει τὴν ἐσθῆτα,
καὶ σὺν αὐτῷ Τυνδάρεως πατὴρ ο τῆς Ἑλένης.
εἰς μέσους ἀφικνοῦνται δὲ τοὺς τῶν Ἑλλήνων πρώτους
ἠσβολωμένοι πρόσωπα καὶ μελανειμονοῦντες,
ὅρκων ἀναμιμνήσκουσι τῶν φρικωδῶν ἐκείνων,
οὓς ἦσαν Ἕλληνες ὁμοῦ πάντες ὀμωμοκότες,

---

12) Въ Ват. неблагодѣтноу.

елинн късн. ѥко ѧще приключитсѧ ѿ нѣкого еленъ късхыщенѣ кыти, късн своимн тѣлесы о нен да боратсѧ. (1220) много оубѡ молившесѧ н припадавше, оувѣщашѫ елины воевати на трокны.

1 69 на об. Царство великаго кѡнстандин прѣкаго царѣ христианѡм. Сѣн низложн трѣбища н затворн храмы, къ нихже приношахѫ елинн бѣсѡм жрътвы. н мрѣскынъ нечистотѫ н скврънынынх трѣбъ, потрѣбленїе сътворн, н въсеѫ мрѣзостн. н бысть прѣвелнкаа трѫба сребромъ окованна. ѿ конецъ земли до конецъ гласѧщн н въпиѫщн. н повѣсѫдоу трѫбѧщн ѫже къ sнждителю вѣрѫ.

Градоу же въсхотѣвъ sнждитель быти, слѣпынх постиже халкидѡнскын град. н здати наоынъ, вещь видѣ страннѫ. нбѡ велнкокрнлнїн птнцеве прилетѣвше. н каменїе въсхытнкше прѣнесошѫ ѿтѫдоу, въ град вызантїнскын прѣкрасныи. Когоносынн же царь кѡнстантнн. не ѿ ѹасти познавъ нн ѿ

ὡς εἰ συμβῇ παρά τινος Ἑλένην ἁρπαγῆναι,
πάντες ἰδίοις σώμασιν αὐτῆς ὑπερμαχοῦνται.
πολλὰ γοῦν ἱκετεύσαντες καὶ δεδυσωπηκότες
συμπείθουσι τοὺς Ἕλληνας στρατεῦσαι κατὰ Τρώων.
Οὗτος καθεῖλε τοὺς βωμούς, ἔκλεισε τὰ τεμένη
ἐν οἷς προσῆγον Ἕλληνες δαίμοσι τὰς θυσίας.
καὶ τῶν αἰσχρῶν ἐναγισμῶν καὶ ῥυπαρῶν ὀργίων
σχολὴν κατεψηφίσατο καὶ πάσης βδελυρίας.
καὶ γέγονε περίτρανος σάλπιγξ ἀργυροσάλπιγξ.
ἀπ᾽ ἄκρων γῆς εἰς ἄκρα γῆς ἠχοῦσα καὶ βοῶσα,
καὶ πανταχῇ σαλπίζουσα τὴν εἰς τὸν κτίστην πίστιν.
πόλεως δὲ βουλόμενος δομήτωρ χρηματίσαι
τὴν τῶν τυφλῶν κατέλαβε Χαλκηδονίων πόλιν.
καὶ κτίζειν ἀπαρξάμενος πρᾶγμα κατεῖδε ξένον·
καὶ γὰρ μεγαλοπτέρυγες ὄρνιθες ἐπιπτάντες
τοὺς λίθους ἁφαρπάσαντες μετήνεγκαν ἐκεῖθε
ἐπὶ τὴν πόλιν Βύζαντος τὴν περικαλλεστάτην.
ὁ τοίνυν Θεοφρούρητος [13]) αὐτάναξ Κωνσταντῖνος
οὐκ ἀπὸ τύχης ἐγνωκώς, ἀλλ᾽ οὐδ᾽ ἐκ ταυτομάτου

[13]) Вар Θεοφόρητος.

самохотїа приключитисѧ бывшомоу семоу о каменнѡх, пришед ѿтѫдоу, прѣлагаетъ мыслъ въсѧ къ византїискомꙋ прѣславномꙋ градоу. и град славныи градѡм, въ немъ въздвиѕаетъ. град великыи градѡм. град, новыи римъ. римъ, крѣпкыи и николиже не старѣѭщїисѧ, вынѫ помлаждаѭщїисѧ и присно обнавлѣемыи. римъ, из негоже проливаѭтсѧ благодатнїи тоци. егоже объемлетъ и сꙋша, и море обьгръноуетъ. распростръте подъемлетѣ длани европїискыѧ. облобыѕоуѫт же сего ниждоу асїискаа ꙋстиꙗ.

Л 72 на об (2594) Бѣше въ аѳинѡх нѣкто мѫжъ, леѡнтїе нарицаемъ. въ конецъ достигъ въсѣкыѭ философїѭ. и словесныѭ. и естьстьвныѭ, и ѕвѣздоучьтныѭ. семоу ѿ единыѭ жены родишѫсѧ трї дѣти. двѣ же бѣстѣ мѫжьскыи полъ, а третїе дъщи. дъщи, свѣтообразна и весела. (2600) аѳина же нареченa бысть отцемъ своимъ отроковица. ꙗкоже оубѡ житїе хотѣаше оставити въсѣавы ѫ. съмрътное съставль и конеч-

2345. συμβῆναι τὸ γενόμενον τοῦτο περὶ τοὺς λίθους
ἐκεῖθεν μεταθέμενος στρέφει τὴν γνώμην ὅλην
ἐπὶ τὴν πανευδαίμονα πόλιν τῶν Βυζαντίων,
καὶ πόλιν ὀλβιόπολιν αὐτῇ προσανεγείρει,
πόλιν τὴν μεγαλόπολιν, πόλιν τὴν νέαν Ῥώμην.
2350 Ῥώμην τὴν ἀρρυτίδωτον, τὴν μήποτε γηρῶσαν,
Ῥώμην ἀεὶ νεάζουσαν, ἀεὶ καινιζομένην,
Ῥώμην ἀφ' ἧς προχέονται χαρίτων αἱ συρμάδες,
ἣν ἤπειρος προσπτύσσεται, θάλασσα δεξιοῦται,
ἠπίως ἀγκαλίζονται παλάμαι τῆς Εὐρώπης,
2355. ἀντιφιλεῖ δ' ἐτέρωθεν τὸ τῆς Ἀσίας στόμα.
2594. Ἦν ἐν Ἀθήναις τις ἀνήρ, Λεόντιος τὴν κλῆσιν,
εἰς ἄκρον ἀφικόμενος πάσης φιλοσοφίας,
καὶ λογικῆς καὶ φυσικῆς καὶ τῆς ἀστεροσκόπου.
τούτῳ μιᾶς ἐκ γαμετῆς ἐτέχθησαν τρεῖς παιδες·
δύο μὲν ἦσαν ἄρρενες, τριτάτη δὲ θυγάτηρ.
θυγάτηρ ἀγλαόμορφος ἐπιχαριτωτάτη.
2600 Ἀθηναὶς ὠνόμαστο πρὸς τοῦ πατρὸς ἡ κόρη.
ὡς οὖν τὸν βίον ἔμελλε λιπεῖν ὁ ταύτην σπείρας,
ἐπιθανάτιον συνθεις καὶ τελευταῖον γράμμα

ное писанїе. отрокѡм оубѡ остави стѧжанїе свое. елико въ ризахъ и елико въ златѣ. (2605) въ домовох же и въ скотѣхъ въ съсѫдѣхъ и въ рабѣхъ.[14] дъщери же повелѣ и сїе ѿ любови sic. тъкмо единѣхъ сто златник даровати въ наслѣдїе. чѧсть прѣкрасьнѫѭ рекъ довольнѫ еи быти. въсѣкѫѭ прѣвъсходѧщѫ женскѫ доброты. (2610) и онъ оубѡ рекъ, испи смрътнѫѭ чашѫ. отроковицѫ же братїа злонравии ꙗвлъшеса, въсе прѣѧшѫ оуее достоанїе. и въсѣчьскы без ждрѣбїа оставишѫ юноткѫ. (2115) о нихже съжалившиси и доушеѫ оуꙗзвлъшисѧ. къ матере своеѫ сестрѣ пристѫпи аѳина отроковица. сказоуетъ ꙗже о себѣ, и бѣдѫ ꙗвлѣетъ. болѣзнъными въздыханъми обличаетъ страсть. оущедри же отроковицѫ лелѣ еѫ плачѧщѫсѧ. 2620) о сестринѣ си дъщери оуꙗзвисѧ сръдцемъ. и съ неѫ въставъ отиде въ град пръвы градѡм, и град дръжав-

τοῖς μὲν παισὶ κατέλιπε τοῖς ἄρρεσι τὸν βίον,
ὁπόσος ἐν ἱματισμοῖς, ὁποσος ἐν χρυσίῳ,
2605. ἐν οἴκοις, ἐν βοσκήμασιν, ἐν σκεύεσιν, ἐν δούλοις
(ἦν γάρ τοι μεγαλόπλουτος καὶ τῶν βαθυκτημόνων)
τῇ θυγατρὶ δ' ἐκέλευσε. καὶ ταῦτα φιλουμένῃ,
μόνους χρυσίνους ἑκατὸν παρασχεθῆναι κλῆρον,
τὴν τύχην τὴν περίλαμπρον ἀρκεῖν ἐκείνῃ φήσας,
2610 ἁπασης ὑπερφέρουσαν γυναίων[15]) εὐποτμίας
ὁ μὲν εἰπὼν ἐξέπιε τὸν τοῦ θανάτου σκύφον.
οἱ δὲ τῆς κορης ἀδελφοὶ φαυλότροποι φανέντες
πᾶσαν ἐσφετερίσαντο τὴν πατρικὴν οὐσίαν
καὶ παντελῶς ἀπόκληρον ἔθεντο τὴν νεᾶνιν
2615. ἐφ' οἷς ὑπερπαθήσασα καὶ τὴν ψυχὴν πληγεισα
τῇ μητραδέλφῃ πρόσεισιν Ἀθηναῖς η κόρη,
κοινοῦται τὰ καθ' ἑαυτήν, τὴν συμφορὰν δακρύει[16]).
περιπαθέσι στεναγμοῖς ἐκτραγῳδεῖ τὸ πάθος.
οἰκτείρει τὸ κοράσιον πενθοῦν ἡ μητραδέλφη.
2620. ὑπὲρ τῆς ἀδελφόπαιδος πιμπρᾶται τὴν καρδίαν,
καὶ σὺν αὐτῇ καὶ μετ' αὐτῆς ὡς εἶχεν ἀφικνειται

---

[14]) Въ переводѣ недостаетъ одного стиха.

[15]) Вар. γυναίας. [16]) Вар. δεικνύει.

нын. къ полхерін же пристжпистѣ благодѣтьми оукрашенѣи. посѣщенїа ѿ неж проснтѣ и помощи, (2625) отроковицы ѿ своихъ неправеднѣ лишенои. оудивн же са отроковичьмѣи царица добротѣ. поюдноса свѣтоносѣнмъ дарѡм лица еж. оудивноса благоразоумиѹ и великооумию еж. и въпроси єда кто растлилъ єстъ дѣвство еж. (2630) и оувѣдѣвши ако не нскусна іе̑ ложѹ отровица. и добротж нескврѣнмж съхранила єстъ чистотѣ, абїе баиеж оумиваетъ л ѹстиож. сѝрѣчь, крьщаетъ. и имл єи прѣлагаетъ, и нарицаетъ добржж отровицж, євдокїа. припрасает же ж цареви, и прнчитаетъ на бракъ. (2635) съпособьствовавшѹ нлипаѹе о семъ и павлиноу. иже въ пръвыихъ вѣунненъ бѣ царскыихъ дрѹгѡх. ѿ сїж оубѡ ѳеодѡсїе родн євдоѯїж. аже оуалентнніанѹ скнптра дръжащомѹ рнма старааго, посла на прнпраженїе жнтноу. [17]

Л 119 на об. **Царство Василїа и Костандина, сыноу Романа царѣ.** (5509) **Да якоже нѣкогда и цимисхїанзведе житїа,**

προς πόλιν τὴν πρωτόπολιν. πρὸς πόλιν τὴν τοῦ κράτους.
τῇ Πουλχερίᾳ πρόσεισι τῇ χαριτοκοσμήτῳ,
ἐπικουρίαν ἐξαιτεῖ, δεῖται βοηθηθῆναι
τὴν κόρην τὴν τῶν ἑαυτῆς ἀδίκων στερουμένην.
θαυμάζει τῆς νεάνιδος ἡ βασιλὶς τὸ κάλλος,
ἐκπλήττεται τὰς φερουγεῖς χάριτας τοῦ προσώπου
θαυμάζει τὴν εὐσύνετον μεγαλογνωμοσύνην.
πυνθάνεται εἰ τὴν αὐτῆς ἔφθαρται παρθενίαν,
καὶ γνοῦσα κοίτης ἄπειρον τὴν κόρην χρηματίζειν
καὶ τὸ καλὸν ἀκίβδηλον φυλάττειν τῆς ἁγνείας
λευτρῷ καθαίρει τῷ σεπτῷ, τὴν κλῆσιν μεταμείβει,
μετονομάζει τὴν καλὴν νεᾶνιν Εὐδοκίαν,
συνάπτει τε τῷ βασιλεῖ καὶ ζεύγνυσιν εἰς λέχος,
συναραμένου τὰ πολλὰ πρὸς τοῦτο καὶ Παυλίνου,
ὅς ἐν τοῖς πρώτοις τέτακτο τῶν βασιλέως φίλων.
ἐκ ταύτης Θεοδόσιος ἔτεκεν Εὐδοξίαν,
ἣν Οὐαλεντινιανῷ σκηπτροκρατοῦντι Ῥώμης
τῆς πρεσβυτέρας ἔπεμψεν εἰς γάμου [17]) κοινωνίαν.
5909. Ὡς δέ ποτε καὶ Τξιμισχὴν ἀπήγαγε τοῦ βίου

[17]) Вар. βίου.

опиїн длъгъ єстьстъвныа нажда, [18] prosabe василїє коупно съ
кωстантиномъ. багрѣнородниїн ѿрасли романа прѣжде грькы
обладавшаго, сына кωстантинова, (5915) иже ѿуее и дѣднее
съкрывшееса царство. и въ лѣтѣх прѣсѣкшееса фωкы и ци-
мисхіа, плкы изведоста на свѣтъ, плкы съвъкоуписта. пле-
ницѫ аще кто златѫ реуетъ влѣкѫща сїе. сиѣвое бо приклю-
уиса иѣуто багрѣнородинынма, (5120) якоже аще дрѣво оувѣ-
иетъ знмѣ нашедшин и плкы прорастетъ и плкы процѣвтетъ °,
пролѣтнои свѣтлости сладцѣ оусмихнѫвшинса °. или якоже
аще звѣзда доброзрауная съкрыется и помѫтитса и покрыется
скоростнѫ облака, (5925) и плкы въсїлетъ разоршиса тъмѣ. и
оувω прѣвородны багрѣннунын стѣбль. поревновавъ прѣвомоу
дѣдоу своемоу македонѣшиноу. и трѣпѣливомоу нрою нра-
клеоу. пиіа оубо ѿврѫщалшеся и добростратїа. (5930) и жи-

5910. τὸ πάγκοινον ὀφείλημα τῆς φυσικῆς ἀνάγκης
ἔτεσιν ἓξ μετὰ Φωκᾶν κρατήσαντα Ῥωμαίων [18]),
ἐξήνθησε Βασίλειος σὺν ἅμα Κωνσταντίνῳ,
οἱ πορφιρόφυτοι βλαστοὶ τοῦ Ρωμανοῦ τοῦ πρώην
Ῥωμαίων αυταρχήσαντος παιδὲς τοῦ Κωνσταντίνου.
5915. οἵτινες τὴν παππόπατρον κρυβεῖσαν βασιλείαν
κἀν τοῖς Φωκᾶ καὶ Τζιμισχῆ διακοπεῖσαν χρόνοις
πάλιν ἐξήνεγκαν εἰς φῶς, πάλιν ἐπισυνῆψαν,
χρυσῆν, ἂν εἴποι τις, σειρὰν ἁλυσιδοῦντες ταύτην.
τοιοῦτον γὰρ συνέβη τι τοῖς πορφυροβλαστήτοις
5920. ὡς εἴ τι δένδρον μαρανθῇ χειμῶνος ἐπελθόντος,
καὶ πάλιν ἐκθηλάσειε καὶ πάλιν ἐξανθήσει
τῆς ἔαρος φαιδρότητος γλύκιον γελασάσης,
ἢ καὶ καθάπερ ἂν ἀστὴρ καλλιφανὴς κρυβείη
καὶ θολωθῇ καὶ καλυφθῇ τῷ πάχει τῷ τοῦ νέφους,
5925. καὶ πάλιν ἀναλάμψειε λυθέντος τοῦ σκοτοῦντος.
Καὶ τοίνυν ὁ πρωτόφυτος τῶν τῆς πορφύρας κλάδων [19]),
ζηλώσας τὸν πρωτόπαππον αὐτοῦ τὸν Μακεδόνα
καὶ τὸν καρτερικώτατον ἥρω τὸν Ἡρακλέα,

[18]) Стихъ 5914 находится не во всѣхъ спискахъ и въ переводѣ его нѣтъ.
[19]) Вар ὁ τῆς πορφ. κλάδος.

тїє поконщноє ѿринѫ и слабоє. жестокоє же и бриткоє дѣло троудныихъ орѫжїи. и щитовы и шлѣмовы и меча и стрѣлы възлюби, паче мъстныихъ оуслаждаѭщїихъ капль. тѣмъ и новотканнѫѭ одеждѫ ненавидѣше. (5935) и трапезѫ преоу- (л 120) крашенѫ лъстѧщѫѧ зракы. и одръ багрѣнонасланъ и бисрѣнаа одѣанїа. щитныѧ же клопоты и ѕъвнѣвы (sic) орѫжныѧ, паче органъскыих гласовъ слаткопѣснъныихъ въмѣнѣаше. тѣмъ и мышцѣнница и лыстове желѣзнїи, (5940) и копїа ратнаа бѣхѫ ємꙋ любимѣиша. нѫ обаче чѧсть завистныи образъ наложивши, съпротивлѣашесѧ и ратовааше таковыи разоумъ.[22] и топлотѫ оувѧдѣаше и стръмленїє възражааше. ибѡ въздвигши на ѿметнѫтїє (5945) вардѫ оного лютаго и великаго въ крѣпости. мѫжа ратна. благодръзновенна. гръда. ѿ кръвии тогожде рода царева рождена. подвиже ꙗко[21] дроугаго адера оубїицѫ. и жизнъ възмѫти царевѫ ꙗкы ладїѫ

τὰς μὲν τρυφὰς ἀπέπτυσε καὶ τὰς ἡδυπαθείας,
καὶ βίον τὸν ἀνέσιμον ἀπέστυξε καὶ χαῦνον,
τὸ δὲ τραχὺ καὶ τὸ σκληρὸν τῶν ἐργομόχθων ὅπλων
καὶ θώρακας καὶ κόρυθας καὶ φάσγανα καὶ βέλη
εἵλετο μᾶλλον νέκταρος γλυκαζουσῶν ψεκάδων.
ἐντεῦθεν τρυφερόπεπλον περιβολὴν ἐστύγει
καὶ τράπεζαν ἁβρόσιτον φλεγμαίνουσαν τοῖς ὄψοις[20]
καὶ κλίνην πορφυρόστρωτον καὶ μαργαροφορίας,
ἀσπίδων δὲ δουπήματα καὶ πάταγον ἁρμάτων
ὑπὲρ ὀργάνων ἴυγγας θελξιμελῶν ἡγεῖτο.
ἐντεῦθεν περισφύρια καὶ σιδηραῖ κνημῖδες
καὶ δόρυ πολεμόχαρτον ἦσαν αὐτῷ στερκτέα.
πλὴν ἀλλ' ἡ τύχη βάσκανον ὄψιν ἐπιβαλοῦσα
ἀντέπιπτεν ἀντέπραττε τῇ τηλικαύτῃ θέρμῃ[22]
καὶ τὸν φλογμὸν ἐμάραινε καὶ τὴν ὁρμὴν ἐπεῖχε.
καὶ γὰρ ανακινήσασα πρὸς τὴν ἀποστασίαν
Βάρδαν ἐκεῖνον τὸν σκληρόν, τὸν μέγαν ἐν ἰσχύι,
ἄνδρα πολεμικώτατον, εὔτολμον, φρυακτίαν,

---

20) Вар. τάς ὄψεις. 21) Ват. акы.

22) Вар. τὴν τηλικαύτην γνώμην.

(5950) изъ облака нѣкѫдоу издравсѧ вѣтръ боуренъ. на мноѕѣ же ѿ склира рати бываѭщи. и имѧщимъ власть напастемъ междоусобныимъ, асїа оубо погоублена бысть аравъскыимъ мечемъ. и грьчьстїи прѣдѣли сирѣны сътѧѕаахѫсѧ. (5955) блъгаре же нападаахѫ на подоунавїа. и ѳракїѫ плѣноваахѫ близъ прѣдѣлъ ихъ сѫщѫ. посрѣдѣ же бѣ царь, ꙗкы въ пѫчинѣ ладїа. ꙗко птичїи младенецъ въ оустѣхъ зъмїинѣхъ. нѫ҃ вънезаапѫ въсїа ѿ зимы весна. (5960) и въмѣсто боурѧ дъхнѫ нѣкаа глѫбокаа тишина. слаткодыхателнѣ наводѧщи вещемъ тишинѫ. и варда оубѡ подклонисѧ под дръжѫщаго жезлъ. и вси повинѫшѫсѧ царюѭщеи ҃. имѣше же абїе василїа аравъское ѧзыконачѧлїе. (5965) и фасидъскаа сладкаа ивиропищнаа строуꙗ. и землѣ финичьскаа видѣвши его ꙗко огнѣ. оустрашишѫсѧ сего ивири, и оубоашѫсѧ

αἱμάτων τε ταυτογενῶν τῷ βασιλεῖ παγέντα,
ἐξήγειρεν ὡς ἕτερον Ἄδερ τὸν παλαμναιον,
καὶ τὴν ζωὴν ἐκύκησε τοῦ κράτορος ὡς πλοῖον
νέφους ποθὲν ἀπορραγεὶς ἄνεμος θυελλώδης.
ἐπὶ πολὺ δὲ τῷ σκληρῷ τῆς μάχης τριβομένης
καὶ κατεχόντων τὴν ἀρχὴν κινδύνων ἐφεστίων,
Ἀσία μὲν ἠφάνιστο τῇ τῶν Αρράβων σπάθῃ
καὶ τὰ Ῥωμαίων ὅρια τοῖς Σύροις ἐστενοῦντο.
οἱ Βούλγαροι δ' ἐπήλαυνον κατὰ τῶν παριστρίων
καὶ Θρᾴκην ἐληΐζοντο τὴν ἀγχιτερμονοῦσαν.
ἐν μέσοις δ' ἦν ὁ βασιλεὺς ὡς ἐν πελάγει σκάφος,
ὡσεὶ στρουθοῦ νεόττιον ἐν στόματι [23]) δρακόντων
ἀλλ' αἴφνης ἀντεπηύγασεν ἀπὸ χειμῶνος ἔαρ,
ἀντὶ τῆς ζάλης ἔπνευσε τῆς κυματώδους αὔρα
ἡδύπνοος, ἐπάγουσα τοῖς πράγμασιν εὐδίαν.
καὶ Βάρδας μὲν ὑπέκυψε τῇ τοῦ κρατοῦντος ῥάβδῳ,
καὶ πάντες ὑπεστάλησαν λάθρᾳ βασιλειῶντες,
εἶχε δ' εὐθὺν Βασίλειον Ἀρράβων ἐθναρχία
καὶ Φάσιδος τὸ πότιμον ἰβηροτρόφον ῥεῖθρον
καὶ γῆ Φοινίκων βλέψασα ταυτὸν ὡσεὶ πρηστῆρα.
ἔφριξαν τοῦτον Ἴβηρες, ἔπτηξαν Ταυροσκύθαι·

[23]) Вар. στόμασι.

таврьстїи скиѳи. грьдыи же побѣже онъ иверскыи кнѧзъ. сице въскорѣ въсѧ протеуе асїѫ. (5970) не дастъ покоꙗ своима скранїама. ни бръвма дрѣм нїе, ни ѕѣницамъ сънъ. дондеже влъкы прогна овцѧ разтръѕаѫщѫѧ. оувѣдѣшѫ сего крѣпость силнїи блъгаре. оуръвишѫсѧ кръвми ихъ полѣ. (5975) троупи дѫбнїи бышѫ сихъ мрътъвци. блата събрашѫсѧ въсѫдꙋ ѿ истекшїихъ кръвїи. тогда воинъство грьчьское въорѫжено и не въорѫжено, по ѳракїи ликоваше стопами свободнами ', повъсѫдоу бѡ постилаахѫсѧ блъгаръскаа тѣлеса. (5980) не меншими ꙗкоже тѣлеса древле дарданскаа, трои град сѫщїи близъ скамандра плѣноуѫщоу ахилеоу. оудръжа оубѡ варвар дръзость въ малѣ. ибѡ воинъстъвнѫѫ крѣпость видѣ погыбшѫ. и пакы въскликнѫ гласы ратныѧ. (5985) и пакы гласы трѫблѣаше знаменїе брани. и пакы василїе възложи на сѧ меуь. и въсѣко желѣзо поѕъвнѣ тѧшко клопотныими

ὁ γαῦρος ἐδραπέτευεν ἐκεῖνος Ἰβηράρχης.
οὕτως ὀξέως ἅπασαν ἐπέδραμεν Ἀσίαν.
5970. οὐκ ἔδωκεν ἀνάπαυσιν τοῖς ἑαυτοῦ κροταφοις,
οὐδὲ βλεφάροις νυσταγμόν, οὐδὲ ταῖς κόραις ὕπνον,
ἕως τοὺς λύκους ἤλασε τοὺς προβατοσπαράκτας.
ἐπέγνων τούτου τὴν ἰσχὺν οἱ δυνατοὶ Βουλγάρων·
ἐβάφησαν τοῖς αἵμασιν ἐκείνων πεδιάδες,
5975. κορμοὶ δρυῶν ἐγένοντο τὰ τούτων θνησιμαῖα,
ἕλη συνέστη πολλαχοῦ τοῖς ἐκρυεῖσι φόνοις.
τότε στρατὸς Αὐσονικός, ὁπλίτης, οὐχ ὁπλίτης,
τῆς Θρᾴκης κατεχόρευε βήμασιν ἐλευθέροις·
ἁπανταχῇ γὰρ ἔστρωτο τὰ τῶν Βουλγάρων σκήνη,
5980. οὐχ ἧττον ἢ τὰ πτώματα πάλαι τὰ τῶν Δαρδάνων
Τροίαν σκαμανδρογείτονα κείροντος Ἀχιλλέως.
ἐπέσχεν οὖν ὁ βάρβαρος τοῦ θράσους [24]) πρὸς ὀλίγον·
τὴν γὰρ στρατεύσιμον ἀκμὴν εἶδεν ἐρημωθεῖσαν.
καὶ πάλιν ἀνηλάλαξε κραυγὰς ἐνυαλίους,
5985. καὶ πάλιν θροῦν ἐσάλπισε [25]) σημαντορα τῆς μάχης,
καὶ πάλιν ὁ Βασίλειος ἀμφέθετο τὸ ξίφος
καὶ πάγχαλκον ἐδούπησε βαρύκτυπον ἀσπίδα,

[24]) Вар. τὸ θράσος. [25]) Вар ἐσάλπιζε.

цѣтъı. ѩкоже рѧтопобѣдникъ и храбрын арїе. и въсѣко аѣ́е оковано желѣзомъ бъıстъ поле. (5990) нко не въдвирѣшеса въ ложинцахъ цирскъıнхъ. ѩкъı мѧлдѧ дѣвица зрѧкъ мѫжьскъıнхъ ѿбѣгмѫ. и҃ѫ поквашахѫ оутрънѫ тоговъı власъı росъı, ѫ҃: множае напоншѫ дрѣвле багрѣнинуша инрл. и ѩкъı брани злорѧтиъı, ѩкъı мѫжоубїенїа. (5995 и дрѫзость сверѣподоушѫ варваръ показоваше. ѩкъı козелъ копїинѫ соулицѫ имѣѫ въ ѧтробѣ. и оубѡ въорѫжишѫся вое съ обою страноу. и въсн бѣхѫ дъıхаще гнѣвомъ ꙗростн и брани. и въсн желѣзомъ оцѣлнн мѣдноцнтнн копїинницн °. 6000) стрѣлъı ношаахѫ въсн желѣзнъı. трѫбъı рѧтнѣ възгласшаше и брании. и брань обоадоу гоубящїх мѫѫ (* 121 сѫставнся копїямн. и сѫкроушенїе и пѫденїе съ обою страноу воемъ. нн о сем же оумѫдрншася блъгаре и гръıн. (6005) и҃ѫ нападошѫ ѩко лъвн и ѩко пѣнъı тецицен козлн. и орѫжїе въсѣко ношаашеса

καθάπερ πολεμόκλονος τειχεσιπλήτης Ἄρης,
καὶ πᾶν εὐθὺς κατάχαλκον ἐγίνετο πεδίον.
5990 οὐδὲ γὰρ ἐνηυλίζετο Θαλάμοις βασιλείοις,
ὡς τρυφερὸν κοράσιον ὄψεις ἀρρένων φεύγων,
ἀλλ' ἔτεγγον ἑωθιναὶ τούτου βοστρύχους δρόσοι,
οὓς πάλαι ἐκηπεύσαντο [26]) τὰ τῆς πορφύρας μύρα.
καὶ πάλιν μάχαι δύσμαχοι, πάλιν ἀνδροκτασίαι,
5995 καὶ Θρᾶσσος Θυμοβάρβαρον ὁ βάρβαρος ἐδείκνυ.
ὡς κάπρος δόρατος αἰχμὴν ὀδὸν ἐν τοῖς ἐγκάτοις.
ὅπλιστο μὲν τὸ στράτευμα μερῶν ἐξ ἑκατέρων,
καὶ πάντες ἦσαν πνέοντες μένος Θυμοῦ καὶ μάχης,
πάντες σιδηροχίτωνες, χαλκάσπιδες, λογχῖται·
6000. μελίας ἐπεφέροντο πάντες χαλκοβαρείας.
ἡ σάλπιγξ ἐνυάλιον καὶ μάχιμον ὑπήχει.
καὶ πόλεμος φθισίμβροτος ἔφριξε ταῖς ἐγχείαις,
καὶ θροῦς καὶ παρακελευσμὸς ἀμφοῖν τοῖν στρατευμάτοιν.
ὡς δ' εἰς ταυτὸ συνήεσαν Βούλγαροι καὶ Ῥωμαῖοι,
6005. συνέπεσον ὡς λέοντες, ὥσπερ ἀφρισταὶ κάπροι,
καὶ ξίφος πᾶν ἐμαίνετο, καὶ χεῖρες οὐκ ἠρέμουν,

---

[26]) Вар. πολλ' ἐκηπεύσάν ποτε.

и ржцѣ не поучиваастѣ. длани же оуръвлѣахжсѧ падажщїихъ кръвми. и щитное разбїенїе и копїинное съкроушенїе, клопотъ испоущааше тѧшкошоумѧщїи и сверепогласѧщи. (6010) и василїе сѫщїихъ под ним ꙗкы кокошъ опхождааше[27] подвиѕаѫ на тѧшкооумныѧ. конечнѣе же блъгаръстїи вое бѣжаахѫ[28] въдавше плещи. гръчьстїи же плъци поганѣахѫ[29] въ слѣд побиваѫще заднѧѫ и свалѣѫще и попираѫще, (6015) и гонѧще кнѧѕа ихъ и конемъ жилы подсѣцаѫще. и жилища въсхыщаѫще и о плѣнѣхъ веселѧщесѧ.

Сице царь шѫтанїе разори блъгарское. и бръвно низвръже прѣвъзвышеное. сице псы ѿгна бѣдныѧ (6020) ѿ кошареи своихъ и ѿ стадонаѵѧлїа. е҃і бѡ тъ҃ісѫщ мѫжїи ослѣпи, кромѣ избїенъıихъ[30]. сице смѣрены гръдыѧ, сице страшливы шѫтаѫщѫѫсѧ, болѣзньми ѵѧстыми съдѣла, и рабы въмѣсто свободныхъ.

παλάμαι δ' ἐπαλάσσοντο τοῖς τῶν πιπτόντων λύθροις,
καὶ τῶν ἀσπίδων ὁ θλασμὸς καὶ τῶν δοράτων θραῦσις
τὸν πάταγον ἀνέπεμπεν βαρύθρουν ἀγριόθρουν.
καὶ βασιλεὺς τοὺς ἀμφ' αὐτὸν ὡς ἵρηξ ὠκυπέτης
παρεπορεύετο κινῶν κατὰ τῶν βαρυφρόνων.
τέλος Βουλγάρων ὁ στρατὸς ᾤχετο κλίνας νῶτα,
αἱ δὲ Ῥωμαίων φάλαγγες εἵποντο κατὰ νώτου,
κτιννῦσαι τὸν ὀπίστατον, πίπτοντας συμπατοῦσαι,
διώκουσαι τὸν φύλαρχον. ἵππους νευροκοποῦσαι,
καὶ τὰς σκηνὰς ἁρπάζουσαι καὶ σκύλοις ἐντρυφῶσαι.
Οὕτως ὁ κράτωρ φρύαγμα παρέλυσε Βουλγάρων
καὶ τὴν ὀφρὺν κατέσπασε τὴν ὑπερεπῃρμένην.
οὕτως τοὺς κύνας ἤλασε τοὺς κηρεσιφορήτους
ἐκ μανδρευμάτων τῶν αὐτοῦ καὶ τῆς ἀγελαρχίας.
οὕτως οἰκτροὺς τοὺς σοβαρούς, οὕτω δειλοὺς τοὺς γαύρους
πόνοις συχνοῖς εἰργάσατο, δούλους ἀντ' ἐλευθέρων.

---

27) Въ Ват. опхаждааше. 28) Въ В. бѣжашѫ. 29) Въ В. проганѣашѫ.

30) Въ греческомъ подлинникѣ нѣтъ этого извѣстія; но въ припискѣ на полѣ сказано отъ этомъ нѣсколько обстоятельнѣе. См. *Черткова*, «О переводѣ Манасиинои Лѣтописи» (Москва 1841) стр. 119.

О СРЕДНЕ-БОЛГАРСКОМЪ ВОКАЛИЗМѢ.

—

§ Ъ и Ь.

Не смотря на то, что самые древніе памятники церковно-славянской письменности не представляютъ въ себѣ безошибочнаго употребленія полугласныхъ, мы имѣемъ полное право предполагать, что при началѣ письменности живое употребленіе хранило полугласные звуки еще въ полной силѣ и свѣжести. Только употребленіе въ устахъ народа могло побудить творца нашей письменности къ изобрѣтенію особыхъ начертаній для звуковъ, не имѣвшихъ ничего подобнаго въ извѣстныхъ ему языкахъ. Только слухъ, пріобыкшій къ тончайшимъ оттѣнкамъ народнаго говора, могъ руководить его къ постоянному употребленію ихъ въ однихъ и тѣхъ-же случаяхъ, и притомъ въ тѣхъ именно, въ которыхъ нынѣ находитъ ихъ необходимыми сравнительное изученіе славянскихъ языковъ. Только это постоянное и умѣстное употребленіе полугласныхъ объясняетъ возможность появленія, при переписываніи оригиналовъ, той или другой чистой гласной по нарѣчію писца, подобно тому, какъ сравненіе этихъ разныхъ гласныхъ заставляетъ предполагать въ общемъ языкѣ одинъ звукъ, переложеніемъ ко-

тораго на ту или другую гласную образовались особенности славянскихъ нарѣчій. Такимъ образомъ ъ и ь являются въ церковномъ языкѣ самостоятельными звуками и притомъ хранителями правильнаго этимологическаго состоянія словъ, которое во всѣхъ другихъ славянскихъ языкахъ измѣнилось уже за долго до начала кирилловской литературы.

Если во множествѣ словъ полугласныя являются какъ-бы временнымъ ослабленіемъ чистой гласной, за то съ другой стороны весьма многочисленны слова, въ которыхъ онѣ стоятъ неподвижно, не уступая своего мѣста гласнымъ при этимологическомъ движеніи словъ. Таковы напр. лъбъ, рътъ, кръвь, плъкъ, зълъ, тънъкъ, тъчьнъ, тъщь, тьсть, двьрь, мьсть дьбрь и пр.

Въ этимологическомъ движеніи словъ полугласныя чередуются:

ъ 1) съ ы: зъвъ, зъвати—призывати, дъхнѫти—дышати, въздыхати; 2) съ оу: доухъ—дъхнѫти, соухъ—съхнѫти; 3) въ а: влъгъкъ—влага, влъна—влаꙗти; 4) съ о: гънати—гонити, мозгъ—измъждати, хромъ—охръмнѫти.

ь 1) съ и: чьтѫ—чисти, пьнѫ—пинати; 2) съ ѣ: свѣтъ—свьтитьсѧ, слѣпъ—осльпнѫти; 3) рекѫ—рьци, пеку—пьци.

Полугласныя, очевидно, являются здѣсь не намѣстниками только другихъ звуковъ, отличными отъ нихъ лишь степенью звучности, но звуками самостоятельными, отличными отъ другихъ качествомъ звука. Замѣтимъ еще, что они являются здѣсь не по фонетической только причинѣ, какъ ослабленіе звука, допускаемое естественною быстротою или небрежностью живаго выговора, или требуемое удобствомъ выговора, но употребляются по требованію этимологіи, и пренебреженіе этого требованія было бы такою же грамматическою ошибкой, какъ употребленіе *о* вм. *а* въ словѣ *поклоняться* вм. *покланяться*, или *рождать* вм. *раждать* или употребленіе *е* вм *ѣ* въ предложномъ падежѣ.

Такимъ образомъ ъ и ь, звуки опредѣленные и самостоятельные съ фонетической стороны, были вмѣстѣ необходимою, органическою принадлежностью этимологическаго состава древняго церковнаго языка.

Изъ всѣхъ славянскихъ языковъ это состояніе полугласныхъ можетъ быть примѣнено только къ болгарскому, какъ показываетъ даже языкъ нашего памятника — языкъ XIV столѣтія. Здѣсь полугласныя въ коренныхъ слогахъ, подвижныя и неподвижныя, употребляются съ такою послѣдовательностью, какую невозможно было соблюсти безъ поддержки ихъ живымъ выговоромъ. Въ доказательство того не привожу примѣровъ, которые встрѣчаются на каждой страницѣ: упомяну объ одномъ явленіи. Въ выговорѣ словъ: тъчныи — отъ тък-нѫти и точныи отъ тек-ѫ, очевидно, было ясное и постоянное различіе; потому что эти слова ни разу не смѣшаны одно съ другимъ, не смотря на частое употребленіе. Можно бы не довѣрять такому строгому употребленію полугласныхъ, подозрѣвая въ немъ подражаніе писца, привыкшаго къ древнему цервовному правописанію; но для устраненія этого подозрѣнія въ нашемъ памятникѣ, вмѣстѣ съ соблюденіемъ полугласныхъ, существуютъ особенности ихъ употребленія, которыя показываютъ, что писецъ постоянно руководствовался живымъ выговоромъ и допускалъ древнее правописаніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно совмѣстно было съ его выговоромъ.

А. Полугласныя не выдерживаются въ коренныхъ слогахъ:

1) Въ немногихъ словахъ выпускаются безъ всякой замѣны: тканица, изгнаніє, послати, книга, кнѧзь, пшеница, птищъ, пси, лва, мнѧ, растлити.

2) Также въ немногихъ словахъ ь замѣняется буквою є: теменъ, темница, весь, шедъ, възмездіє, бренныи, денѧ (вин. мн.). греѵьскый; даже вепль, тенко. гдѣ є = ъ; примѣры этого ро-

да довольно рѣдки, такъ что ихъ надобно отыскивать съ напряженнымъ вниманіемъ по всему памятнику *).

3) Но на каждой страницѣ можно встрѣтить смѣшеніе полугласныхъ между собою, и всего чаще употребленіе ъ вм. ь какъ въ корняхъ съ одною согласною, такъ особенно послѣ л и р съ предыдущею согласною. Наоборотъ, ь вм. ъ несравненно рѣже: нашъ памятникъ составляетъ въ этомъ отношеніи противоположность сербскимъ и позднѣйшимъ болгарскимъ. Видно впрочемъ, что различіе между твердою и мягкою полугласными еще не исчезло: нѣкоторыя слова постоянно удерживаютъ ь во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, таковы именно: чьсть, почьтъ и другія формы этого корня, льсть, прѣльсть и другія производныя, хотя встрѣчается облъсти *). Мы увидимъ, что и въ другихъ случаяхъ ч удерживаетъ при себѣ мягкую гласную; но изъ этого слѣдуетъ, что мягкія полугласныя удерживались въ выговорѣ не столько сами собою, сколько свойствомъ согласной.

В. На концѣ словъ, предъ окончаніями и въ сложеніи предлоговъ полугласныя служатъ лишь показателями твердаго или мягкаго выговора согласныхъ; а такъ какъ ь въ наибольшей части своего употребленія уступаетъ мѣсто еру, то обѣ полугласныя, очевидно, дошли здѣсь до значенія безгласнаго знака. Это видно изъ слѣдующаго употребленія.

1) На концѣ словъ и въ предлогахъ при ихъ сложеніи ъ и ь то пишутся, то опускаются: сътворитъ и створитъ, подобаетти, дроугже, въньже, вънъже, вънже. Такихъ примѣровъ множество; но есть еще и такія, гдѣ предлогъ, сложенный съ словомъ, постоянно сохраняетъ свой ъ, какъ напр. съмрътъ. Подробное исчисленіе такихъ словъ показало бы, въ какои

*) При сохраненіи полугласныхъ въ наибольшей массѣ коренныхъ слоговъ, правильныя отношенія ихъ къ вышепомянутымъ гласнымъ въ этимологическомъ движеніи словъ, гдѣ оно имѣетъ мѣсто, остаются неприкосновенными, лишь съ прибавкою нѣкоторыхъ особенностей, свойственныхъ позднѣйшему періоду языка.

мѣрѣ сохранился выговоръ полугласной въ подобныхъ случаяхъ.

2) Точно также ь должно принимать за безгласный знакъ на концѣ словъ, когда она допускаетъ замѣну еромъ. Надобно впрочемъ сказать, что ь почти вовсе исчезла только въ окончаніяхъ глаголовъ: єсъмъ, єстъ, бꙑстъ, дастъ, творитъ, творѧтъ, глаголѧтъ и т. д. Но на концѣ именъ она держится довольно прочно, и всего рѣшительнѣе при буквѣ ч въ именахъ мужескаго и женскаго рода: мечь, лоучь, плачь, жлъчь, съчь и пр. При другихъ согласныхъ ь также довольно постоянна, не допускаетъ ограниченія и исключенія. При з: въ кнѧзъ обыкновенно пишется ъ; такъ какъ род. кнѧза, дат. кнѧзоу, то ъ именительнаго можно бы почесть правильнымъ; но твор. кнѧземъ. С: весь и весъ. Д: изрѣдка сънѣдъ, блѧдъ, дъждовъ, конечно, отъ дъждъ, а не дъждь Т: окончанія ть и сть часты и очень постоянны; встрѣчаются однако: пѫтъ, плътъ, пажитъ, властъ. Ж: мѫжь и мѫжъ. Ш: кокошь и кокошъ, опашъ (хвостъ). Щ: женскія постоянно съ ь: вещь, пещь, мощь, нощь, помощь, а муж. плищъ, птищъ, кꙑпѧщъ и под. Б: скръбь постоянно. В: любовь, цръковь и т. д., но есть и любовъ. Л: окончанія ль, тель, тѣль постоянно соблюдаютъ ь; но встрѣченныя: мыслъ и властеломъ. Вмѣсто корабль пишется и корабь, гдѣ ь=ъ, судя по выпуску л и по буквѣ о въ сложеніи: корабопловнꙑи, какъ плътолюбіє. Точно также пишется иногда предлогъ обь предъ гласною и согласною: обьгръноуєтъ, хотя иногда встрѣчается вовсе безъ полугласной и съ измѣненіемъ *б* на *п*. М: седьмь, седьмъ, седъмъ, седмъ. Р: рѣдкія исключенія: тваръ, тигръ. Н: При частомъ употребленіи окончанія нь въ муж. и жен. именахъ исключенія рѣдки, но не сомнѣнны: каменъ, пламенъ, коренъ, пѣснъ, жизнъ. Чаще пишется: жизънь, къзънь; но въ формахъ съ гласною на концѣ вставочный ъ или исчезаетъ жизни, или становится на мѣсто ь: къзнъми. Изъ этого слѣдуетъ, что ъ, разлагающій совокупленіе согласныхъ для облегченія ихъ выговора, не безглас-

ный, но ь въ такихъ случаяхъ не имѣетъ звука тонкой полугласной. Вообще же говоря, ь, судя по изложенному ея употребленію, хранила еще свой особенный звукъ: яснѣйшимъ подтвержденіемъ тому служитъ гладь (вм. гладъ), дат. гладю, тв. гладемъ. Точно также ь не безъ намѣренія постоянно становится на концѣ собственныхъ именъ въ соотвѣтствіе греч η и ι: астиагь = Ἀστυάγης, камвись = Καμβύσης, итакь ἰθάκη и мн. д. Въ имени іѹнь = Junius ь снабжена двумя точками.

3) Предъ словопроизводными слогами въ окончаніяхъ существительныхъ и прилагательныхъ и въ падежныхъ окончаніяхъ ъ и ь обыкновенно переходятъ въ о и е. если слово оканчивается безгласными ъ или ь, напр. нравомъ, мечемъ, шипокъ, красенъ и т. д. Ъ и ь въ такихъ случаяхъ рѣдко удерживаются, напр. горькъ или горъкъ, пѣсъкъ, добытъкъ. Если на концѣ приходится гласная, то они выпускаются; шипка, пѣска, бранми, кръвми, мѫжми, красно, горко, волнꙑи, тѧшкꙑи, тѧщѣ, и т. д. Въ другихъ окончаніяхъ, напр. никъ, скіи, ство и под., при легкихъ для выговора согласныхъ, ъ и ь опускаются, при стеченіи многихъ и трудныхъ для выговора согласныхъ ъ и ь или остаются, или превращаются въ гласныя, но не выбрасываются. Изъ производимыхъ отъ темъ съ конечною ь, не многія удерживаютъ ее, напр. естьство, сѫщьство, мѫжьство; въ другихъ ставится и ь и ъ: божьство, множъство, рождьство и рождъство, тръжьство и пр. При дальнѣйшемъ производствѣ эти полугласныя рѣдко удерживаются, напр. естьствънꙑи или естьстъвнꙑи; чаще замѣняются гласною: божестъвнꙑи и под.

Глагольныя окончанія слѣдуютъ тѣмъ-же правиламъ удерживанія и выбрасыванія полугласныхъ. ꙗвлъшисѧ, оставлъши, оуклоншесѧ, обрѣтши и под.

Изъ этого слѣдуетъ, что ъ и ь имѣютъ еще полугласный выговоръ, но не столько сами по себѣ, сколько по свойству согласныхъ и ихъ совокупленій.

Изъ предыдущаго видно что понятіе писца о полугласныхъ двоилось. Къ счастію, онъ не остался равнодушнымъ къ этому двоякому выговору одной и той-же буквы, но старался отличить надстрочнымъ знакомъ гласный выговоръ ера (и замѣняемой имъ ери) отъ безгласнаго. Онъ пишетъ лъ̏въ и лъ̏въ, тъ̏, самъ̏ тъ̏и, тъ̏нжде, тъ̏мъ отъ тъма, тъ̏кмо, тъ̏щашеся, тъ̏уна, стръ̏ды, дъ̏хнѫвше, съ̏сцы, въ̏ нь, смъ̏рчь, съ̏и (сеи), съ̏ (предлогъ), съ̏чь, съ̏нъ, съ̏номъ, въ съ̏нѣ, съ̏ннын, съ̏тъ отъ съ̏то.

Эти-же слова употребляются и безъ надстрочнаго знака, изъ чего можно заключать, что и многія другія безъ надстрочнаго знака имѣли тотъ-же выговоръ.

Принимая въ соображеніе, какъ точно совпадаетъ этотъ надстрочный знакъ съ потребностью выговора, нельзя думать, чтобы употребленіе его было лишь каллигрифическимъ капризомъ, безсмысленнымъ подражаніемъ, или другою случайностью. Въ формахъ: лъва, лъво — писецъ никогда не ставитъ надстрочнаго знака, потому что ъ былъ здѣсь безгласенъ, почему и пишется иногда: лва, лво —; но формахъ: львъ, лъвъ, при безгласномъ ъ на концѣ, первыя полугласныя, очевидно, должны были имѣть звукъ, почему и снабжаются надстрочнымъ знакомъ. Судя потому, что тъма̇, и съто всегда пишутся съ еромъ, можно думать, что этотъ ъ не былъ безгласнымъ; но въ формахъ. тъмъ, сътъ, при безгласной на концѣ, средній ъ долженъ быть еще звучнѣе и отъ-того получаетъ надстрочный знакъ

Не такъ легко опредѣлить выговоръ буквы ъ въ корняхъ, имѣющихъ двѣ или болѣе согласныхъ. Изъ нихъ только смъ̏рчь употребляется съ надстрочнымъ знакомъ, вѣроятно, потому, что слогъ см почитался столь-же легкимъ, какъ слоги съ одною гласною. По той-же причинѣ, не опа-

---

*) Точно также ь, какъ сказано выше, снабжена надсрочнымъ знакомъ въ собственномъ имени неѥкіе іѹнь̈, очевидно, для показанія ея гласности и для отличія какъ отъ безгласнаго, такъ и отъ гласнаго ера.

саясь ошибки, смѣло можно поставить надстрочный знакъ въ словѣ стѣклїє, хотя оно и не встрѣчается съ нимъ. Но какъ понималъ ъ писецъ нашего памятника въ многобуквенныхъ слогахъ? Употреблялъ ли онъ его въ смыслѣ дѣйствительной буквы, или за безгласный знакъ, въ слѣдующихъ словахъ: блъскъ, влъхви, поглътнти, длъго, клъка, млъкомъ, жлъчь, плъкъ, плътьскыи плънъ, слъза, тлъстъ, стлъпъ и мн. др. брѣкно, брѣдо, повръжденo, врѣхъ, скврѣно, срѣпъ, изкрѣтѣкъ, тврѣдъ, тврѣдь, Грѣкъ, жрѣтва, крѣмнтъ, крѣвь, мрѣзость, прѣстъ, прѣсть, прѣвын, срѣдѣє, стрѣмленіе, трѣніе, дрѣзость, дрѣзати, трѣпѣти, врѣно, фрѣковы и мн. др.

Судя потому, что коренные слоги лъ, ль, ръ, рь, съ предъидущею согласною, въ славянскихъ языкахъ приняли не одинаковый видъ, именно въ однихъ словахъ получили гласную предъ л и р, въ другихъ — послѣ этихъ буквъ, можно полагать, что эти слоги первоначально составляли два отдѣльные разряда, что, можетъ быть, и подтвердится сравненіемъ съ другими древними языками, начиная съ санкритскаго. Но каковъ бы ни былъ результатъ этого сравненія, мы не можемъ непосредственно простирать его на состояніе этихъ слоговъ въ древнемъ церковномъ *). Я упоминаю объ означенномъ сравненіи именно съ тѣмъ, чтобы показать границу, до которой результаты его имѣютъ всю свою силу, и за которою рѣшеніе подобныхъ вопросовъ зависитъ уже отъ наблюденія надъ письменными памятниками и отъ анализа и сравненія представляемыхъ ими фактовъ. Итакъ, каково бы ни было состояніе этихъ слоговъ въ до-историческія времена и потомъ въ позднѣйшей исторіи славянскихъ языковъ, мы можемъ независимо отъ того спрашивать: раздѣлялись ли эти слоги въ древнемъ церковномъ языкѣ на два разряда съ полугласною предъ л и р, и на слоги съ оконча-

*) Кажется, иначе думаютъ филологи, сравнивающіе съ санскритскимъ языкомъ даже нынѣшніи русскіи

тельною полугласною? А. Х. Востоковъ, въ словарѣ Остромирова Евангелія, подъ словомъ дрьзнжкъ или дрьзнжвъ, замѣчаетъ, что «слова, начинающіяся съ дьр-, пишутся такъ-же дрь-, и именно: дрьжати, дрьжитьсѧ, дрьжать, дрьзан, дрьзнтє» «но» — прибавляетъ — «правильнѣе должно быть дьржати или дьръжати, дьръзан и пр.» То же замѣчаніе подъ словомъ: къстьрьзающіє. Сравнивая съ этими и подобными словами слово кръвь и подобныя, въ которыхъ полугласныя всегда занимаютъ свое мѣсто послѣ л и р, должно полагать, что А. Х. раздѣляетъ эти слова на два класса. Но употребленіе полугласныхъ при л и р въ Остромировомъ Евангеліи такъ различно и непостоянно, что изъ него едва-ли можно сдѣлать какое-либо рѣшительное заключеніе о правильномъ церковномъ правописаніи. Напротивъ, можно даже находить поводъ къ сомнѣнію на-счетъ правильности правописанія дьр- и подобныхъ; потому-что это употребленіе встрѣчается именно въ тѣхъ словахъ, которыя въ русскомъ имѣютъ є или о предъ л и р, тогда-какъ въ словахъ, имѣющихъ въ русскомъ ту или другую гласную на концѣ слога, и полугласная постоянно ставится на концѣ-же. Трудно рѣшить, что управляло болѣе употребленіемъ полугласныхъ въ этомъ случаѣ — древній ли подлинникъ, или выговоръ русскаго писца. Здѣсь для рѣшенія вопроса, очевидно, надобно прибѣгнуть къ другимъ, не русскимъ спискамъ церковныхъ памятниковъ; а они, сколько мнѣ извѣстно, постоянно имѣютъ въ означенныхъ слогахъ полугласную послѣ л и р, какъ въ словахъ, подобныхъ кръвь, такъ и въ дрьзнѫ, прьскъшн и подобныхъ. На этомъ основаніи я полагаю, что правописаніе лъ, ръ, ль, рь съ предъидущею согласною составляетъ особенность болгарскаго языка, и столь рѣшительную, что ей подвергались какъ заимствованныя слова, хотя-бы они имѣли въ другихъ языкахъ гласную предъ л и р, какъ напр. Блъгаре, прькъкь, такъ и тѣ славянскія, въ которыхъ этимологія требуетъ полугласной предъ л и р: съмрьть, вьмрѣти, отъмрѣти. Такимъ образомъ пра-

вописаніе вышеприведенныхъ примѣровъ изъ нашего памятника есть настоящее древне-церковное, съ тою только разницею, что ь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, уже замѣнена еромъ. Могутъ возразить, что это правописаніе, будучи согласно, по нашему объясненію, съ древнимъ, становится въ противорѣчіе ново-болгарскому правописанію; вѫрх, вѫлк, и пр., вмѣсто того, чтобы служить къ нему переходомъ. Но замѣтимъ, во-первыхъ, что въ ново-болгарскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ вышеозначеннымъ правописаніемъ и выговоромъ, существуетъ другой: влѫкъ и пр.; а во-вторыхъ, правописанія нашего памятника: влъкъ, и пр. въ выговорѣ нельзя держаться строго. Кромѣ всѣхъ другихъ соображеній, которыя могутъ подтверждать прямой выговоръ ера на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ пишется, мы имѣемъ въ самомъ памятникѣ по крайней мѣрѣ одно вѣрное ручательство — надстрочный знакъ въ словѣ стръ̏дъı; но столь-же несомнѣнно и то, что въ значительной части словъ слоги лъ, ръ съ предыдущею согласною имѣютъ *безгласный* ъ, и этотъ ъ, напрягая выговоръ л и р, тѣмъ самымъ вынуждаетъ, такъ-сказать, свойственную имъ звучность и производитъ отзвучіе предъ л и р, такъ-что правописаніе нашего памятника блъ-бръ — во многихъ словахъ значитъ для выговора бъл, бър. Это — физіологическое объясненіе возможности подобнаго выговора; дѣйствительность же его подтверждается правописаніемъ нашего памятника: вълна, сълза, гърдъ, вмѣстѣ съ влъна, слъза, гръдъ. Въ нашемъ памятникѣ, кажется, нѣтъ болѣе примѣровъ подобнаго правописанія. За-то въ немъ есть другіе примѣры отраженія звука между согласными по причинѣ вліянія слѣдующаго за тѣмъ безгласнаго ъ. Такъ, вмѣстѣ съ цвъсти, свътитися, очень часто употребляется цъв-, съв-: формы эти произошли изъ древнихъ цвь, свь, посредствомъ перехода ь въ ъ, или, точнѣе, посредствомъ упадка полугласнаго выговора ь до безгласнаго ъ, въ-слѣдствіе чего выговоръ, избѣгая стеченія согласныхъ,

слоги: скъ, цвъ разлагаетъ и производитъ звукъ тамъ, гдѣ это удобнѣе по свойству согласныхъ. По такому же вліянію безгласнаго ъ, въ первой половинѣ нѣкоторыхъ сложныхъ словъ является звучный ъ, напр. въ разъминица, гдѣ недостатокъ буквы ь въ слогѣ мин (мьин) показываетъ упадокъ ея до безгласнаго ера, который потому уже и не написанъ на своемъ мѣстѣ; но тѣмъ не менѣе онъ, или точнѣе, стеченіе согласныхъ въ-слѣдствіе его потери произвело отраженіе звука при буквѣ з. Такое же явленіе представляютъ слова: мозъкъ, огънь, жизънь, болѣзънь, клатъвъ: только въ нашемъ памятникѣ ъ употребляется въ нихъ не постоянно. Появленіе ера предъ окончательнымъ слогомъ есть ясный признакъ упадка тонкаго выговора окончательнаго ь. Покуда древній выговоръ отчетливо наблюдалъ выговоръ полугласныхъ и на концѣ словъ, до тѣхъ поръ онъ не имѣлъ надобности въ помощи вставной буквы, потому-что не было труднаго стеченія согласныхъ. Въ словѣ жизнь напр. послѣдній слогъ держался въ выговорѣ не предыдущею гласною, но своею собственною полугласною. Въ нынѣшнемъ болгарскомъ употребляется докъръ: древній выговоръ не требовалъ этой вставки, потому-что раздѣлялъ это слово на доб-ръ, произнося послѣдній слогъ съ помощію полугласной. Въ нашемъ памятникѣ употребляются еще по древнему правописанію: добръ бъдръ, модръ; но есть формы: храборъ и храберъ, храбърство, — слѣдствіе упадка окончательнаго ъ. Все это показываетъ, что выговоръ въл, вър, не смотря на правописаніе влъ, връ, могъ быть, и дѣйствительно былъ въ средне-болгарскомъ языкѣ нашего памятника; но показать опредѣленную границу между этимъ выговоромъ и между прямымъ — влъ̏, връ̏ — нѣтъ никакихъ средствъ въ нашемъ памятникѣ. Напротивъ, можно думать, что подобная попытка была бы даже неумѣстна. Вышеприведенное слово смъ̏ръчь написано однажды смръ̏чь: надстрочный знакъ поставленъ киноварью, какъ заглавія и примѣчанія къ тексту на поляхъ, и иначе.

но вѣроятно, современною, даже тою-же рукою; потому-что тотъ-же самый знакъ часто употребляется въ другихъ случаяхъ. Это показываетъ, что выговоръ этихъ слоговъ колебался и не провелъ еще опредѣленной раздѣлительной черты между двумя разрядами, составлявшими прежде одинъ. Но отъ чего произошло это колебаніе? отъ встрѣчи ли двухъ болгарскихъ нарѣчій — нарѣчія писца нашего списка, и нарѣчія писца его оригинала, или отъ преобразованія одного и того-же нарѣчія? Полезно было бы принять здѣсь въ соображеніе состояніе ново-болгарскихъ нарѣчій. Намъ извѣстно, что нынѣ существуютъ въ болгарскомъ оба выговора — ѫмкъ и ѫмкъ: надобно было бы узнать положительно, составляютъ ли эти два выговора отличіе двухъ нарѣчій, или принадлежатъ въ большей или меньшей массѣ словъ всѣмъ болгарскимъ нарѣчіямъ? Соображеніе правописанія болгарскихъ памятниковъ, вѣроятно, приведетъ къ тому или другому состоянію нынѣшняго выговора.

Какъ бы то ни было, мы почитаемъ за достовѣрное, что господствующее однообразное правописаніе ѫкъ, ѭръ, есть остатокъ древности. Еслибы древнему языку свойственнѣе было ѫлма и под., то правописаніе нашего памятника, столь крѣпко держащееся древняго, болѣе представляло бы подобныхъ формъ. Допустивъ въ древнемъ правописаніи ѫл и под., должно бы было видѣть въ правописаніи нашего памятника уже рѣзкое уклоненіе: а переходя отсюда къ ново-болгарскимъ ѫл — ѫр — и пр., опять должно бы было допустить возвращеніе, отъ средне-болгарской противоположности, къ древнему устройству разсматриваемыхъ слоговъ. Гораздо стройнѣе и постепеннѣе идетъ исторія этихъ звуковъ при нашемъ понятіи о древнемъ ихъ правописаніи. Господствующее въ нашемъ памятникѣ правописаніе остается такимъ образомъ вѣрно древнему, но въ формахъ ѫлма, ѭръ и под., представляетъ уже начало преобразованія, которое въ ново-болгарскомъ развилось весьма обширно, хо-

тя и не истребило совершенно древней формы этихъ слоговъ, оставшейся въ **вржхъ, пржкъ, пржсъ** и под. (см. *Болгарская Грамматика, сега перво сочинена отъ Неофита* и пр. Въ Крагуевцѣ, 1835. Стр. 35).

Изложенное въ этомъ § употребленіе полугласныхъ показываетъ 1) существованіе тонкаго ь сомнительнымъ, исчезающимъ; 2) понятіе же объ ъ раздвоеннымъ а) на безгласный ъ и б) на ъ, имѣющій звукъ и отмѣчаемый надстрочнымъ знакомъ: **сѫтъ, тѣмъ**. Степень звучности этого ера мы оставили неопредѣленною: мы не усвоиваемъ ь ему по куда ни названія полугласнымъ, ни гласнымъ. Кажется, надобно допустить еще степень въ выговорѣ ера, въ словахъ **тѣма, сѫто** и под., судя потому, что писецъ не заботится отмѣчать ихъ надстрочнымъ знакомъ, хотя и употребляетъ въ нихъ ъ довольно постоянно. Этотъ ъ можно бы назвать полугласнымъ сомнительнымъ, упадающимъ. Такое состояніе ера можно полагать по примѣру **кнѧзь, книга, тканица, изгнаніе** Эти слова постоянно пишутся безъ ъ. въ знакъ того, что онъ исчезъ уже въ выговорѣ. Но какъ упадокъ его въ этихъ словахъ совершился, безъ сомнѣнія, не вдругъ, такъ могли быть новые примѣры словъ, въ которыхъ еру суждено было вскорѣ исчезнуть, но въ которыхъ онъ еще держался. Непостоянное употребленіе ера въ нѣкоторыхъ словахъ, вмѣстѣ съ другими подобными признаками, показываетъ именно такое состояніе языка — періодъ его колебанія и преобразованія

Изъ этого, кажется, довольно ясно видно, какъ мало удовлетворительны могутъ быть иногда глухіе отзывы объ употребленіи ера вм. ь и обратно. Такъ въ настоящемъ случаѣ подобный отзывъ буквально былъ бы вѣренъ относительно обоихъ списковъ нашего памятника; а между тѣмъ онъ не давалъ бы объ нихъ правильнаго понятія ни отдѣльно, ни относительно другъ къ другу. Въ Патріаршемъ спискѣ довольно часто стоитъ ь, гдѣ писецъ выго-

варивалъ ъ; еще чаще ставится ъ, гдѣ по древнему правописанію должна быть ь; но при всемъ томъ писецъ имѣетъ еще ясное и живое понятіе о тонкомъ и полугласномъ выговорѣ ь, а потому еще очень рѣдко, какъ-бы по опискѣ, ставитъ ь тамъ, гдѣ и по его выговору и по этимологіи долженъ быть ъ. Писецъ Ватиканскаго списка ушелъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, несравненно дальше. Онъ пишетъ: бранъ вм брань, вльхвъ, испльненъ, вьвръженъ, вь, кь, хотя въ то-же время, по механическому предпочтенію ь, эта буква чаще, нежели въ Патріаршемъ спискѣ, является на своемъ мѣстѣ соотвѣтственно древнему правописанію. Писецъ Ватиканскаго списка не понялъ звука ь въ правописаніи подлинника: Спарть, Финикь и под., и ставитъ: Спартъ, Финикъ, хотя сохраняетъ форму род. падежа: Спартѣ и под.

§ Ѫ, Ѧ.

Эти буквы въ нашемъ памятникѣ неупустительно употребляются тамъ, гдѣ должны быть по древне-перковному правописанію, не смѣшиваясь съ другими гласными, какъ въ русскихъ и сербскихъ спискахъ церковныхъ памятниковъ. Видно, что юсы были здѣсь дома и выходили изъ-подъ пера писца, въ устахъ котораго былъ для нихъ особенный звукъ, тогда-какъ для иноземныхъ Славянъ они были какими-то непонятными плеоназмами въ составѣ азбуки. Но при своемъ сходствѣ съ древнимъ употребленіемъ, нашъ памятникъ имѣетъ свои, и притомъ рѣзкія особенности, которыя не позволяютъ смѣшивать его съ древнѣйшими памятниками. На и эти особенности опять такого свойства, что связываютъ состояніе этого языка съ языкомъ древнѣйшихъ церковныхъ памятниковъ исторически.

Касательно древнѣйшей исторіи носовыхъ звуковъ здѣсь нужно упомянуть только то, что эпоха, съ которой началось поврежденіе ихъ въ большей части славянскихъ на-

рѣчій, относится къ весьма древнимъ, не только до-литературнымъ, но даже до-историческимъ временамъ. Упадокъ ихъ происходилъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ отдѣленіемъ нарѣчій отъ общаго корня славянскихъ языковъ, и обнаруживался сильнѣе и обширнѣе по мѣрѣ образованія ихъ особенностей. Языкъ, сохранившійся въ древнихъ церковныхъ памятникахъ, какъ кажется, очень мало пострадалъ въ этомъ отношеніи въ немъ есть только отдѣльные примѣры упадка носовыхъ звуковъ, которыхъ должно бы ожидать въ нихъ по аналогіи другихъ примѣровъ. Такъ предлогъ съ самъ по себѣ и въ сложеніи въ **сѣмьмъ** и под. не имѣетъ носоваго звука, тогда какъ **сѫпротивьникъ, сѫпрѧгъ** остались въ полной формѣ. Такъ **градын, ѣдын, несын, жнкын**, и вообще глаголы съ твердою согласною предъ окончаніемъ не сохранили характеристическаго признака причастія, тогда какъ послѣ мягкой согласной и послѣ гласной является **м**: **глаголѧ, дѣлѧ**. То-же самое въ род. пад. женскихъ на **а, вода-воды, земля-земля**. Упомянемъ такъ-же: **плѧмень** и **плѧмы** и под. Послѣдняго рода примѣры, какъ и сербскій творительный женскихъ на **ом**ь, показываютъ, что носовые звуки и въ окончаніяхъ были нѣкогда столь-же сильны, какъ въ срединѣ словъ, гдѣ они, при встрѣчѣ съ гласною, превращаются въ согласную: **жати-жѧмь** и под. Но въ періодъ письменности выговоръ поступаетъ съ ними, какъ съ гласными, ставя ихъ одинъ подлѣ другаго, безъ всякаго слѣда согласной, напр. **ошоуѧкъ** и под. Весьма естественно, что выговоръ облегчалъ носовые звуки на концѣ словъ, не вредя впрочемъ носовому ихъ свойству и не мѣшая всей силѣ онаго въ срединѣ словъ, гдѣ звуки вообще болѣе ограждены отъ движенія и сопряженныхъ съ нимъ перемѣнъ, самымъ положеніемъ своимъ. Я вхожу въ эти обстоятельства носовыхъ звуковъ потому, что объ нихъ напоминаетъ состояніе этихъ буквъ въ нашемъ памятникѣ, какъ ни велико разстояніе времени между имъ и упомянутыми обстоятельствами

Нашъ памятникъ, въ употребленіи юсовъ, какъ замѣчено выше, постоянно соотвѣтствуетъ древне-церковному правописанію, но отличается отъ него тѣмъ, что смѣшиваетъ юсы, что и признано отличительною особенностію средне-болгарскаго и вѣрнымъ признакомъ его въ рукописяхъ. Но до сихъ поръ, кажется, не было замѣчено, что это злоупотребленіе въ средне-болгарскомъ имѣетъ свои границы. Преимущественно оно господствуетъ въ окончаніяхъ, откуда, вѣроятно, и началось; но оно успѣло уже распространиться и на корни. Далѣе, хотя въ однихъ случаяхъ юсы смѣшиваются, за-то во множествѣ другихъ тотъ или другой употребляется постоянно, и это заставляетъ допустить, что по крайней мѣрѣ одному изъ нихъ, кромѣ общаго обоимъ звука, принадлежалъ еще особенный выговоръ. Этого особеннаго выговора писецъ нашего памятника, кажется, не забывалъ и въ тѣхъ елучаяхъ, гдѣ въ правописаніи смѣшивалъ оба юсы, и этимъ выговоромъ хотѣлъ подвести ихъ смѣшеніе подъ свои фонетическіе законы; но такъ-какъ его выговоръ древнихъ юсовъ былъ отчасти неправильный, отчасти же неотчетливый, неопредѣленный, но и основанные на немъ фонетическіе законы только по наружности ввели нѣкоторое однообразіе, которымъ въ сущности только искажалось древнее правописаніе. И самое наружное однообразіе нерѣдко нарушается, потому-что писецъ какъ-бы не смѣетъ дать полную силу законамъ сочетанія, вѣроятно, по причинѣ неопредѣленнаго, для него самаго сомнительнаго выговора буквъ. — Сообразно съ ближайшею цѣлью статьи, я могъ бы ограничиться отысканіемъ двухъ вышеупомянутыхъ выговоровъ юсовъ и опредѣленіемъ границъ ихъ, не пускаясь въ разборъ, какъ и отъ чего произошло то или другое правописаніе въ нашемъ памятникѣ, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ не начало обнаруживающейся въ немъ порчи древнихъ звуковъ и правописанія; напротивъ, въ немъ видно усиліе какъ-нибудь устроить уже укоренившійся без-

порядокъ. Но такъ-какъ я желалъ бы пріобрѣсть факты для сравненія съ предыдущею и послѣдующею исторіею правописанія, то считаю умѣстнымъ изложить употребленіе юсовъ въ нашемъ памятникѣ съ нѣкоторою обстоятельностію.

Средства, какія писецъ нашего памятника имѣлъ въ дошедшемъ до него правописаніи для передачи древнихъ юсовъ, были тѣ-же юсы: ѫ и ѧ, и притомъ съ двоякимъ выговоромъ. Что эти буквы дѣйствительно отличались сколько-нибудь между собою въ средне-болгарскомъ выговорѣ, объ этомъ, не смотря на столь извѣстную наклонность его къ смѣшенію юсовъ, можно заключать изъ слѣдующаго ихъ употребленія.

Буквы: л, м, н, р, д, т, з, в, п, — вообще чистыя согласныя въ коренныхъ слогахъ постоянно сохраняютъ послѣ себя тотъ-же юсъ въ нашемъ памятникѣ, какой имѣютъ въ древнемъ церковномъ. Примѣры того и другаго такъ многочисленны и такъ прямы, что не хочется приводить ихъ. Довольно упомянуть, что слова и слоги одинаковые или близкіе по другимъ буквамъ, постоянно отличаются другъ отъ друга именно употребленіемъ того или другаго юса. Таковы. блѧдъ и блѫдъ, блѧдословїе, блѫждати, блѫдница; зѫбъ и зѫбиѫ; тѧг- и тѫг-, тѧшко — тѫжити, мѧк- (ко) и мѫк- (а), и пр. При томъ безпорядочномъ смѣшеніи юсовъ, какое увидимъ ниже въ другихъ случаяхъ, такое постоянное употребленіе того или другаго юса въ корняхъ было бы невозможно, еслибы не поддерживалось различнымъ выговоромъ того и другаго. Это-то употребленіе и было причиною того, что правописаніе нашего памятника почитали настоящимъ древнимъ церковнымъ. Дѣйствительно, можно подумать, что писецъ имѣлъ въ своемъ выговорѣ вѣрное средство правильно передать древніе юсы, что правильный ихъ выговоръ до сихъ поръ не потерпѣлъ еще значительныхъ искаженій. Но чтобы разочароваться, стоитъ только со вниманіемъ разсмотрѣть употребленіе юсовъ въ другихъ случаяхъ, изъ котораго откры-

вается, что болѣе или менѣе ясное различіе ихъ въ выговорѣ зависѣло отъ свойства предшествующихъ имъ согласныхъ, и что сами по себѣ они, если и имѣли какое-нибудь звуковое различіе, то столь незначительное, что оно не могло руководствовать писца къ постоянному, не говоримъ уже правильному, ихъ употребленію. Вотъ случаи смѣшенія юсовъ.

Послѣ ж, ш, щ, ставится то ѫ, то ѧ, какъ-бы безъ различія; только при тщательнѣйшемъ наблюденіи можно замѣтить, что въ однихъ случаяхъ чаще является ѧ, въ другихъ преимущественно, или даже исключительно ѫ. Такъ пишется доушѫ и доушѧ р. п., мѫжѫ вин. мн., но чаще мѫжѧ; бѣжѫ, дышѫ и всѣ подобныя причастія по большой части съ ѫ; въ словахъ жѫло, жѫждѫ, пожѫти, шѫтаніе, исключеній не замѣтно; окончаніе 3-го л. мн. ч. прош. вр. — шѫ исключительно пишется съ ѫ. Предпочтеніе ѫ соотвѣтствуетъ исключительному употребленію а, о, оу вмѣсто ꙗ, е, ю, при тѣхъ-же согласныхъ: все это вмѣстѣ какъ будто показываетъ, что писецъ отличалъ въ выговорѣ ѫ отъ ѧ. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ грамматическихъ формахъ, предпочтительно употребляется ѧ, какъ напр. въ вин. п. множ. ч. мѫжѧ; но я не рѣшусь узнать въ этомъ ряду примѣровъ ни одного случая, гдѣ-бы постоянное правописаніе вполнѣ удавалось писцу, — и слѣд. отличіе ѧ отъ ѫ, если оно и было въ выговорѣ писца, было въ то-же время такъ незначительно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ легко ускользало отъ его слуха. То-же подтверждается и предпочтительнымъ употребленіемъ ѫ: если писецъ руководствовался въ этомъ тѣмъ-же соображеніемъ, какъ въ употребленіи а вмѣсто ꙗ, то, значитъ, онъ замѣчалъ столько-же различія въ выговорѣ между ѫ и ѧ, какъ между а и ꙗ, слѣд. не въ самомъ звукѣ буквъ, а только въ побочномъ ихъ качествѣ.

Такое-же слабое раличіе, между ѫ и ѧ обнаруживается въ употребленіи ихъ послѣ гласныхъ, что, какъ извѣстно, случается большею частію въ окончаніяхъ. Изъ окончанія при-

лагательныхъ — ꙑѧ, и еще болѣе изъ употребленія нощїѧ (вмѣстѣ съ нощїѫ), областиѧ, льстиѧ, видно, что въ выговорѣ писца есть что-то, что заставляетъ его почитать ѫ не совсѣмъ умѣстнымъ въ подобныхъ случаяхъ; но особенность этого выговора, вѣроятно, была такъ неопредѣленна, что не могла предостеречь его отъ фальшивой аналогіи словъ аа, їа, еа, которые онъ предпочитаетъ слогамъ аꙗ и пр. И здѣсь видно, что онъ судитъ о ѫ и ѧ вообще какъ о двухъ различныхъ звукахъ; что, по его понятію ѫ есть твердая буква какъ а, а ѧ мягкая какъ ꙗ въ отношеніи къ а; въ-слѣдствіе чего, по общему правилу аа, еа, ꙗ, ставитъ послѣ гласныхъ обыкновенно ѫ, иногда вовсе не обращая вниманія на различіе грамматическихъ формъ. Такъ еѫ у него значитъ и *ея*, и *ею*.

Какъ мало могло это отвлеченное понятіе о различіи юсовъ руководствовать писца въ ихъ употребленіи, всего яснѣе обнаруживается въ выговорѣ ихъ самихъ безъ помощи предшествующей буквы. Такъ въ началѣ словъ и слоговъ, вопреки древнему правописанію, употребляется: ѧглїе, ѧдолїа, заѫцъ, ѫтроба и ѧтроба — послѣднее чаще; вънѧтръ-ѧдоу постоянно (тогда какъ при поддержкѣ согласною постоянно пишется ѫ: кѫда); ѫзыкъ, приѫтъ и ѧзыкъ, приѧтъ — послѣднее правописаніе чаще. Не оставилъ ли какихъ слѣдовъ въ этомъ послѣднемъ древній выговоръ съ буквою ꙗ (*)? И употребленіе ѫ вмѣсто ѧ въ такихъ случаяхъ (еѫ, їѫ вм. еѧ, їѧ) не есть ли признакъ того, что и послѣдніе остатки древности въ этихъ буквахъ вытѣсняются новымъ, среднеболгарскимъ выговоромъ?

(*) Въ предыдущихъ статьяхъ нашего Сборника я встрѣтилъ правописаніе ѭзыкъ. Писецъ Ватиканскаго списка особенно любитъ ставить ѧ тамъ, гдѣ по древнему правописанію должно быть ѭ или ꙗ; но у него это предпочтеніе ѧ уже механическое, не основанное на фонетикѣ: въ смѣшеніи носовыхъ онъ ушелъ уже дальше Патріаршаго списка. Такъ, онъ пишетъ даже владѧтъ вм. владѫтъ: такихъ примѣровъ вовсе нѣтъ въ Патріаршемъ.

*

Одинъ нашъ памятникъ не можетъ окончательно рѣшить этого вопроса; но онъ представляетъ еще другіе ясные признаки, что въ средне-болгарскомъ выговорѣ дѣйствительно оставались еще слѣды древняго ѭ. Такъ всѣ слова, подобныя: велѧ (т. е. *велю*), ємлѧщоу, г҃лѧтъ, принимаютъ, вмѣсто древняго ѫ, -ѧ. Здѣсь ѫ и ѧ очевидно отличаются другъ отъ друга, но иначе, несогласно съ древнимъ выговоромъ, — только уже какъ ѫ отъ ѭ, и такъ какъ въ нашемъ памятникѣ замѣтно отвращеніе отъ гласныхъ, сложенныхъ съ ї, то и это новое различіе между ѫ и ѧ, вѣроятно, клонилось уже къ упадку. Но что оно еще есть, подтверждаютъ также формы съ б. ѵ на концѣ. Мы видѣли, что эта буква постояннѣе всѣхъ сохранила при себѣ ь; она требуетъ такъ-же послѣ себя ю, гдѣ одностепенныя съ нею — ж, ш, щ, терпятъ оу; она-же съ необыкновенною вѣрностію сохранила древнее ѧ: чѧдо, чѧсть, и пр. Эту-же букву постоянно соблюдаетъ послѣ себя буква ѵ въ окончаніяхъ, гдѣ по этимологіи долженъ быть іотированный юсъ (ѭ): тѫчѧ вин. ед., проничѧщоу, и под. По аналогіи этихъ словъ 1-ыя лица наст. врем. должны быть: тоѵѧ, мѫчѧ, кричѧ и пр. Вѣроятно, по той-же причинѣ употребляется вечерѧ вин. п., землѧ вин. ед. и под. По аналогіи вечерѧ и под. должно ожидать въ 1 лицѣ настоящаго времени творѧ; если же вмѣсто этой формы (не встрѣчающейся въ нашемъ текстѣ) могло быть творѫ, какъ пишется иногда причастіе, то эту послѣднюю форму 1-го лица, какъ и вообще ѫ въ подобныхъ случаяхъ, должно считать не остаткомъ древности, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, а дальнѣйшею порчей правописанія въ-слѣдствіе усиливающагося упадка выговора.

Такимъ образомъ, какъ ѫ, такъ и ѧ употребляются не только вмѣсто древнихъ ѫ и ѧ, но и вмѣсто іотированныхъ ѭ и ѩ, и притомъ иногда безъ различія ѫ отъ ѧ, иногда же съ особеннымъ выговоромъ постояннаго ѧ. Вмѣстѣ ли началось паденіе различія ѫ отъ ѧ, и обѣихъ этихъ буквъ отъ ѭ и ѩ? Сохранялись ли еще ѭ и ѩ послѣ того, какъ

уже между ѧ и ꙗ обнаружилось смѣшеніе, или, наоборотъ, различіе между ѧ и ꙗ оставалось долѣе, чѣмъ различіе ихъ обоихъ отъ ѩ и ѫ? Или судьба простыхъ юсовъ такъ связана съ іотированными, что съ паденіемъ одного различія должно было уничтожаться другое? Съ какою постепенностью обнаруживалось это двойное паденіе? Все это можетъ рѣшить только предшествующая исторія болгарскаго правописанія. На основаніи же нашего памятника можно сдѣлать только различныя предположенія, которыя такъ или иначе могутъ объяснять историческое происхожденіе предложенныхъ нами фактовъ, не измѣняя впрочемъ ихъ значенія касательно состоянія этихъ звуковъ. *Или* различіе между простыми и іотированными юсами еще оставалось, когда древнее различіе между ѧ и ꙗ было уже въ упадкѣ, отъ чего и стали употреблять ꙗ вм. ѩ, для отличія сего послѣдняго отъ ѧ: въ такомъ случаѣ употребленіе ѧ вмѣсто этого ꙗ (= ѩ и ѫ) должно быть слѣдствіемъ истребленія послѣднихъ остатковъ іотированныхъ юсовъ въ выговорѣ, и постепенность упадка и смѣшенія юсовъ обозначится слѣдующимъ образомъ: ѭдоль, ѧдолъ, ѫдолъ; ѭзыкъ, ѩзыкъ, ѧзыкъ (ꙗ = ѧ) ѫзыкъ: *Или*, наоборотъ, іотированные юсы въ выговорѣ потеряли свое ї прежде, чѣмъ уничтожилось различіе между ѧ и ꙗ, и тогда искаженіе правописанія должно идти такимъ порядкомъ: ѭдоль, ѫдолъ, ѧдолъ; ѭзыкъ, ѧзыкъ, ѫзыкъ, или, изъ пустаго и неудачнаго подражанія древнему, ѩзыкъ. Въ всякомъ случаѣ, безразличное употребленіе ѧ и ꙗ показываетъ, что поврежденіе ихъ въ нашемъ памятникѣ достигло уже крайняго предѣла, за которымъ можно ожидать въ извѣстныхъ случаяхъ совершенно произвольнаго, или даже исключительнаго употребленія того или другаго. Но въ доказательство того, что между этимъ состояніемъ юсовъ и древнимъ ихъ различіемъ есть дѣйствительная, историческая связь, что первое, такъ или иначе, постепенно развилось изъ послѣдняго, остается вышеуказанное употре-

бленіе ѫ и ѧ соотвѣтственно древн.-церковному, и употребленіе ѧ вмѣсто древн.-церк. ѭ и ѩ. Это употребленіе, сохраняющее въ себѣ ясный слѣдъ вліянія іотированныхъ юсовъ (ср. примѣчаніе на стр. 88), и различіе между ѫ и ѧ, еще довольно постоянны, чтобы отстранить подозрѣніе, будто правописаніе принадлежитъ здѣсь только книжному языку, а не самому выговору народа. Этого обстоятельства не должно терять изъ виду въ средне-боргарскомъ правописаніи, потому-что въ немъ отвращеніе отъ гласныхъ, сложенныхъ съ ї, и смѣшеніе юсовъ располагаютъ подозрѣвать искони особенную систему звуковъ, отличную отъ др.-церковной.

Соображая, какъ разнообразно употребленіе юсовъ, какъ запутывалось постоянное употребленіе того или другаго безразличнымъ употребленіемъ обоихъ, можно полагать, что чтеніе юсовъ въ нашемъ памятникѣ и въ свое время было не безъ затрудненій. Поставивъ цѣлью изученіе самаго правописанія и скрывающейся въ немъ системы звуковъ, мы можемъ добиваться какого-либо результата посредствомъ тщательнаго наблюденія и сравненія. Но современный читатель, искавшій въ книгѣ содержанія, а не правилъ правописанія, не могъ принять на себя этого труда. Писецъ нашего памятника какъ-бы предвидѣлъ затрудненія своихъ читателей и старался отстранить ихъ употребленіемъ надстрочныхъ знаковъ. Такъ онъ пишетъ: чѧ̏сть, тѧ̏жъкъ, отѧ̏кчени, въмѧ̏тъ, зѧ̏ть, на сѧ̏. Эти-же самыя слова пишутся и безъ надстрочнаго знака; но ни въ нихъ, ни въ другихъ словахъ, въ которыхъ ѧ имѣетъ надстрочный знакъ, это ѧ никогда не уступаетъ своего мѣста юсу (ѫ). Слѣд. ѧ̏ есть постоянное ѧ, отличное отъ ѫ. Еще чаще встрѣчается надстрочный знакъ надъ ѫ, и именно въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ ѫ никогда не уступаетъ своего мѣста ѧ. Слѣд. этотъ ѫ̏ есть постоянный ѫ, отличный отъ постояннаго ѧ или ѧ̏. Слѣд. надстрочный знакъ надъ ѫ и ѧ есть признакъ ихъ взаимнаго отличія. Какой же имѣли они выговоръ?

Нашъ знаменитый филологъ А. Х. Востоковъ, въ своемъ «Описаніи Ркп. Р. М.» о правописаніи Ватиканскаго списка Манассія замѣчаетъ, что это правописаніе, мѣняющее ѫ и ѧ, но нигдѣ не смѣшивающее ѫ и оу по обычаю русскихъ и сербскихъ писцовъ, доказываетъ «полное еще существованіе въ XIV в. носоваго звука въ языкѣ Болгарскомъ.» Не смотря на то, что замѣченное нами различіе между ѫ и ѧ въ нашемъ памятникѣ, по видимому, еще болѣе подтверждаетъ цѣлость древнихъ носовыхъ звуковъ, можно думать, что заключеніе, основанное только на аналогіи нашего памятника съ древними, требуетъ еще подтвержденія. Выше было сказано объ отношеніи предыдущаго и послѣдующаго состоянія языка къ среднему состоянію: подобныя наведенія, по нашему мнѣнію, имѣютъ полную, несомнѣнную достовѣрность только тогда, когда подтверждаются фактами разсматриваемой эпохи взыка. Въ самомъ дѣлѣ употребленіе юсовъ въ нашемъ памятникѣ соотвѣтственно древнему говоритъ ли само по себѣ, что оно соотвѣтствуетъ оному именно потому, что юсы до сихъ поръ сохранили носовой выговоръ? Судя строго, оно говоритъ только то, что въ выговорѣ юсовъ быдъ особенный звукъ, отличный отъ всѣхъ другихъ гласныхъ, но, можетъ быть, стольже отличный и отъ древнихъ носовыхъ. Такъ-какъ въ вышеозначенномъ употребленіи юсовъ и особенно въ надстрочныхъ надъ ними знакахъ обнаруживается уже особенность средне-болгарскаго языка, то и для отысканія ихъ выговора должно прибѣгнуть къ особенностямъ же ихъ употребленія, несвойственнымъ древнему правописанію. Можетъ быть, особенности окажутся не довольно многочисленны; но еслибы онѣ были еще малочисленнѣе, все-же мы не имѣли бы права обойти ихъ безъ объясненія.

ѫ съ надстрочнымъ знакомъ употребляется въ слѣдующихъ случаяхъ:

Въ окончаніяхъ: єѫ̑ род. и твор., сеѫ̑ ради, тоѫ̑ р. и т. сиѫ̑ вин., онѫ̑, водѫ̑ своѫ̑, фокѫ̑ род. и вин., разорѫ̑тъ (отъ орати) *.

Въ коренныхъ слогахъ: Вѫ̑гры, вѫ̑сѣницѧ, гѫ̑сль, недѫ̑гъ, зѫ̑бы, кѫ̑плема (отъ кѫпати), лѫ̑гъ, прѣмѫ̑драаго, мѫ̑жъ, мѫ̑жѫ, мѫ̑жми и въ другихъ падежахъ, мѫ̑ка, мѫ̑чныи, нѫ̑ (нъ, но), нѫ̑ждеѫ, нѫ̑ждно, пѫ̑тъ (ь), крѫ̑гъ, крѣпкорѫ̑къ, сторѫ̑къ, сѫ̑дъ, сѫ̑дище, сѫ̑дѧщїихъ, осѫ̑жденъ, съсѫ̑дъ, съсѫ̑ды, сѫсѫ̑дъ, сѫ̑тъ (—ь), сѫ̑ща, сѫ̑щїимъ, сѫ̑щѫѧ, сѫ̑щїими), сѫ̑щьства, сѫ̑чїемъ, сѫ̑доу, ѿтѫ̑доу, тѫ̑ча, глѫбокотѫ̑чны, тѫ̑жааше.

Эти же самыя слова чаще употребляются безъ надстрочнаго знака: слѣдовательно ѫ и безъ надстрочнаго знака во множествѣ словъ имѣлъ такой-же звукъ, какъ съ надстрочнымъ знакомъ. Итакъ выговоръ юса, отличнаго отъ ѧ, обозначаемый надстрочнымъ знакомъ, можно отыскивать и въ примѣрахъ, не имѣющихъ этого знака.

(*) Нельзя не замѣтить, что правописаніе єѫ̑ и тоѫ̑ въ род. и твор. противорѣчитъ моему объясненію надстрочнаго знака въ качествѣ отличія особеннаго выговора ѫ и ѧ: потому что въ этомъ правописаніи ѧ̑, очевидно, значитъ и ѭ и ѩ. Но такъ какъ въ остальныхъ примѣрахъ надстрочный знакъ ставится только тамъ, гдѣ ѫ и ѧ ни разу не смѣшиваются, то не должно ли думать, что за нѣсколько времени до перевода Манассія, на пр. во второй половинѣ XIII вѣка, писалось еще єѫ̑ и єѧ̑, съ строгимъ отличіемъ той и другой формы въ правописаніи и выговорѣ? Въ Патріаршемъ спискѣ употребляется по преимуществу єѫ̑ для род. и твор., въ Ватиканскомъ очень часто, хотя, конечно, механически, єѧ̑ для обоихъ падежей: то и другое не есть ли остатокъ того правильнѣйшаго правописанія, отличавшаго оба падежа особенными формами, о которомъ въ половинѣ XIV вѣка хранилась еще свѣжая память письменностью, хотя упадавшій выговоръ уже не поддерживалъ этого различія, въ слѣдствіе чего правописаніе, имѣвшее фонетическое значеніе, сдѣлалось въ этихъ словахъ лишь графическимъ обычаемъ и въ этомъ состояніи, конечно, могло исказиться до безразличія обѣихъ формъ? Нашъ памятникъ совершенно уполномочиваетъ выставить это въ видѣ вопроса для изслѣдованія объ исторіи болгарскаго правописанія до XIV вѣка.

Къ отысканію выговора ѧ ведетъ употребленіе его вмѣсто ъ, и, обратно, употребленіе ъ вм. ѧ. Въ этомъ отношеніи прежде всего обратимъ вниманіе на то, что всѣ слова, сложенныя съ предлогомъ съ или сѧ, обыкновенно пишутся въ нашемъ памятникѣ съ буквою ъ, не исключая и тѣхъ, которыя въ древнихъ памятникахъ имѣютъ постоянно ѧ; напр. въ нашемъ памятникѣ съпрѧгъ вм. сѧпрѧгъ, съпостатъ вм. сѧпостатъ. Выше замѣчено, что и въ древнемъ языкѣ нѣкоторыя слова, сложенныя съ этимъ предлогомъ, измѣнили ѧ на ъ; но эти буквы, безъ сомнѣнія, имѣли различный выговоръ, и потому слова, принявшія ту или другую букву, постоянно удерживали ее въ правописаніи. Въ языкѣ древнихъ памятниковъ нѣтъ признаковъ, чтобы между этими буквами ощущаемо было какое-либо сродство или наклонность ко взаимному переходу. Упадокъ ѧ до полугласнаго ъ въ древнемъ церковномъ произошелъ, какъ видно, еще задолго до письменности, и окаменѣлъ въ отдѣльныхъ словахъ, такъ-что исторически провести колебаніе между юсомъ и еромъ отъ древнѣйшихъ временъ до нашего памятника, кажется, невозможно. Увѣряютъ, что иѧ вм. иъ встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ: желательно бы знать, въ какихъ именно; но во всякомъ случаѣ, покуда древнѣйшіе памятники не подвергнуты подробному филологическому разбору и не показанъ крайній, древнѣйшій предѣлъ средне-болгарскаго, въ древне-церковномъ правописаніи иѧ позволительно сомнѣваться. Тѣмъ не менѣе замѣчательно, что упадокъ ѧ и въ средне-болгарскомъ, хотя безъ исторической связи съ древнимъ, обнаружился однакоже совершенно одинаково, именно переходомъ въ ъ, — въ доказательство того, что явленія происходятъ на одной и той же почвѣ, т. е. въ одной и той-же болгарской системѣ звуковъ. Выше мы видѣли въ предлогѣ сѧ замѣну древняго юса еромъ въ нашемъ памятникѣ: теперь представимъ обратный примѣръ. Древнее: сѣсѧдъ пишется такъ-же и въ нашемъ памятникѣ,

только иногда съ прибавкою надстрочнаго знака: съсѫ̏дъ и съ̏сѫдъ. Но есть еще правописаніе: сѫсѫдъ: стало-быть здѣсь ѫ = ъ или точнѣе ъ̏. Есть и еще примѣръ замѣны ера юсомъ: такъ дъхнѫ и дъ̏хнѫ пишется и дѫхнѫ. Тутъ нѣтъ уже никакой двусмысленности: по древне-церковному правописанію, въ этомъ корнѣ вовсе нѣтъ юса, и при повтореніи одинаковаго примѣра нѣтъ причины подозрѣвать описку въ буквѣ ѫ. Правда, эти примѣры не многочисленны; но вѣдь новое правописаніе, въ-слѣдствіе перемѣны выговора, не могло же вдругъ измѣнить прежняго, основаннаго на существовавшей письменности, утвержденной привычкою. Вышеприведенные примѣры какъ-бы невольно вырвались изъ-подъ пера писца. За то самыя первыя справки, сдѣланныя мною въ другихъ источникахъ, тотчасъ подтвердили мое мнѣніе о тождествѣ ѫ и ъ въ средне болгарскомъ. Въ послѣднеи, дополнительной тетради Патріаршаго Сборника, котораго часть составляетъ нашъ памятникъ, рядомъ стоятъ два слова: тѫ̏жѫ тъжитъ *). Монахъ Исаія (см. S. J. Chrysostomi Hom. in Ramos Palmar. Ed. F. Miklosich. Vindob. 1845) пишетъ (1371): глъбоуаншїи вм. глѫб..., какъ постоянно употребляется въ нашемъ памятникѣ; такъ-же: немалъ высотѫ вм. немалѫ. Въ Корнесловѣ Миклошича (Radices linguae Slovenicae veteris dialecti, Lipsiae 1845) приведена изъ какого-то (вѣроятно, довольно поздняго) болгарскаго памятника (Codex Bulg.) форма: мѫзда вм. средне-болгарскаго мъзда, происшедшаго чрезъ обыкновенную перемѣну древняго ь на ъ. Г. Востоковъ (въ Оп. Ркп. Р. М. стр. 58) приводитъ изъ сербскаго списка Георгія Амартола XV в. форму: стрѫгѫще вм. стрѣгѫще: послѣдняя перешла въ первую, конечно, не прямо,

*) Писецъ этой тетради въ смѣшеніи юсовъ, кажется, ушелъ далѣе нашего памятника; кромѣ того, онъ употребилъ одинъ разъ ноужда вм. нѫжда, чего ни въ нашемъ памятникѣ, ни въ остальныхъ статьяхъ Сборника не встрѣчается. Это убѣдительно доказываетъ, что послѣдняя тетрадь писана другимъ писцомъ, чѣмъ всѣ предыдущія статьи Сборника.

а посредствомъ древне-славянской перемѣны ѫ въ ь, и средне-болгарской — ь въ ъ: слѣд. и здѣсь ѫ = ъ. Эти примѣры, собранные безъ всякаго труда, позволяютъ надѣяться, что допускаемое мною тожество звука ѫ и ъ подтвердится въ рукописяхъ XIV и XV в. множествомъ примѣровъ безразличнаго употребленія обоихъ буквъ. Покойный Прейсъ, въ числѣ особенностей позднѣйшаго болгарскаго правописанія, отмѣчаетъ употребленіе ѫ вм. ъ и ь и наоборотъ, какъ явленіе самое обыкновенное, наравнѣ съ употребленіемъ ѫ вм. а и ь вм. ъ: *) въ нашемъ же памятникѣ оно является еще въ своемъ началѣ. Видно, что ѫ, болѣе и болѣе теряя носовой звукъ съ теченіемъ времени, теперь встрѣтился наконецъ съ еромъ, который въ то-же время, раздѣлившись на два выговора, и дошедши въ одномъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, до безгласной, т. е. до нуля, въ другомъ выговорѣ достигъ полноты звука настоящей гласной. Стало быть, точнѣйшее обозначеніе звука ѫ зависитъ какъ отъ употребленія его самого, такъ и гласнаго ъ.

Выше мы уже видѣли, что древній полугласный ъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ перешелъ въ чистое о; но онъ не вездѣ достигаетъ полноты этого звука. Выше приведены формы: храборъ и храберъ: изъ выговора буквы є мы узнаемъ что между этими о и є нѣтъ такой противоположности, какая Русскому кидается въ глаза съ перваго взгляда. Мало того: о и є въ этомъ и другихъ подобныхъ словахъ не должно строго принимать за полныя гласныя: напротивъ, это только неточное обозначеніе неопредѣленнаго звука, который выражается иногда буквою ъ: храбъръ (и храбръ, по подражанію древнему правописанію), храбърство. Правописаніе

*) См. Ж. М. Н. Пр. (1841. Ч. XXIX). Отд. IV. стр. 46. Въ статьѣ, помѣщенной въ томъ же журналѣ 1842 Ч. XXXIII. Отд. IV стр. 56 говорится: «Если справедливо *вышеприведенное* замѣчаніе о употребленіи ѫ вм ъ и ь, и наоборотъ....» Къ сожалѣнію, однакожъ, подобнаго замѣчанія ни выше, ни ниже не оказалось.

колеблется здѣсь между ъ, о и є. Этотъ примѣръ невольно напоминаетъ ново-болгарское: добѫръ; но будемъ держаться фактовъ нашего памятника, не предускоряя вывода наведеніемъ Въ соотвѣтствіе сближенію ера съ о, и ѫ употребляется въ нашемъ памятникѣ вмѣсто древняго о въ словѣ: вельмѫжа, изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, чтобы ѫ выговаривался за о, но слѣдуетъ, напротивъ, что онъ не значилъ о, а только былъ къ нему близокъ въ противномъ случаѣ, онъ чаще встрѣчался бы вмѣсто о, ц самъ уступалъ бы ему мѣсто. Далѣе: вмѣсто прилагательнаго живъıй есть примѣръ: єще живѫи сыи: здѣсь ѫ представляется близкимъ къ ъı. Замѣчательно такъ-же употребленіе: Фокѫ, Доукѫ въ род. п.; здѣсь ѫ сближается по звуку, *вѣроятно* *) не съ ъı, хотя и

*) Такія же формы приводитъ Преисъ въ вышеозначенной статьѣ 1842. ѿ оца Козмѫ, въ лѣтѣ Тотила Гоѳтскаго Ригѫ; но, по его объясненію, это не есть явленіе только средне-болгарскаго періода, а остатокъ древняго склоненія, по которому имена на а имѣли въ род. не ъı, а носовой звукъ, какъ и оканчивающіяся на ꙗ. Въ подтвержденіе этого изъ той же рукописи приводятся формы родительнаго безъ инѫ одеждѫ, ѿ влдкѫ, ѿ црєвѫ дъщере, до хизинѫ, до стѣнѫ, до бѣдѫ. Объясненіе очень вѣроятное: но полную силу эти примѣры могутъ имѣть только тогда, когда они найдены будутъ въ древнѣйшихъ болгарскихъ рукописяхъ, въ которыхъ нѣтъ еще искаженія юсовъ и вообще упадка грамматическихъ формъ: тогда мы имѣли бы историческое свидѣтельство о происхожденіи этихъ формъ изъ древности. Но не таковы рукописи, разсматриваемыя Прейсомъ. по высшей мѣрѣ, онѣ не древнѣе нашего памятника; а въ немъ ѫ или ѧ въ родительномъ имѣютъ существительныя на а только съ предыдущими жд, ж, ш, щ, ц, ч, — стало быть, собственно-только оканчивающіяся на ꙗ. Собственныя имена Фокѫ, Доукѫ, представляютъ единственное и притомъ нерѣшительное, какъ и Прейсовы: Козмѫ, Ригѫ, исключеніе. Поэтому я остаюсь *покамѣстъ* при своемъ объясненіи этой формы родительнаго, не исключая и вышеприведенныхъ нарицательныхъ именъ, къ чему располагаетъ въ нашемъ памятникѣ состояніе склоненія, замѣтное уже и изъ употребленія буквъ въ фонетическомъ отношеніи. — Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, выговоръ этого юса одинаковъ: для объясненія его и Прейсъ приводитъ правописаніе: странѫ Ісакова, пагоубѫ, (им.-ные п.) тогдѫ, и указываетъ при этомъ на ново болгарскій выговоръ.

употребляется: Фокы, Доукы, но с ъ л: пишетъ какъ будто опасался смѣшать эти собственныя имена съ женскими на л, и хотѣлъ подвести ихъ въ склоненіи подъ разрядъ мужескихъ именъ на ъ, поставивъ однако-же въ род., для отличія отъ именительнаго падежа, ѫ, а не л. Сближеніе юса съ л видно такъ-же въ правописаніи: нѫ нскопіе прѣдлмо, гдѣ л въ предлогѣ, уступая свое удареніе слѣдующему слову, естественно, дѣлалось слабѣе. Такой же примѣръ представляетъ пагоубѫ вм. пагоуба и въ пагоубѫ, вм. въ пагоубѫ въ Оп. Ркп. Р. М. стр. 58). Такимъ образомъ употребленіе юса и ера показываетъ, что звукъ ихъ не былъ ни о, ни л, ни ы, но близокъ и къ тому, и къ другому, и третьему — что-то среднее между ними. Съ другой стороны изъ употребленія о и л видно, что въ устахъ переписчика дѣйствительно былъ средній звукъ между этими буквами. Для обозначенія этого звука онъ отмѣчалъ о надстрочнымъ знакомъ, и что этотъ знакъ дѣйствительно имѣетъ приписываемый нами смыслъ, подтверждается тѣмъ, что онъ ставится преимущественно въ частицахъ: бо̃ и то̃, которыя, по самому значенію своему въ составѣ рѣчи, обыкновенно уступаютъ свое удареніе предыдущему или слѣдующему слову, отъ чего и говоръ о, естественно, дѣлается въ нихъ слабѣе. Остальные примѣры употребленія надстрочнаго знака надъ о ограничиваются (полугреческими?) словами: нто̃земцн, нто̃родемъ. Здѣсь о составляетъ переходную букву и не имѣетъ на себѣ ударенія, и стало быть, по меньшей мѣрѣ, не противорѣчитъ нашему объясненію надстрочнаго знака *). Такимъ образомъ и здѣсь

*) Пользуясь всѣми намеками правописанія на выговоръ, я опасаюсь, чтобы меня не упрекнули въ злоупотребленіи методы наблюденія. Дѣйствительно, приведенные мною факты и соображенія мелки: но развѣ это можетъ быть иначе, когда дѣло идетъ о такихъ микроскопическихъ предметахъ, каковы буквы, надстрочные знаки и выражаемые ими звуки и оттѣнки звуковъ? У г. Востокова, напр. на стр. 191 Оп. Ркп. Р. М. подобныя соображенія о правописаніи такъ-же не слишкомъ крупны, но пусть докажутъ, что они напрасны. Этимъ примѣромъ я, разумѣется, оправды

оказывается звукъ, къ какому привело насъ употребленіе юса и ера: это звукъ короткаго ѧ или слабаго о. Надобно ли прибавлять, что такой именно выговоръ имѣетъ ново-болгарскій ѫ, вмѣсто котораго писали такъ-же въ новѣйшее время ъ и ѧ, и который въ этимологическомъ отношеніи соотвѣтствуетъ въ однихъ словахъ древнему юсу, въ другихъ еру?

Перехожу къ выговору постояннаго ѧ, которое отмѣчается иногда надстрочнымъ знакомъ. Какъ ѫ и ъ ставятся одинъ вмѣсто другаго, такъ точно встрѣчается и замѣна ѧ ерью: **проиꙁъııдоу**, **доброꙋьıстно** (εὐτυχῶς). И какъ ь во многихъ словахъ уступаетъ свое мѣсто ѣ, а въ другихъ употребляется съ ѣ поперемѣнно, то вмѣсто ѧ можно ожидать и ѣ. Со-

---

ваю только умѣстность мелочныхъ разъисканій, а не злоупотребленіе ихъ; но тотъ, кто приметъ на себя трудъ показать у меня злоупотребленіе, конечно, не обойдется безъ такихъ-же мелкихъ соображеній. Когда настанетъ время положить начало науки слав. палеографіи, изслѣдованія будутъ еще мельче и суше. Излишняя внимательность къ мелочамъ не принесетъ большаго вреда, развѣ обременитъ статью нѣсколькими лишними строчками; но невниманіе къ буквѣ и ея употребленію есть гибель филологіи. Притомъ факты правописанія вовсе не таковы, чтобы въ нихъ было много свободы произволу старинныхъ писцовъ и, въ-слѣдствіе того, умничанью новѣйшихъ «буквоѣдовъ», какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда: при строгомъ вниманіи къ нимъ, они сами показываютъ границу, до которой могутъ простираться выводы. Такъ приведеннаго г. Востоковымъ (О. Р. Р. М. стр. 58) правописанія: **оубѣжишѫ**, вм. **оубѣжишн**, какъ чисто ошибочнаго, никакими хитростями нельзя объяснить вліяніемъ выговора, и предположеніе близости ѫ къ н не повело-бы ни къ какому результату, тогда какъ факты, значительные по отношенію къ выговору и имѣющіе связь съ другими ясными обнаруженіями выговора въ правописаніи, легко приводятся въ эту связь и объясняются и подтверждаются другъ другомъ, не смотря на разнообразіе и отрывочность.

Что касается надстрочнаго знака надъ о, то не скрою, что смыслъ, приписываемый ему мною, не такъ очевиденъ, какъ смыслъ того же знака надъ ъ и ѫ. Онъ употребляется также надъ н и ѣ, исключительно и очень постоянно, въ мѣстоименіяхъ. **сн** им муж. ед., **сѣ** им. жен. ед., **сн, кѣсѣ сѣ** им. мн. сред., **сѣрѣкѹ** и **сѣрѣкѹ** (по надъ **сѣ** = себѣ, напр

ображеніе это подтверждается на дѣлѣ, въ доказательство того, что и употребленіе ѣ вм. а произошло не безъ участія выговора или по одной описке, хотя оно и рѣдко. Изрѣдка встрѣчается: врѣмлю, -а вм. ѥ, съ которымъ оно и пишется обыкновенно, и въ праслав. постоянно, — вм. ѣ: ѣ и ѥ, какъ увидимъ ниже, смѣшиваются въ нашемъ памятникѣ. Наоборотъ, а переходитъ въ ѣ и ѥ въ словѣ тѣшко (одинъ разъ) въ грамматическихъ измѣненіяхъ: оувѣд- оувѣмъ, въспрѣмъ и въспремъ (нѣсколько разъ), въ формахъ камѣнѣнъıи или камѣнъıи и под., въ прич. молѣщаса. Замѣчательны еще два примѣра употребленія ѥ вмѣсто юсовъ: вящшее съставлъше брань и больше простїѥ. Въ словѣ кѣщее вмѣсто перваго ѥ можно поста-

---

отєчъства сн = своего отечества. съжалнвъ сн = с алился, надстрочный знакъ не ставится); также иногда въ частицѣ нн лще лн же нн; сѥ же (*это*), сѥ прѣкъıи сънъ, како приключнсѧ сѥ, сѥ *сего*, пособника въземъ, възмтъ ѥ; надъ оу въ словѣ тоу. Во всѣхъ этихъ случаяхъ писецъ какъ-бы старается предупредить неумѣстную краткость, слабость, небрежность выговора этихъ краткихъ, но значительныхъ въ составѣ рѣчи словъ; слѣд. здѣсь, какъ и въ единственномъ примѣрѣ млнмлщєѥ и тєкщѥ, онъ заставляетъ выдерживать звукъ буквъ, стало-быть усиливаетъ звукъ: а въ словахъ бѳ, тѳ (мѣстоименіе и союзъ) напротивъ, я предполагаю ослабленіе звука о. Не удивительно впрочемъ, что писецъ дѣйствительно допускалъ такое разнородное употребленіе отъ старинныхъ писцовъ нельзя требовать строго-систематической послѣдовательности въ выборѣ и употребленіи знаковъ. Изъ самаго списка Манасіи мы видимъ, что тамъ, гдѣ писецъ его употреблялъ ", современный читатель, повидимому повѣрявшій его, ставилъ обратный знакъ ". Впрочемъ, еслибы и нужно было отказаться отъ этого объясненія ѳ, доказываемый мною выговоръ юса и ера отъ того не измѣнится.

Касательно словъ нтороденъ (= ἰθαγενεῖς ст. 2890), нтоземци (= αὐτογενεις ст. 1224), надобно предупредить, что въ нихъ нельзя отдѣлять начальнаго н, принимая его за союзъ и полагая тозеѳци вмѣсто нтоземци. Въ греческомъ подлинникѣ здѣсь нѣтъ слова, соотвѣтствующаго союзу н, а переводчикъ буквально передаетъ слова подлинника; при употребленіи слова нтоземци онъ даже не могъ прибавить этого союза безъ нарушенія смысла

вить и ѫ, и ѧ, по произволу: писецъ употребляетъ въ вин. пад. жен. р. и -ѫѧ, и -ѫѫ, и -ѧѫ (только не ѧѧ); но онъ предпочелъ употребить є (= ѧ), вѣроятно, по причинѣ мягкаго свойства буквы ш. Второе є можетъ такъ-же стоять въ соотвѣтствіе употребленію ѫѧ, хотя оно встрѣчается и рѣже другихъ. Въ словѣ: большєє послѣднее є поставлено по аналогіи льстіа и немногихъ подобныхъ: писецъ предпочелъ употребить большєє, а не большеѧ: вѣроятно, отъ-того, что въ выговорѣ его оставался еще какой-нибудь слѣдъ древняго ѫ, которое должно быть въ твор. Позднѣе употребленіе ѧ послѣ гласной господствовало рѣшительнѣе, какъ видно изъ примѣра, приведеннаго Преисомъ, вѣроятно, изъ позднѣйшей болгарской рукописи до послѣдиеѧ вѣдѫ: здѣсь — єѧ стоитъ вмѣсто ѧѧ; но писецъ нашего памятника, по вышеприведеннымъ примѣрамъ, употребилъ бы еще послѣдиєє, не смотря на обыкновенное правописаніе: послѣдиѧѧ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ нѣтъ уже никакого слѣда носоваго звука, и если въ нашемъ памятникѣ они немногочисленны, то въ позднѣйшихъ болгарскихъ памятникахъ употребленіе ѧ вм. є и ѣ довольно извѣстно. Изъ примѣровъ этого рода приведу только правописаніе: словѧнскѣи, вмѣстѣ съ словѣнскѣи, у монаха Исаіи (по изд. Миклошича): здѣсь, вѣроятно, начало искаженія имени Словѣнъ, — отъ-того, что русскіе писцы читали это ѧ за ѫ.

Въ-послѣдствіи мы увидимъ, что средне болгарское є имѣло твердый выговоръ: теперь же это можно подтвердить происхожденіемъ его изъ древняго ѧ. Гласный элементъ въ этомъ носовомъ звукѣ былъ є, но отнюдь не ѥ, какъ видно уже изъ употребленія его въ сложеніи съ і, то есть въ ѩ. Копитаръ (въ Грамматикѣ при Glagolita Clozianus) находитъ въ ѧ франц. *é*, даже *i*, но доказываетъ это не-исторически *), — готскимъ plinsjan плѧсати: это і, встрѣчающееся

*) И не-филологически, потому-что умалчиваетъ о буквѣ *n* въ словѣ plinsjan; но это здѣсь для насъ постороннее.

и въ другихъ подобныхъ примѣрахъ, дѣйствительно могло принадлежать славянскому языку, а не готскому, но только во времена сношеній Славянъ съ Готами, — вообще въ древнѣйшія времена; а въ періодъ письменности намъ извѣстны слова: Климатъ, Декабрь и пр., Σφενδοπλόκος и др. Это є имѣло твердый звукъ, близкій къ греч. α съ носовою согласною. Чисто-славянское правописаніе: костантинь градъ въ Остр. Еванг. 270 г. передаетъ буквою ѧ греческій слогъ αν; форма константинь есть буквальное переложеніе греческаго правописанія. Греческое Φράγγος передано на болгарскомъ фрѧгъ; но эта форма, какъ видно, казалась неудовлетворительною и уступила формѣ: фрагъ: форма эта произошла прежде смѣшенія носовыхъ звуковъ въ болгарскомъ и употреблялась долго, такъ-что успѣла утвердить въ русскихъ памятникахъ форму: фрѧгъ (ѧ = ѫ) прежде, нежели въ самихъ болгарскихъ рукописяхъ появилось безразличное употребленіе юсовъ, допускавшее фрагъ и фрѧгъ *). Такимъ образомъ перемѣна гласнаго элемента въ ѧ шла постепенно отъ тонкаго (или высокаго) звука і къ болѣе твердымъ (или низкимъ **)

*) Греческое Βάραγγος, если оно было извѣстно Болгарамъ, должно было перейти въ КЪРѦГЪ, потому-что ѧ въ подобныхъ случаяхъ соотвѣтствуетъ О: ѦѦГНИЪ = Λογγῖνος. Это, повидимому, опровергается формою КЪРОУГЪ въ сербскомъ Прологѣ XIII или XIV (см. Востокова, О. Р. Р. М. стр. 455); но нигдѣ форма. КЪРѦГЪ не подтверждена древнѣйшимъ болгарскимъ памятникомъ, происхожденіе ея можно объяснить иначе. Болгарскій писецъ могъ механически передать ѧ русскаго оригинала, не подозрѣвая въ немъ ѫ; другой, или и тотъ же переписчикъ, по средне-болгаскому обычаю, могъ замѣнить это ѧ ѫ-сомъ, откуда сербскій писецъ вывелъ свое ОУ.

**) Одинъ разъ навсегда прошу извиненія читателей въ непостоянномъ словоупотребленіи. Всѣмъ извѣстно, какъ бѣдна и неопредѣленна наша грамматическая терминологія, какъ скоро дѣло выходитъ за предѣлы школьной грамматики. Я не беру на себя установлять термины, а пользуясь тѣмъ или другимъ (или и тѣмъ и другимъ), смотря потому, который изъ нихъ яснѣе выражаетъ мои понятія.

ѥ и ѧ: въ этомъ послѣднемъ, по уничтоженіи носовыхъ звуковъ, ѧ сошлось съ ѫ-сомъ, который въ свою очередь приблизился къ ѧ (ѣ) по противоположному направленію (отъ низшаго къ высшему. о-ѧ. Причину, или по крайней мѣрѣ возможность этой перемѣны выговора ѧ заключаетъ въ себѣ самое свойство носоваго звука, которыи, какъ это весьма понятно, дѣлаетъ выговоръ глухимъ, неопредѣленнымъ. Тоже самое мы видимъ напр. въ выговорѣ французскихъ носовыхъ: in, en. Приставка j и другихъ согласныхъ, естественно, дѣлаетъ гласныи элементъ юсовъ опредѣленнѣе, явственнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ прочнѣе: при этомъ случаѣ мы опять припоминаемъ сохраненіе ѣ въ тѣхъ грамматическихъ случаяхъ, гдѣ ѫ уступилъ мѣсто ъ, и остатокъ ѣѫ въ ѧ: ноціѧ, гѫ 1-е лицо. Въ случаѣ же отнятія j, гласныи элементъ ѧ беззащитно подвергается вышеозначенному вліянію носоваго звука. И мы видимъ, что въ нашемъ памятникѣ смѣшеніе ѫ и ѧ всего рѣшительнѣе господствуетъ именно въ началѣ словъ и слоговъ, гдѣ въ древнемъ языкѣ ставится ѣѫ и ѣ, къ которымъ въ языкѣ нашего памятника, какъ и вообще къ сложнымъ гласнымъ, видно рѣшительное отвращеніе. Напротивъ того ѧ послѣ согласныхъ, въ силу отмѣченнаго нами вліянія ихъ на выговоръ гласной, сохранило свое отличіе отъ ѫ: согласныя, по вышепредложенному замѣчанію, не допустили носовои звукъ довести ѧ до ѧ, но остановили на звукѣ ѥ, которое въ выговорѣ постояннаго ѧ можно бы угадать даже a priori, безъ указанія приведенныхъ выше фактовъ. Нерѣшительность смѣшенія ѫ и ѧ послѣ жд, ж, ш, щ, ц, зависитъ отъ состоянія этихъ согласныхъ: уже въ древнѣишихъ церковныхъ памятникахъ онѣ допускаютъ послѣ себя ѧ, оу, ѫ, а въ нашемъ памятникѣ даже предпочитаютъ твердыя гласныя, хотя и обнаруживаютъ еще въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ съ гласными признаки своего происхожденія посредствомъ вліянія і, и всего рѣшительнѣе ѵ. По этому ѧ въ сочетаніи съ

этими согласными не могло выигрывать въ опредѣленности звука; напротивъ, онѣ, какъ обоюдныя, могли даже содѣйствовать смѣшенію ѫ и ѧ, къ какому наклонны по своей натурѣ носовые звуки. Такимъ образомъ, если въ болгарскомъ языкѣ ѫ и ѧ, звуки совершенно различные, и сохранившіе свое различіе въ другихъ славянскихъ языкахъ, слились въ одинъ звукъ, то именно потому, что носовые звуки, своею неопредѣленностію или, точнѣе, недостаткомъ членораздѣльности содѣйствующіе смѣшенію звуковъ, оставались въ немъ долѣе, чѣмъ въ другихъ слав. языкахъ, которые отдѣлились отъ *первобытной* славянской системы звуковъ во время полнаго различія между ѫ и ѧ, потому и сохранили это различіе.

Спрашивается: упадокъ носоваго звука слѣдуетъ ли распространять на всѣ остальные случаи употребленія юсовъ? Какъ ни ограниченно число приведенныхъ нами примѣровъ, но оно показываетъ, что полнота древнихъ носовыхъ звуковъ была уже невыносима для слуха, и что въ замѣну ихъ образовался уже особый звукъ, и этотъ звукъ въ выговорѣ господствовалъ, безъ сомнѣнія, неограниченнѣе, чѣмъ въ письменности, въ которой прежнее правописаніе поддерживалось авторитетомъ существовавшей литературы. Но этотъ звукъ, какъ вновь образовавшійся, успѣлъ ли занять свое мѣсто въ выговорѣ *всѣхъ* словъ съ носовыми буквами? Такъ какъ упадокъ носовыхъ звуковъ не могъ произойти вдругъ, но совершался, безъ сомнѣнія, постепенно, то не оставалась ли значительная часть словъ съ юсами, еще не подчинившаяся новому выговору? Положительнаго подтвержденія на это нѣтъ; но есть немаловажныя причины сомнѣваться въ остаткахъ сильнаго носоваго выговора. Древніе носовые звуки и новый выговоръ, сравнявшійся съ звукомъ ера, составляютъ въ отношеніи другъ къ другу почти противоположность. Полнота древняго носоваго звука равняется цѣлому слогу: ударяясь въ слѣдующую согласную, онъ отражался длиннымъ носовымъ отзвучіемъ; встрѣчаясь съ глас-

ною, онъ переходилъ въ согласную, а новый выговоръ, судя по его происхожденію изъ полугласнаго ера и по нынѣшнему болгарскому произношенію юса, есть какъ-бы мгновенный ударъ, безъ отзвучія, безъ продолженія, и его членораздѣльности едва достаетъ на то, чтобы назначить ему мѣсто между о и а. Между столь отдаленными степенями полноты звука, вѣроятно, возможна не одна средняя степень, и, стало быть, чѣмъ постепеннѣе совершался упадокъ носовыхъ звуковъ, тѣмъ менѣе можно ожидать сохраненія ихъ хотя бы въ нѣкоторой части словъ. Фонетическая способность народа была бы безъ характера, еслибы допустила въ одномъ и томъ-же звукѣ различіе, простирающееся до противоположности. Не допускать такой безхарактерности въ языкѣ нашего памятника мы имѣемъ положительное основаніе въ общемъ свойствѣ средне-болгарскаго преобразованія гласныхъ: какъ въ носовыхъ звукахъ средне болгарскій выговоръ убавилъ полноту звука, такъ съ другой стороны, какъ это мы видѣли и еще увидимъ ниже, онъ увеличилъ полноту въ слишкомъ краткихъ звукахъ, замѣнивши прежнія полугласныя гласными. Можетъ быть, оставался еще какой-нибудь слѣдъ носоваго звука въ особенной неясности, неопредѣленности выговора, и по причинѣ этого отличія ѫ еще рѣдко смѣшивается съ ѣ, а ѧ въ ѥ; но эта особенность звука, по свидѣтельству самаго писца, была далеко уже не то, что носовый звукъ; потому что онъ пишетъ уже дрогнарѣ и дроугнарѣ, в. п., хотя это правописаніе не точно передаетъ греческій выговоръ δρογγάριος или δρουγγάριος (стих. 4839 и 5473), — а не дрѫгари, какъ это было въ періодъ полной силы носовыхъ звуковъ.

Какъ далеко можно распространять новый выговоръ юса на употребленіе небезгласнаго ера, съ которымъ ѫ иногда употребляется въ однихъ и тѣхъ-же словахъ попеременно? Вѣроятно, самъ писецъ нашего памятника не могъ бы отвѣчать на это коротко и ясно. Не смотря на то, что полугласъ-

ный еръ сохранился до нашего памятника правописаніемъ и, безъ сомнѣнія, поддерживался выговоромъ, нашъ писецъ не довольствуется неупустительнымъ употребленіемъ его въ коренныхъ слогахъ, но отмѣчаетъ его еще надстрочнымъ знакомъ, какъ особенную степень звучнаго выговора. Въ самомъ дѣлѣ, особенно этотъ еръ (ъ̀) мы видѣли во взаимномъ употребленіи съ ѫ. Но затѣмъ, постоянное употребленіе ера въ однихъ коренныхъ слогахъ (въ большей части ихъ), непостоянное употребленіе его въ другихъ, хотя и одинаковыхъ съ первыми по формѣ, и наконецъ совершенное опущеніе ера въ такихъ-же точно формахъ, далѣе такой-же недостатокъ послѣдовательности, или вѣрности одному правилу, въ предлогахъ въ сложныхъ словахъ, и въ многобуквенныхъ окончаніяхъ, — показываютъ, что въ выговорѣ ера было нѣсколько степеней звучности, начиная отъ гласнаго ъ̀ до безгласнаго ъ, равнаго нулю. Видно, что полугласный выговоръ оставался еще въ звукахъ языка и состоялъ въ борьбѣ съ двоякимъ стремленіемъ собственно средне-болгарскаго выговора — къ вокализаціи полугласныхъ въ одной части ихъ употребленія, и къ совершенному уничтоженію — въ другой. Обозначить эти степени звучности — было бы напрасною попыткою; самый полный анализъ можетъ только наглядно представить непостоянство, движеніе звуковъ, свойственное переходному состоянію языка, но едвали провести точныя границы между тѣмъ и другимъ выговоромъ. Стало быть, и въ разсужденіи выговора ера, равнаго юсу, должно ограничиться тѣмъ, что онъ есть въ значительномъ, но неопредѣленномъ числѣ словъ, оставляя границу его въ той неизвѣстности, какою покрываетъ ее свойственное этому памятнику колебаніе звуковъ. Можно только указать на результатъ этого колебанія, именно въ ново-болгарскомъ, въ которомъ ѫ, при сличеніи, оказался во множествѣ словъ соотвѣтствующимъ еру въ нашемъ памятникѣ.

Обозрѣвая сказанное въ предыдущихъ §§, я нахожу, что:

1) Различіе между ѫ и ѧ въ нашемъ памятникѣ сохранилось: а) въ коренныхъ слогахъ послѣ чистыхъ согласныхъ, такъ что въ однихъ случаяхъ постоянно пишется ѫ, въ другихъ — постоянно ѧ Къ послѣднимъ принадлежатъ также слоги съ буквою ꙋ; б) въ окончаніяхъ послѣ согласныхъ съ тонкимъ выговоромъ (= русск. *ль, нь, рь* и под.) ѧ не уступаетъ своего мѣста ѫ-су.

2) Не сохранилось различіе между ѫ и ѧ: а) въ коренныхъ слогахъ послѣ стоящихъ согласныхъ, за исключеніемъ ꙋ; b) въ такихъ же слогахъ, неприкрытыхъ спереди согласною; c) вмѣсто древняго ѩ послѣ тонкихъ согласныхъ постоянно, а послѣ і большею частію ставится ѧ; d) во всѣхъ другихъ видахъ окончаній вмѣсто ѧ, ѩ, ѣѫ ставится то ѫ, то ѧ; первый впрочемъ чаще. Но тамъ, гдѣ правильно должно быть ѫ, (а не ѩ), въ нашемъ памятникѣ еще не ставится ѧ.

3) Какіе-то слабые слѣды прежняго носоваго звука въ ѫ и ѧ, какъ при смѣшеніи ихъ, такъ и въ постоянномъ употребленіи каждаго, надобно допустить, потому что они еще рѣдко смѣшиваются съ другими гласными. Но смѣшеніе уже началось, и новый выговоръ ѫ-са выражается въ правописаніи нашего памятника не только буквами ѫ̋, ѫ, ѧ, но и полугласными ъ̋, ъ, ь̋, ь (= ъ), и даже є, о. Выговоръ ѧ, несмѣшиваемаго съ ѫ, изрѣдка выражается буквами ѣ и є, рѣже буквою ь.

§ ѣ.

Эта гласная принадлежитъ къ числу исключительныхъ особенностей древняго церковнаго языка, не раздѣляемыхъ съ нимъ другими славянскими нарѣчіями: потому-то ея происхожденіе и значеніе такъ темны для филологовъ. Много было испытано разныхъ способовъ ея объясненія, и, надобно сказать, не безъ успѣха; но я не встрѣчалъ строгой

оцѣнки относительной силы того или другаго способа для объясненія значенія этой буквы въ древнемъ церковномъ: отъ того-то, мнѣ кажется, множество дѣльныхъ соображеніи, сдѣланныхъ досель, не привело, какъ слѣдовало бы ожидать, къ окончательному результату, въ которомъ бы всѣ согласились.

Сравненіе съ санскритскимъ объясняетъ только первобытное происхожденіе этого звука и касается такого періода индо-европейскихъ языковъ, когда нельзя было даже предсказывать о будущемъ существованіи языка обще-славянскаго, не говоря уже о его нарѣчіяхъ. О значеніи буквы ѣ во времена историческія этотъ способъ изслѣдованія ничего не рѣшаетъ. Отношеніе ѣ къ и, видимое въ корняхъ кид, кѣд, даже въ до-историческія, но уже славянскія времена не было живымъ, дѣйствующимъ закономъ и потому сохранилось лишь въ немногихъ остаткахъ въ видѣ окаменѣлости. Эти до-историческія времена славянизма расширили объемъ употребленія буквы ѣ новыми словами, въ которыхъ напрасно было бы подозрѣвать, по аналогіи первобытнаго происхожденія ея, коренное і. Для объясненія этихъ словъ надобно обратиться къ ближайшимъ по времени сродникамъ и товарищамъ въ развитіи — къ языкамъ готскому и литовскому; но и они могутъ объяснять лишь этимологическое происхожденіе буквы ѣ и, приблизительно, выговоръ ея во времена тѣсныхъ сношеній между этими языками, а не въ эпоху церковной литературы. Сравненіе славянскихъ нарѣчій между собою показываетъ только, что въ коренномъ ихъ языкѣ былъ особенный звукъ, строго отличавшійся отъ другихъ гласныхъ, и что этотъ звукъ сохранился въ церковно-славянскомъ ѣ; но какой именно былъ этотъ звукъ и къ которому изъ діалектическихъ видоизмѣненій онъ былъ наиболѣе близокъ? — для рѣшенія этого вопроса сравненіе славянскихъ нарѣчій не даетъ положительнаго основанія. Переходъ церковно-славянскихъ словъ въ сосѣдніе языки

(греческій, валашскій, венгерскій) и, наоборотъ, иностранныхъ словъ въ церковно-славянскій языкъ, равно и передача иностранныхъ словъ славянскими письменами и славянскихъ словъ другими письменами, также не могутъ служить главнымъ основаніемъ для рѣшенія вопроса; потому что передача иностранныхъ словъ подвергается вліянію природнаго языка и неточность этой передачи нерѣдко обнаруживается неодинаковымъ переложеніемъ одной и той же буквы. Такъ греч. αι передается и буквою ѣ и буквою ѥ, и обѣ эти славянскія гласныя передаются также греческимъ ε. Такимъ образомъ, *главнымъ* основаніемъ для рѣшенія вопроса о буквѣ ѣ остается все-таки самъ церковный языкъ, и какъ-бы ни было скудно опредѣленностью рѣшеніе вопроса на этомъ основаніи, все-же филологи должны скорѣе удовольствоваться этимъ скуднымъ, но прочнымъ результатомъ, нежели прибѣгать къ вѣроятнымъ, но не достовѣрнымъ предположеніямъ и догадкамъ.

Согласимся прежде всего, что буква ѣ не была ни ѥ, ни ꙗ. Г. Миклошичь полагаетъ, что ѣ, кромѣ своего собственнаго выговора, произносилась еще какъ ꙗ, именно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обѣ эти буквы употребляются поперемѣнно. По моему мнѣнію, напротивъ: поперемѣнное употребленіе ꙗ и ѣ показываетъ близость ихъ выговора, но въ то-же время и различіе; потому что для той и другой буквы все же было постоянное употребленіе (мѣнѣ), отъ котораго мы ясно отличаемъ временныя уклоненія (мѣнѧ). Потому вѣроятнѣе подозрѣвать въ употребленіи ѣ за ꙗ и ꙗ за ѣ неточность правописанія (можетъ быть еще діалектическую), по причинѣ очень тонкаго различія между ними. Собственный же выговоръ буквы ѣ, по мнѣнію г. Миклошича, составлялъ звукъ Французскаго *é*; но въ доказательство приведены церковнославянскія слова въ венгерскомъ языкѣ и выговоръ буквы *é* у Словенцевъ: ни то, ни другое, какъ я уже отозвался, само по себѣ не имѣетъ положительной силы доказательства.

Изъ этимологіи самого церковнаго языка можно, по моему убѣжденію, доказать особенное генетическое отношеніе ѣ къ буквѣ *а*. Это отношеніе было указываемо прежде, но не развито обстоятельно. Здѣсь я могу указать только на одно обще-извѣстное явленіе, для поясненія свойства этого отношенія. Въ однихъ и тѣхъ-же грамматическихъ случаяхъ, гдѣ ѣ является при чистой гласной, она при встрѣчѣ съ согласною смягченною: ж, жд, ш, щ, ч, переходитъ въ *а*: тутъ какъ бы предъ глазами происходитъ разложеніе ѣ на *а* и *і*. Примѣры независимой перемѣны *а* на ѣ, какъ въ слогѣ прѣ вм. пра, благодѣть, трѣва, вѣꙗ вм. ваꙗ, показываютъ, что кореннымъ звукомъ должно считать а, которое въ звукъ ѣ видоизмѣняется явнымъ или скрытнымъ вліяніемъ і. Это вліяніе не есть іотированіе, и ѣ нельзя ставить въ одинъ разрядъ съ сложными ꙗ, ѥ, ѩ и др., потому что они оказываютъ неодинаковое дѣйствіе своимъ вліяніемъ на согласныя. Іотированныя гласныя измѣняютъ г, к, х, д, т, въ соотвѣтствующія шипящія; ѣ видоизмѣняетъ первыя три только въ з, ц, с, а послѣднія оставляетъ безъ перемѣны: доухъ, доуше, доуси, о доусѣ; чловѣкъ, чловѣче, чловѣци, о чловѣцѣ. К при ѣ измѣняется даже только на т, а не на ц. Чловѣчьсцѣмъ и др. п. составляютъ исключеніе, но они рѣже, нежели — стѣмъ. Въ корняхъ соединенія д и т съ ѣ не рѣдки и не подвергаютъ ихъ никакой перемѣнѣ. Во всемъ этомъ ѣ нисколько не походитъ на іотированную букву, хотя обнаруживаетъ въ себѣ нѣкоторую степень смягченія.

Въ чемъ состояло это смягченіе, понять не трудно. Извѣстно, что тонкія гласныя (*е*, *і*) произносятся съ меньшимъ открытіемъ устъ, чѣмъ твердыя; *а*, *о* имѣютъ звукъ полнѣе, шире, чѣмъ *е* *і*. Встрѣчаясь съ буквою *а*, гласная *і*, по свойству своему, стѣсняетъ ширину ея звука, убавляетъ ея полноту. Такъ въ русскомъ выговорѣ буква *я* даетъ далеко не такой полный звукъ, какъ наше же чистое *а*. Нѣмцы довольно близко, только безъ іоты, передаютъ наше *я* своимъ

ѧ, которое мы не точно передаемъ оборотнымъ э. Откиньте отъ нашего я іоту: останется утонченный или сжатый звукъ а (почти Нѣм. ä), и вотъ, по моему мнѣнію, выговоръ древняго ѣ. Только при этомъ выговорѣ становится понятнымъ, какимъ образомъ ѣ могла быть употребляема (послѣ согласной) за ѧ, и почему она не производила такого дѣйствія на согласныя, какъ іотированныя гласныя. Въ нынѣшнемъ болгарскомъ звукѣ ѣ, передаваемомъ нѣкоторыми посредствомъ слитныхъ буквъ еа, не только не противорѣчитъ этому объясненію, но, кажется, подтверждаетъ его. Въ другихъ языкахъ также есть подобное видоизмѣненіе а: такъ, если не ошибаюсь, а произносится, во второмъ слогѣ франц. madame, въ англ. he has, he had, to carry и др.

Предполагая употребленіе буквы ѣ въ древнемъ церковномъ общеизвѣстнымъ, я перехожу къ разсматриваемому памятнику. Здѣсь употребленіе этой буквы очень разнообразно и не вдругъ поддается наблюденію. Съ перваго взгляда безпрестанно встрѣчаешь букву ѣ на своемъ мѣстѣ, согласно съ древнимъ употребленіемъ; но, всматриваясь ближе, въ ея употребленіи замѣчаешь разнообразіе и даже разнородность, которая наводитъ подозрѣніе на самостоятельность правильнаго ея употребленія и затрудняетъ отъисканіе опредѣленныхъ этимологическихъ и фонетическихъ законовъ во всѣхъ видахъ ея употребленія. Только послѣ того, какъ соберешь и разсортируешь весь матеріалъ, первое впечатлѣніе находитъ себѣ оправданіе, и притомъ самое полное; равно и уклоненія получаютъ удовлетворительное объясненіе.

За исключеніемъ этихъ уклоненій (исчисляемыхъ ниже), при всемъ разнообразіи, можно сказать, ничтожныхъ предъ массой правильнаго употребленія, это употребленіе такъ постоянно и отчетливо, что нашъ памятникъ можно смѣло причислить къ лучшимъ, надежнѣйшимъ источникамъ для разсматриваемаго пункта церковно-славянской грамматики.

Видно притомъ, что это употребленіе основывалось на выговорѣ, что буква ѣ имѣла въ произношеніи свой особенный и очень опредѣленный звукъ, который не допускалъ смѣшивать ее съ другими близкими звуками. За невозможностью исчислить примѣры правильнаго употребленія ѣ въ корняхъ и окончаніяхъ *), замѣчу только, что слова и формы, близкія другъ къ другу по звуку, какъ плѣнити, плѣнъ и плена, пленица, дрѣвныи отъ дрѣво и древніи, оумрѣтъ прош. и оумретъ буд., постоянно отличаются употребленіемъ буквы ѣ.

Въ этимологическомъ движеніи словъ буква ѣ является повышеніемъ звука ь, или, по средне-болгарски, полугласнаго ъ во множествѣ сложеній съ разными предлогами, глагола връгѫ — врѣщи; и, наоборотъ, ь или ъ, съ средне-болгарскою же особенностью является вмѣсто ѣ въ словахъ: просвътѣсѧ или просъвтѣсѧ, процвьсти, процвъсти, процъвсти. Такимъ же образомъ ѣ замѣняетъ е въ словахъ: възгнѣщъ отъ гнетѫ, тѣщити (вмѣсто котораго иногда употребляется тоучити) отъ текѫ. Тѣхъ и другихъ словъ въ нашемъ памятникѣ немного; но они встрѣчаются довольно часто.

Столь же часто встрѣчаются, съ поочереднымъ употребленіемъ е и ѣ, слѣдующіе пять глаголовъ съ ихъ производными.

лежаше, -аста, -ѫще.	налѣгаѫ
належаше	лѣганіа
прилежѫ	долоулѣганіе (лежѫща на хоудѣ долоулѣгани)
прилежно и пр	
летѧщее	прилѣтаѫ
излетѣвъ	прилѣтаѫща
и пр.	лѣтаніа.

*) Къ правильному церковно-славянскому правописанію относится, между прочимъ, постоянное употребленіе: съмѣритисѧ, съмѣренъ, съмѣреніе, съвѣдѣтельствоуѫ, дѣтѧ.

плести	съплѣтаѫ
съплетъ, -сѧ, -ши	съплѣтаѫтъ
съплетен-а, -не, -ми, -ихъ	съплѣтаашесѧ
	приплѣтаашесѧ
многоплетными, -енїи	
вѫжоплетцѧ	
приплетесѧ	
метаемо *)	съмѣтаетсѧ
съметии	въмѣтаахѫ
изметиѫ, испро —	помѣтаетъ
ѿметиѫвшѫсѧ	помѣтаашесѧ
пометиче	примѣтаахѫсѧ
оконзметнїи	ѿмѣтаѫсѧ, -аахѫсѧ
текѫщїе, течахѫ	притѣкаетъ
потекѫтъ	сътѣкаѫщесѧ
сътекшесѧ.	

Ясно, что здѣсь дѣйствуетъ законъ, объясненный г. Миклошичемъ въ Lautlehre стр. 134 — 135, 3, 6, по которому е кореннаго слога, замкнутаго согласною, измѣняется въ ѣ, какъ скоро изъ этого слога образуется глагольная тема посредствомъ прибавленія а. Такъ какъ изъ нѣкоторыхъ словъ видно, что переводчикъ Манассія не употреблялъ лишь готовыя слова въ существовавшей письменности, а самостоятельно и свободно образовалъ ихъ собственнымъ чувствомъ, то значитъ, что особенный звукъ буквы ѣ съ закономъ повышенія въ нее другихъ буквъ, въ XIV вѣкѣ былъ еще у Болгаръ въ живомъ употребленіи: какой изъ славянскихъ языковъ можетъ похвалиться такою близостью, вѣрнѣе ска-

*) Замѣчательно, что правописаніе этого слова шатко уже въ древнѣйшихъ памятникахъ. Въ О. Е.: мещемъ, мещѫще и метаахѫ, къметаѥмо и въмѣтаемо, отъмѣтаашесѧ и пр. Въ глагольскомъ евангеліи Григоровича: метѣмъ и меташѧ (въ Slav. Bibliothek, herausgegeben von. Fr. Miklosich. B. I, стр. 263).

зать, тожествомъ съ древнимъ церковнымъ? Всѣ они, во времена письменности, обнаруживаютъ въ себѣ лишь болѣе или менѣе ясные слѣды когда-то существовавшаго особеннаго звука ѣ, и при списываніи съ церковно-славянскихъ памятниковъ нисколько не могли способствовать къ сохраненію его безъ искаженія, тогда какъ болгарскій писецъ XIV в. правильно воспроизводитъ его по живому чувству.

Употребленіе ѣ вмѣсто л: прѣмѣтрѣ, прѣотцемъ, прѣродителѣ, вѣна, трѣвл, блгодѣть, какъ въ древнемъ церковномъ, не исключительно.

Употребленіе ѣ вмѣсто л въ нашемъ памятникѣ шире, чѣмъ въ древнихъ церковныхъ, гдѣ вмѣстѣ съ — ѣл столь же часто употребляется лл. Нашъ писецъ поставилъ себѣ правиломъ, отъ котораго онъ весьма рѣдко отступаетъ, ставить ѣ вм. л всюду послѣ согласной. Но только послѣ согласной, и это составляетъ особенность болгарскихъ памятниковъ, которою они отличаются отъ списковъ сербскаго разряда, гдѣ ѣ (или є) замѣняетъ л повсюду, напр. ѣко, ѣвнє, чего вовсе нѣтъ въ нашемъ памятникѣ *). Для избѣжанія ка-

*) Болгарскіе памятники, допускающіе употребленіе ѣ вм. л послѣ гласной, какъ кажется, очень рѣдки и по своеству своему едва-ли заслуживаютъ быть признанными за представителей нормальнаго болгарскаго правописанія. Имѣя подъ рукою образчикъ одного изъ такихъ памятниковъ, я нахожу въ немъ правописаніе, которое едва-ли было бы одобрено лучшими изъ современныхъ ему болгарскихъ грамотѣевъ. Я разумѣю хиландарскій Паремейникъ профессора Григоровича, который, по правописанію, долженъ принадлежать ко второй половинѣ XIV вѣка. Писецъ его ставитъ не только: ѣко, ѣвнєи, єлнаѣ, бытнѣ, но и посрядѣ, чєтвриного, късихъ, би, въ єдємъ, дрѣво, дѣлати То есть, изъ близости звуковъ ѣ и л въ извѣстныхъ случаяхъ онъ безусловно заключаетъ объ ихъ тожествѣ, и въ своемъ правописаніи руководствуется только этимъ отвлеченнымъ понятіемъ, не обращаясь къ живому выговору, въ которомъ, какъ видно, у него мало было опредѣленности. Въ-слѣдствіе того онъ допускаетъ въ своемъ правописаніи противорѣчіе, не замѣчая того. Такъ, напримѣръ у него то-

кихъ-либо недоразумѣній исчисдяю случаи употребленія ѣ вм. ꙗ.

а) Прѣмо, въсѣкыи, болѣры и под. постоянно.

б) Єгуптѣне, римлѣне, каппадокѣнинъ и под. постоянно.

в) Земѣ и землѣ, боурѣ, лелѣ им. п. ед. ч., съ рѣдкими исключеніями на ꙗ. Косвенные падежи: банѣми и т. д. постоянно.

же, что напаѣше, но въ формѣ напаетъ онъ допускаетъ сліяніе звуковъ аѣ (или аꙗ) какъ будто они то же, что аа (напааше, напааетъ). То-же показываетъ у него ѣ въ словѣ: разлꙗчѣꙗщи! Это, пожалуй, можетъ служить къ подтвержденію изложеннаго мною понятія о выговорѣ ѣ за слабое *а*; но за то видно, что въ выговорѣ хиландарскаго писца различіе между а, ꙗ и ѣ, отчетливо сознаваемое писцомъ лѣтописи Манассія, иной разъ или вовсе исчезало, или онъ, изъ дошедшаго матеріала буквъ, по своей литературной незрѣлости, не умѣлъ устроить своего правописанія существовавшими у него, хотя и слабыми, оттѣнками звуковъ. Послѣднее вѣроятнѣе, потому что въ его выговорѣ, очевидно, есть различіе между а, ꙗ и ѣ: въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы замѣнять ѣ буквою є въ словахъ: древо, семꙗ и поставить ѣ вм. є въ сѣмѣнитѫ. Можетъ быть впрочемъ, что иногда онъ терялся на минуту въ неопредѣленности своего выговора при выборѣ между а и є, когда подъ перомъ его были формы, уже не существовавшія въ живомъ употребленіи. Такъ, можетъ быть, естественнѣе объясняются у него формы: твръдаего, крѣпкаего и под. Считать эти формы за остатокъ глубокой древности на основаніи такого поздняго списка, съ такимъ испорченнымъ правописаніемъ, безъ другихъ, лучшихъ свидѣтельствъ, — дѣло не надежное. Въ смѣшеніи носовыхъ, какъ показываетъ, кромѣ другихъ примѣровъ, форма разлꙗчѣꙗщи, писецъ также стоитъ ниже нормальнаго болгарскаго правописанія и выговора. Грамматическими формами онъ владѣетъ худо: разъ онъ пишетъ: да обладаетъ.... въсеꙗ земеꙗ и гады въсѣми прꙗсмыкаꙗщѫ, т. е. не дописываетъ сꙗ и принимаетъ гады за вин. множ.; въ другой разъ ставитъ: прѣсмыкаемї вм. — емыми, и только разъ удается ему написать правильно по средне болгарски: въсѣкꙋ прѣсмыкаꙗщомоусꙗ. Словомъ, писецъ Паремейника обнаруживаетъ въ себѣ человѣка, въ которомъ, при усиливающемся *общемъ* упадкѣ языка, фонетика, а съ нею и правописаніе страдали еще отъ какихъ-то неблагопріятныхъ обстоятельствъ его *личнаго* положенія.

г) Дьнѣ, царѣ, сѣдѣтелѣ р. и вин. ед. постоянно. Даже о нтакѣ, астіагѣ и постоянно.

д) Морѣ им. и. вин. мн. и под., древнѣа и под. всегда съ ѣ.

е) Въ спряженіи весьма рѣдко — ѧше, ѧше; обыкновенно ѣѫ, ѣше, ѣѧше, ѣѧѫ, ѣхѫ и т. д.

Изъ этихъ примѣровъ замѣчательны: подъ буквою в) земѣ и под. Вставка ѧ оказалась ненужною, очевидно, потому, что буква ѣ въ современномъ выговорѣ была чистою и твердою гласною. Ставя ее смѣло повсюду на мѣсто ѣ послѣ согласной, болгарскій писецъ показываетъ, что считаетъ ее близкою къ этой гласной и отличною отъ нея только отсутствіемъ і. И видно, что опущеніе ѧ было еще новымъ явленіемъ, потому что въ то-же время употребляются и старинныя формы съ ѧ, хотя такъ-же съ новѣйшимъ видоизмѣненіемъ. Напр. вин. един. и мн. земѧ и землѧ. Подъ букв. г) формы: астіагѣ, нтакѣ показываютъ, что хотя ѣ считается еще тоньше и мягче ѧ, какъ ь именительнаго (нтакь) тоньше ера, однако при ѣ, какъ при твердой гласной, г и к допускаются безъ перемѣны. Эти примѣры не должно ставить въ одинъ разрядъ съ тѣми иностранными словами, въ которыхъ слоговъ: гѣ, кѣ, и под. нельзя было не допустить, не исказивъ подлиннаго вида иностранныхъ именъ. Обыкновенное смягченіе согласной предъ іотированною гласной повредило бы видъ именъ и въ нашихъ примѣрахъ; но въ нихъ безъ всякой опасности искаженія, вмѣсто ѣ можно было допустить ѧ, какъ въ словѣ кънязь, для избѣжанія не свойственнаго болгарскому языку слога зи, употребляется, вопреки аналогіи склоненія, форма кънязя. Правда, въ слогахъ гѣ, кѣ разсматриваемыхъ примѣровъ, надобно предполагать упадокъ чувствительности согласныхъ, и признаки этого упадка дѣйствительно есть въ нашемъ памятникѣ; все же однако это состояніе согласныхъ здѣсь обнаруживается пока только при буквѣ ѣ; мы не имѣемъ никакого повода предполагать въ нашемъ памятникѣ возможность формъ: астіагемъ, нтакемъ,

(при) астаги, (къ) итаки; напротивъ, въ творительномъ падежѣ надобно ожидать или твердаго окончанія ѣмъ, въ предложномъ при мягкихъ гласныхъ должны явиться соотвѣтствующія имъ мягкія согласныя: з, ц. Видно, что появленію слоговъ гѣ и кѣ благопріятствовало больше свойство буквы ѣ, — степень ея твердости, отсутствіе въ ней звука j, — нежели помянутое свойство согласныхъ. Къ примѣрамъ подъ буквою ѣ, принадлежатъ формы: ходѣаше, водѣаше, допускаемыя иногда вмѣсто хождаше, вождаше: здѣсь при ѣ, какъ выше а въ земѣ, не понадобилось измѣненіе согласной, какому она должна была подвергнуться при и (хождаше = ходіаше или ходиаше) *).

---

*) Изъ трехъ формъ преходящаго аахъ, иахъ, ѣахъ, которую считать нормальною, коренною? Съ перваго взгляда такою кажется аахъ; но всматриваясь ближе, убѣждаешься что въ этой формѣ первое а принадлежитъ не окончанію, а темѣ глагола, хотя во многихъ глаголахъ этого разряда буква а не является въ настоящемъ времени. Съ другой стороны, если во многихъ глаголахъ окончаніе иахъ или ѣахъ является какъ-бы потому только, что ихъ темы кончатся на и, то въ ндѣахъ, ндиахъ, тѣхаахъ и подобныхъ, ѣ или и является безъ всякаго повода со стороны темы и слѣдовательно составляетъ существенную принадлежность самаго окончанія преходящаго времени. Теперь, изъ этихъ двухъ окончаній (ѣахъ, иѣхъ) которому отдать этимологическое предпочтеніе? Считать ихъ за одно и то-же невозможно; потому что различіе между ѣ и и ясно обнаруживается разными ихъ свойствами при сочетаніи съ согласными. Такъ какъ съ ѣ согласныя д и т соединяются безъ всякаго затрудненія, а слоги ди и ти представили бы рѣдкое явленіе, въ фонетическомъ отношеніи едва ли свойственное церковно-славянскому, то не должно ли на этомъ основаніи принять окончаніе ѣахъ за нормальную форму преходящаго времени? Но въ такомъ случаѣ какъ объяснить употребленіе иахъ въ *древнѣйшихъ* церковныхъ памятникахъ, ближайшихъ къ началу кириловской письменности, когда законы измѣненія согласныхъ при іотированныхъ гласныхъ были въ полной силѣ? Гораздо легче допустить происхожденіе иахъ въ древнѣйшія времена, когда іотированныя гласныя еще не

Между примѣрами повышенія буквы ѥ въ ѣ мы видѣли одно исключеніе: метлено. Этотъ единственный примѣръ нарушенія закона, столь послѣдовательно исполняемаго, можно бы было принять за механическую ошибку писца, еслибы не было другихъ признаковъ начинающагося упадка звука ѣ. Этотъ упадокъ появляется именно тамъ, гдѣ надобно ожидать его прежде всего, именно въ окончаніяхъ. Въ коренномъ слогѣ мы встрѣтили его только въ словѣ брѣмя, которое однажды написано бремѥнемъ. Въ окончаніяхъ буква ѣ то является вмѣсто другихъ буквъ, то сама замѣняется другими. Въ томъ и другомъ случаѣ ошибки не механическія изъ самаго свойства ихъ видно, что выговоръ ѣ иногда не доставлялъ уже вѣрнаго руководства къ ея употребленію.

оказывали своего вліянія на согласныя, а форму ѣхъ принять за позднѣйшую замѣну ихъ, какъ-бы для избѣжанія этого окончанія, потому что оно при развитіи іотированія гласныхъ и вліянія его на согласныя стало рѣзкою фонетическою аномаліею. И, мнѣ кажется, гораздо легче объяснить употребленіе ѣ вмѣсто древнѣйшаго и, чѣмъ наоборотъ. Такимъ образомъ формы: идѣахъ, идѣахъ, ходѣахъ представили бы послѣдовательный рядъ моментовъ развитія одного и того-же языка, изъ которыхъ послѣдній, обнаруживая въ себѣ сродство съ двумя предыдущими, представляетъ вмѣстѣ и свойственный его времени упадокъ звуковъ, именно забвеніе вліянія j на образованіе ѣ и происшедшее отъ того отвердѣніе буквы д. Впрочемъ связь разсматриваемыхъ формъ нашего памятника съ древними очевидна и безъ этихъ дальнихъ соображеній, и я вдался въ нихъ вовсе не для ея подтвержденія, а для того, чтобы показать необходимость и возможность изслѣдованія старо-славянскихъ формъ въ собственной ихъ формѣ, прежде нежели искать имъ объясненія посредствомъ сравненія съ другими родственными языками; потому что для основательности этого сравненія нужно прежде знать, какая именно изъ существующихъ формъ идетъ для сличенія; въ противномъ случаѣ при сравненіи можно принять за нормальную форму то, что было частнымъ фонетическимъ видоизмѣненіемъ ея, діалектическою разницей, или даже позднѣйшимъ историческимъ искаженіемъ.

Недостатокъ этого руководства писецъ старается вознаградить отвлеченными соображеніями, аналогіей и словопроизводствомъ; онъ умствуетъ о томъ, гдѣ долженъ былъ тотчасъ рѣшать выговоръ; а такъ какъ эти умствованія могутъ быть удачны только при строгомъ грамматическомъ изученіи, какого тогда не было, то въ соображеніяхъ писца, естественно, должна явиться шаткость и ошибки въ аналогіяхъ.

Выше мы видѣли примѣры употребленія ѣ вм. ѧ: къ нимъ принадлежатъ также· камѣнъ, камѣнныи; оловѣнъ; дрѣвѣнъ, дрѣвѣныи; сребрѣныи; багрѣнъ, багрѣныи, багрѣнныи, багрѣница. Впрочемъ въ послѣднихъ примѣрахъ ѣ, можетъ быть, вѣрнѣе принять за усиленіе буквы ь, которая дѣйствительно является въ своемъ средне-болгарскомъ видоизмѣненіи въ формахъ· багрънъ, багръныи, употребляемыхъ вмѣстѣ съ вышеприведенными. Такимъ-же, безпорно, образомъ, хотя и несогласно съ древнею правильностью, ѣ является въ формахъ: огнѣнъ, бисрѣнъ, твръдонырѣнъ (твръдонырныи), калѣнъ (кална). Сюда-же относится прил. велмкомышчанъ, въ которомъ ѣ при ч превратилось въ а.

По аналогіи ли этихъ прилагательныхъ, или по привычкѣ видѣть ѣ послѣ л и р, или наконецъ въ слѣдствіе неправильнаго производства отъ несовершеннаго вида глаголовъ на —ꙗти, или по средне-болгарски на -ѣти, эта гласная употребляется въ причастіяхъ: оувалѣнъ, окалѣнъ, прѣиспъщрѣнъ (и прѣиспъщренъ).

Ѣ въ словахъ: помышлѣнеи, промышлѣнию, злопомнѣнїе, также поставлена по сомнительному производству ихъ отъ глаголовъ: по — и про — мышлѣти.

Добродѣтѣль и добраꙗ дѣтѣль изрѣдка пишутся правильно, съ б. ѣ, какъ слова: погыбѣль, кѫпѣль; но чаще добродѣтель, по неправильной аналогіи мужескихъ на —тель.

Въ падежныхъ окончаніяхъ употребленіемъ б. ѣ смѣшиваются иногда разныя склоненія. Отъ дъщи, мати встрѣчаются формы: дъщерѣмъ, матерѣми по примѣру женскихъ на —ꙗ

(или ѣ); гакже ѿ сѣменѣ, каменѣ р. п. (дат. п. каменю, племеню, пламеню).

Въ единственномъ словѣ: прильсти (см. выше, стр. 27), и притомъ только одинъ разъ, ѣ уступаетъ свое мѣсто буквѣ и. Эта форма остается безъ всякой аналогіи; потому что другой случай довольно частаго, но неисключительнаго употребленія и вм. ѣ въ глаголахъ отъ слова смѣхъ: възсмиасѧ, оусмихижсѧ, приводитъ на мысль объясненіе, котораго нельзя приложить къ первому. Ѣ въ этихъ глаголахъ можно считать замѣною полугласной ь, которая въ грамматическихъ измѣненіяхъ словъ правильно происходитъ изъ ѣ: слѣпъ — осльпижти (см. выше, стр. 66); и вм. ь должно было явиться по причинѣ слѣдующей гласной: смиатисѧ, и потомъ могло удержаться и въ формахъ между двумя согласными: оусмихижсѧ, тѣмъ болѣе, что и вм. ь является иногда и безъ этого повода, напр. въ словѣ: исѵрипати. Къ формѣ прильсти это объясненіе, очевидно, пейдетъ, и такъ какъ во всей фонетикѣ нашего памятника нѣтъ ничего, что объясняло бы возможность такой замѣны, то эту странную форму можно бы почесть за механическую ошибку. Но, къ удивленію своему, я нашелъ ее на одномъ и томъ-же мѣстѣ въ обоихъ спискахъ: Патріаршемъ и Ватиканскомъ, отъ чего впрочемъ ея происхожденіе нисколько не становится яснѣе. Не надобно ли допустить, что предлогъ въ этомъ словѣ есть собственно при, а не прѣ, хотя такого слова не встрѣчается въ нашемъ памятникѣ, а напротивъ употребляется: прѣльстити, прѣльсть?

§ є.

Буква є имѣетъ два начертанія: є и є. Первое употребляется послѣ согласныхъ, второе въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ. Это общее правило наблюдается довольно исправно, такъ что съ перваго взгляда располагаетъ находить въ немъ фонетическое значеніе. Но при строгомъ наблюденіи

встрѣчаешь хотя не частыя, но значительныя нарушенія правилъ. Такъ въ напечатанныхъ выше отрывкахъ текста є неумѣстно употреблено: (любоꙋ́ьстиє) твоє. пролитїе, ѥстьство, ещѥ (цважды), є (вин. сред. сд.), кꙑкаѣтъ (приведенъ), въсїаѣтъ, мноꙁѣ, воє (трижды), конечиѣє. Наоборотъ, є некстати употреблено въ протексъ. Въ такомъ-же, конечно, если не въ большемъ размѣрѣ, смѣшиваются оба начертанія во всемъ остальномъ текстѣ. Кромѣ прямыхъ примѣровъ смѣшенія, замѣтимъ, что при точности, съ какою переводчикъ передаетъ греческія имена, въ словахъ: єлиѣ, єѵдоѯїа и под. є едва-ли имѣетъ значеніе ѥ. Въ мягкихъ слогахъ, какъ напр. -неніє, о нєи и под. нѣтъ никакого признака іотированія. Все это заставляетъ думать, что въ двухъ начертаніяхъ є напрасно было бы искать фонетическаго различія между чистымъ и іотированнымъ є. Ѥ употребляется только въ словѣ ѥ̂, когда оно пишется съ словотитломъ; при полномъ же начертаніи обыкновенно ставится є, которое иногда даже въ производномъ ѥстьство, съ ударѳніемъ на первомъ слогѣ, уступаетъ свое мѣсто простому є. Могло быть, что первоначально, въ своемъ происхожденіи, эти два начертанія были основаны на фонетическомъ различіи є и ѥ; но теперь ихъ употребленіе сдѣлалось условнымъ, графическимъ обычаемъ и имѣетъ чисто-внѣшнее назначеніе. Какъ большое и круглое о (см. выше, стр. 41), употребляемое для отдѣленія словъ, такъ є служитъ только слово — и слого-отдѣлительнымъ знакомъ. Въ отношеніи къ фонетикѣ употребленіе є и є обнаруживаетъ въ писцѣ только знаніе различія между согласными и гласными буквами.

Ниже мы увидимъ, что отсутствіе іотированнаго є въ выговорѣ соотвѣтствуетъ свойству другихъ гласныхъ въ этомъ отношеніи; здѣсь разсмотримъ собственное свойство є, подтверждающее наше мнѣніе, именно твердость его выговора.

Є, въ большой части своего употребленія въ нашемъ

памятникѣ происходитъ изъ древняго ь, но не прямо, а посредствомъ перехода ь въ ъ. Отъ тѣнь, отѣнии — тѣнiенъ, тѣнiицѧ; вѣсѣ — вѣсъ; уѣхо вм. уехо. изрѣдка Грѣуьскыи вм. Грѣуьскыи, отъ мѣздѧ — къзмѣздiѣ, брѣнiѣ — брѣннын, жрѣтвѧ — коложернын. Сюда-же относится: горѣкъ и многія подобныя, въ которыхъ пишется еще ъ (вм. др. ь), а не ѣ, уже замѣнившее древнюю ь въ наибольшей части словъ въ окончаніяхъ, какъ показано выше. Примѣры подобнаго соотвѣтствія между ъ и ѣ, и въ окончаніяхъ не рѣдки. Твердымъ выговоромъ объясняется и то, какимъ образомъ полугласный ъ, уступая наклонности къ вокализаціи, перешелъ въ нѣкоторыхъ словахъ въ ѣ, а не въ о: кѣпль, тѣмко, шѣпетъ, рѣпетъ, стрѣпетъ. Переходъ ера въ ѣ былъ бы противорѣчіемъ, еслибы выговоръ ѣ не былъ, въ соотвѣтствіе еру, такъ-же твердымъ. Впрочемъ это наглядно показываетъ примѣръ: хрѣберъ и хрѣборъ, хрѣборѣство и хрѣбърство.

Колебаніемъ между ѣ и о мы думаемъ объяснить двоякое правописаніе: ѣлово и олонѣнъ. Еслибы эти формы принадлежали двумъ разнымъ нарѣчіямъ, нарѣчію переводчика и нарѣчію писца, то онѣ обнаружились бы не однимъ приѣмомъ. Между тѣмъ этотъ случаи остается безъ всякой аналогіи: остальныя слова, начинающіяся буквою ѣ, постоянно соблюдаютъ ѣ: ѣлень, ѣзеро

Если ъ въ нѣкоторыхъ словахъ перешелъ въ ѣ, то ѣ съ своей стороны уступило о. Примѣры этого рода въ коренныхъ слогахъ такъ-же немногочисленны: тонѣкын, къ томотѣ. Но въ грамматическомъ употребленіи буквъ, о вм. ѣ часто: крѣтопъ, сѣдморицѧ, крѣкопїницѧ, плѣтолюбїѣ, дѣждоносенъ, мѧжеоубїицѧ, пѣнромозїи, корабопловкыи, изнесшон (дат. жен.).

Є обыкновенно употребляется въ окончаніи именъ на мѣсто н: Ѭѳѣ, Меѳодіѣ, Маркиѣ, Серкіѣ, Глѣ, Парїѣ, Тиверѣ и мн. др. Въ род. падежѣ они имѣютъ обыкновенно а, и рѣдко ы, въ знакъ того, что и въ имен. ѣ есть неіотированное.

§ о — а.

Касательно этихъ буквъ стоитъ обратить вниманіе на взаимное соотвѣтствіе ихъ въ словахъ: творити — тварь, родити — раждати и под. *) Этотъ переходъ въ церковно-славянскомъ языкѣ, конечно, не могъ остаться не замѣченнымъ нашей филологіей; но надобно сказать, что онъ именно только замѣченъ, не болѣе, и представленъ въ видѣ общаго закона безъ всякихъ ограниченій, какъ будто все дѣло тѣмъ и оканчивается. Между тѣмъ, наблюдая надъ дѣйствіемъ этого закона въ языкѣ памятниковъ, скоро убѣдишься, что сколь легко понять этотъ законъ въ видѣ общей отвлеченности, столь-же, наоборотъ, трудно отыскать границы его употребленія и объяснить ихъ причину. Въ словарѣ г. Миклошича можно видѣть самое обширное приложеніе этого закона: тамъ, кромѣ общеизвѣстныхъ формъ, встрѣчаются ихъ: въхаждати, озлаблꙗти, окавати, присвꙗти, прохаждати, оуталꙗти, свобаждати, даже хаждати. Еслибы въ словарь могли входить преходящія времена изъявительнаго наклоненія, то примѣровъ такого образованія, конечно, явилось бы еще больше, хотя и изъ собранныхъ въ немъ нѣкоторые, вѣроятно, лишь авторомъ возведены изъ изъявительнаго наклоненія въ неопредѣленное. Но какъ ни обширно здѣсь приложеніе разсматриваемаго закона, все-же оно имѣетъ какія-то границы. Такъ въ словарѣ стоятъ: оукроштати, оуготовлꙗти, окроплꙗти, — съ буквою о, а не а, какъ слѣдовало бы ожидать по аналогіи: обнавлꙗти, раздраблꙗти, свобаждати, и другихъ подобныхъ словъ и по смыслу общаго правила. Борѭ, борѣахъ, имѣетъ побарати; но отъ молѭ, молѣахъ (въ Vitae SS.) помолѣахомъ, а не помалѣахомъ. Отъ чего же одни глаголы измѣ-

*) Въ такомъ-же отношеніи эти звуки находятся въ нашемъ памятникѣ, между прочимъ, въ словахъ: поробена раба. Но въ прилагательномъ отъ рабъ почему-то является о: робьскаа ѹѧсть.

няютъ свое о на а, а другіе, въ тѣхъ-же самыхъ случаяхъ, сохраняютъ оное безъ перемѣны? Но прежде нежели искать рѣшенія этому вопросу, надобно еще изслѣдовать, какія именно слова допускаютъ эту перемѣну, и какія не допускаютъ ея. Матеріалъ, собранный въ словарѣ г. Миклошича, по причинѣ разнородности источниковъ, нельзя безъ повѣрки принять за нормальное состояніе разсматриваемаго закона: даже и въ немъ самомъ стоятъ рядомъ: **озлабѧти** и **озлобѧти**; а вмѣсто: **понашати**, какъ стоитъ въ словарѣ (въ источникѣ вѣрно, было переходящее изъявительнаго, а не неопредѣленное наклоненіе), въ Остромировомъ Евангеліи употреблено **поношаста**. **Отъгнѧти** имѣетъ а; но съ предлогомъ **из** въ словарѣ, можетъ быть, не даромъ стоитъ только **изгонити**: по крайней мѣрѣ въ Остромировомъ Евангеліи употреблено **изгонѣахѫ**. Формы: **хѫждати**, **въхѫждати**, **прохѫждати**, представляютъ рѣдкость, которой одинъ экземпляръ отыскать труднѣе, чѣмъ встрѣтить тысячу противоположныхъ формъ: **хождаше**, **въхождаше**, **прохождаше**. Г. Миклошичъ (Vergl. Gram. I. 137), какъ кажется, думаетъ установить различіе между **хождаше** и **хѫждаше**; но пока мнѣ основаніе для этого различія положительно неизвѣстно, я позволяю себѣ думать, что **хѫждаше**, **въхѫждаше**, **прохѫждаше**, по значенію, совершенно тожественны съ **хождаше** и др., и что **хѫждати**, въ этимологическомъ отношеніи, составляетъ такую-же странность, какъ и **хождати**, еслибы такая форма гдѣ-нибудь явилась. Во всякомъ случаѣ, при такихъ и другихъ подобныхъ формахъ на а, равно и при формахъ на о, въ случаѣ разногласія источниковъ (а оно, сколько я знаю, будетъ встрѣчаться очень часто), необходимо возникаетъ вопросъ: какъ понимать тѣ или другія формы? Какія должно признать нормальнымъ дѣйствіемъ закона въ языкѣ церковно-славянскомъ? Какія принять за искусственныя формаціи отдѣльныхъ лицъ на основаніи, можетъ быть, ошибочной аналогіи? Какія приписывать общему упадку разсматриваемаго за-

кона? Какія могутъ происходить отъ вліянія особеннаго нарѣчія писцовъ,— вліянія, которое предполагать тѣмъ умѣстнѣе, что разсматриваемый законъ сохранился и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и притомъ не въ окаменѣлыхъ остаткахъ, а въ видѣ дѣйствующей силы, и потому не въ одинаковомъ видѣ и не въ одинаковомъ объемѣ? Какія наконецъ можно отнести просто къ орѳографическимъ ошибкамъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ, очевидно, требуетъ подробнаго разбора церковно-славянскихъ памятниковъ, каждаго по одиначкѣ, — и только послѣ такого разбора церковно-славянская грамматика будетъ вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительнаго языка, а не однимъ очеркомъ отвлеченной его формы; да и всеобщее славянское языкоученіе не только не останется безъ пріобрѣтенія, но, мнѣ кажется, напротивъ, тогда только и возникнетъ сравнительно историческая грамматика славянскихъ нарѣчій, вполнѣ достойная этого названія.

Послѣ этихъ соображеній я тѣмъ съ большимъ интересомъ пускаюсь въ наблюденія надъ переходомъ о въ а въ лѣтописи Манассія, и здѣсь точно такъ-же, какъ выше, нахожу, что одни слова подвергаются этой перемѣнѣ, а другія не подвергаются. Мало того: одни и тѣ-же глаголы съ однимъ предлогомъ требуютъ перемѣны о въ а, съ другимъ не требуютъ. Искать объясненія этого явленія было бы преждевременно: надобно прежде пріобрѣсти матеріалъ, требующій объясненія. Объясненіе причинъ разсматриваемаго закона и его границъ должно начаться далеко не съ среднеболгарскаго языка; но для пріобрѣтенія матеріала нашъ памятникъ, по живости своей фонетики, годенъ по крайней мѣрѣ не меньше всякаго другаго.

Для лучшаго обзора представляю весь принадлежащій сюда матеріалъ въ видѣ таблицы.

ПРОСТЫЕ ГЛАГОЛЫ СЪ БУКВАМИ

о	и	а
родити		раждати
клонити		кланѧти (сѧ)
коснѫтисѧ		касатисѧ
моучити		макати
скоучити		скакати

СЛОЖНЫЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ НА:

	о	и	а
борѣахѫсѧ			обарѣаше
водити	приводѣшесѧ		проваждаѫ
	водити употребляется въ преходящемъ двояко: водѣахъ и вождаахъ		
вода	наводнѣема		
гонити	—	—	ѿганѣѫ
гонѣаше и т. д.			поганѣѫ, -ѣахѫ
год —	—	—	оугаждаѫ
горьк —	огорчати		
готов —	оуготовлѣетъ		
дробь —	—	—	раздраблѣѫ
дворъ —	—	—	въдварѣахѫсѧ
жесток	ожестоучаеши		
зло	озлоблѣѫ		
разорити	—	—	разарѣти
колѭ	—	—	закалаѫ
кропити	окроплѣахѫ		
коньчати	съконьчаваетъ		
ловити	—	—	оулавлѣетъ
положити и съ другими предлогами			полагаѫ
мног —	оумножаѫ		

мог —	—	—	помагаѫ, прѣ- прѣвъзмагати
молити	оумолѣѫ		
морити	—	—	оумарѣѫтъ
носити	приношахѫ изношааше произношааше		понашаахѫ
нов —	—	—	обнавлѣемыи
поити	—	—	напааше
покоити	—	—	оупокаѫщоу
	—	—	оупокаѧ. Впрочемъ а здѣсь, вѣроятно, есть, сліяніе оа (оıа).
просити			въпрашаше испрашаѫ
	съмотрити оброщаѫ		съматрѣти
свои	присвоати		
творити	—	—	за — растварѣѫтсѧ затварѣаше.
тонуть	потопаахѫ		
тоучити	—	—	истачаѫщи растачаема
оутолити	оутолѣваше		
ходити	исхождаше и съ другими предлогами.		

§ оу. ю.

оу, при встрѣчѣ съ гласною, разлагается обыкновенно на ов.: плоути, пловѫ; слоути, словѫ: отроути, отровь (отрава); но въ нашемъ памятникѣ встрѣчается нѣсколько примѣровъ, подобныхъ: показоуаше, сѣтоуаше, радоушесѧ; плювати вм. пльвати;

коліи вм. коловіи. Наоборотъ, слоги ок и ек въ большомъ ходу въ склоненіи именъ на ъ и ь во всѣхъ падежахъ множ. числа: домоке, домовы, къ домокохъ, лъковы, вепкеке Одинъ разъ даже зъвнѣвъі оржіыа вин. над. (звуки оружія).

§. Ы. И. І. Ѵ.

Употребленіе ы въ нашемъ памятникѣ такъ вѣрно и постоянно, что не скоро замѣтишь истинное состояніе этого звука въ выговорѣ. Весьма рѣдко встрѣчается и вм. ы и притомъ въ однихъ и тѣхъ-же словахъ. Чаще всего употребляются: бн, бнхъ, бншѫ вм. бъі въ сложныхъ временахъ. Кромѣ того: нніѣ, користь, посилллѣть, ыногажди, ыонастирь, ѳгризше. Изъ этихъ примѣровъ, конечно, нельзя еще заключать, чтобы употребленіе ы держалось только подраженіемъ прежнему правописанію, но тѣмъ не менѣе они показываютъ, что поврежденіе звука уже началось и что выговоръ его впредь не надеженъ. Можно думать, что и въ нашемъ памятникѣ поврежденіе это обширнѣе представленныхъ примѣровъ: не даромъ-же писецъ заботится отмѣчать ы надстрочнымъ знакомъ, въ которомъ вовсе не было бы надобности, въ случаѣ твердаго выговора. Вотъ слова, отмѣчаемыя надстрочнымъ знакомъ: бы҃ти, бы҃къ, бы҃клѣть, бы҃кажть, бы҃стъ, бы҃шѫ, бы҃ло, зв. п., синѳообы҃имѣіи, съвы҃ше, кы҃а, дымомь, изы҃къ во всѣхъ падежахъ; изы҃ти, кы҃и, зы҃и, сѫмнати, мы҃, помы҃сляти, мы҃ѫщоу, великомы҃шлимъ, мы҃рити, творѣдомы҃рѣмъ, творѣдомы҃рима, въры҃гнжѣ, покры҃клется, скры҃кажтса, затры҃ти, сы҃н, сы҃моу, оусы҃рнтъ, оусы҃пладѫ, насы҃щы҃шеса, ты҃, ты҃ сѫщи, ты҃кѫнь, пастырь, хы҃щладѫ.

Въ большей же части словъ ы не имѣетъ надстрочнаго знака. Кажется, что писецъ хотѣлъ обозначить надстрочнымъ знакомъ еще оставшійся въ выговорѣ звукъ ы, или поддержать упадающій выговоръ, тѣмъ болѣе, что нѣ-

которыя изъ отмѣченныхъ словъ, въ случаѣ упадка ы до и, слились бы въ выговорѣ съ другими, имѣющими особое значеніе, какъ: быти — бити, выѧ — виѧ, сынъ — синь (ь = ъ), сыи — сии. Замѣчательно, что ы имѣетъ надстрочный знакъ большею частію тогда, когда слѣдуетъ за согласною, допускающею и твердую и мягкую гласную: исключеніе составляютъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ только: кы҃и и хы҃щахѫ. Буквы г, к, х постоянно соблюдаютъ при себѣ твердую гласную; но по этой отмѣткѣ нельзя ли догадываться, что и имъ предстояло преобразованіе, которому могло содѣйствовать вліяніе греческаго языка, обнаруживающееся въ нашемъ памятникѣ подражательнымъ правописаніемъ: патрикїнскыи, Африкїнскыи, Кесаръ, Ахїа, Фригїа, Ликїа, и мног. др.

Вмѣстѣ съ порчею звуковъ ы и ъ начинаетъ упадать и взаимная замѣна между ними въ этимологическомъ движеніи словъ. Отъ мыти производныя пишутся: измъвены, злоизмъвенѣ, но встрѣчается и омывенѣ.

Начертанія и и ї оба употребляются предъ гласною, но послѣднее чаще, — и рѣже предъ согласною. Гораздо замѣчательнѣе этимологическое свойство ї: оно никогда не переходитъ въ ь. Соображая, какъ часто ь замѣняетъ и въ русскихъ и сербскихъ спискахъ, это постоянство ї можно принять за отличительный признакъ, тѣмъ болѣе, что оно, вѣроятно, имѣетъ связь съ состояніемъ полугласныхъ. Хотя ь въ нѣкоторыхъ случаяхъ произошло изъ ї; но это происхожденіе относится къ незапамятнымъ временамъ, а во времена церковной литературы ь является самостоятельнымъ звукомъ, не имѣющимъ фонетическаго сродства съ буквою и. Въ среднемъ періодѣ, не смотря на порчу звука, въ мягкомъ и твердомъ полугласномъ выговорѣ ь все-же оставалось чувство его самостоятельности, которое не позволяло употребить его за и, ни, обратно, и за ь.

За то и, какъ звукъ, отличный отъ ь, въ этимологическомъ движеніи словъ свободно является на своемъ мѣстѣ,

въ соотвѣтствіе буквамъ: ь, є и ѣ: истицати, въжизати, причитати, начинати, исчрипати и подобныхъ.

И уступаетъ свое мѣсто є въ формахъ: житенскыи, цареи, бранеи, печалеи, ходѧщеи, видѧщеи. им. мн. и под. Формы въ родѣ: житіискыхъ печаліи рѣже.

Ꙋ выговаривается какъ и, отъ того и пишется: Вавꙋлонъ, Вавилонъ. Писцу или, вѣроятнѣе, переводчику извѣстенъ былъ выговоръ греч. υ, почему, вѣроятно, онъ и отмѣчаетъ иногда ꙋ надстрочнымъ знакомъ: ꙋ.

§ ЧИСТЫЯ И ІОТИРОВАННЫЯ

Приставка ї (j) къ гласнымъ, начинающимъ слогъ, составляетъ одну изъ отличительныхъ особенностей построенія славянскихъ слоговъ. По отношеніи къ благозвучію, ею предупреждается между гласными зіяніе. По отношенію къ грамматикѣ, гласныя, употребляемыя для образованія формъ, чрезъ приставку ї получаютъ, въ соотвѣтствіе опредѣленности понятія, полноту и выразительность звука, безъ преувеличенія его тяжести. Это ї, можетъ быть, имѣетъ вліяніе на прочность формъ и способствуетъ къ ихъ сохраненію. Выше мы замѣтили, что ѩ въ древнемъ языкѣ прочно сохранилось въ такихъ случаяхъ, гдѣ простой носовой звукъ уступилъ свое мѣсто ы. Въ средне-болгарскомъ ѭ и ѩ такъ-же удерживали еще за собою особенный выговоръ, когда ѫ и ѧ уже смѣшивались. Въ иностранныхъ словахъ славянскій выговоръ, для избѣжанія зіянія, допускаетъ сліяніе и опущеніе гласныхъ. Безъ приставки ї, этому могли бы подвергаться и славянскія слова, особенно въ окончаніяхъ. Правда, сохраненіе грамматическихъ формъ прежде всего зависитъ отъ внутренней стороны языка — отъ сильно ощущаемой народомъ потребности выразить звукомъ извѣстное

соотношеніе понятій; но, безъ сомнѣнія, и свойство наслѣдственнаго матеріала языка дѣйствуетъ на смыслъ народа, и болѣе или менѣе способствуетъ сохраненію формъ даже свойствомъ самихъ звуковъ. Русскіе почему-то сохранили опредѣленное и неопредѣленное окончанія прилагательныхъ, хотя и не могли пользоваться ими надлежащимъ образомъ. Кажется, есть такъ-же случаи, гдѣ наши предки, обременяясь древнею полнотою гласнаго окончанія, однакожъ сохранили отъ него по крайней мѣрѣ приставное і; слѣд. не совсѣмъ потеряли форму, какъ напр. въ род. и тв. жен. р. ед. ч. прилагательныхъ. Впрочемъ сохраненіе приставнаго і не позволяетъ видѣть, что̀ могло бы быть въ случаѣ его потери; но это-же и показываетъ, что приставка ї есть коренное, хотя, можетъ быть, не первобытное свойство славянскаго благозвучія.

Не безъ удивленія видимъ мы отвращеніе къ этому ї въ нашемъ памятникѣ (и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе древнихъ). Еслибы вовсе не было въ немъ сочетаній: ѥ, ꙗ, ѭ, тогда можно бы было подозрѣвать условную систему правописанія, несогласную съ выговоромъ. Но эти сочетанія есть — въ доказательство того, что они несовмѣстны съ выговоромъ писца, почему и употребляются весьма рѣдко: ѥ пишется только въ словѣ ѥ̈, вмѣсто котораго не-рѣдко — єстъ, єсъмъ, а ѭ употребленъ рѣшительно одинъ разъ въ словѣ ѭдолъ, да одинъ разъ въ другихъ статьяхъ Сборника въ словѣ ѭзыкъ. Въ другихъ буквахъ видна такъ-же болѣе или менѣе наклонность къ возстановленію чистыхъ гласныхъ.

а, ꙗ. Послѣдняя ставится въ началѣ словъ: ꙗкы, ꙗсти, ꙗсно, ꙗрыи, ꙗвѣ, ꙗица, конеꙗздци. Но противъ этого — примѣры постояннаго употребленія: агнецъ, аблъко. Скопировавши одинъ разъ точь въ точь съ греческаго ὑάκινθος — ӥа́кинѳъ, писецъ употребляетъ потомъ: акинѳъ, безъ и и безъ надстрочныхъ знаковъ. Здѣсь видна наклонность къ чисто-

му ѧ; но по краіней мѣрѣ нѣтъ причины сомнѣваться въ дѣйствительномъ выговорѣ и въ вышеприведенныхъ словахъ. Въ срединѣ-же и на концѣ словъ послѣ гласныхъ употребленіе и, сравнительно съ употребленіемъ ѧ, кажется только подражаніемъ старинному правописанію: сни и сиⷭ, сіѧше и сіаше, шествіи и їⷭ, садовіⷭ, кореніⷭ, дрѣжащіи и дрѣжащіа (или їⷭ), роⷭждіе и роⷭждіе, трон-троⷭ, посⷭ-ноⷭ, просⷭ-проⷭ. Но ѧ чаще, иногда исключительно, какъ въ раскаѧніе, окаѧнныи. Подобно накиноⷭ, пишется траіанъ и др. Греч. ια писецъ отнюдь не почитаетъ равнымъ и.

Избѣгая буквы и, нашъ памятникъ часто допускаетъ стеченіе ѧѧ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти буквы сливались въ одну: такъ напр. сіѧѧше, сіѧше, безъ сомнѣнія, выговаривались сіѧше, что нерѣдко и употребляется. Также: ѧпѧѧ, ѧпѧеши, вм. ѧпѧѧ, ѧпѧѧеши; оупокаѧщоу вм. оупокаѧщоу, прѣклонѧѧть, вм. -ѣѧть. Еще значительнѣе для грамматики окончаніе прилагательныхъ ѧѧ: сліяніе, къ которому наклонны подобныя буквы, могло быть недопущено значеніемъ этой формы; но мы замѣтили, что полныя и усѣченныя окончанія употребляются безъ всякаго вниманія къ ихъ значенію: есть примѣры, что изъ прилагательныхъ, относящихся къ одному существительному, одно имѣетъ ок. — ѧѧ, другое — ѧ. Не могли ли подвергаться такому-же сліянію и слова: окаѧнныи, раскаѧніе, изкаѧнныи и под.?

То-же самое видно въ употребленіи є. За недостаткомъ ї, єє въ выговорѣ равно є, почему и пишется: сказаніе иахинаѧщее и текѧщее: если бы єє не было для выговора то-же, что одно є, тогда въ надстрочномъ знакѣ имѣла бы нужду только послѣдняя форма, а не первая. Употребляются такъ же формы, подобныя: халдеє; но писецъ, какъ видно, не доволенъ этимъ правописаніемъ — вѣроятно, потому, что єє наклонны были къ сліянію, и слово лишалось окончанія: онъ пишетъ: Халдене, Єврене, но никогда Єрее, въ знакъ того, что въ не обѣ буквы имѣли полный выговоръ и не сливались въ не, и что

этотъ рѣзкій звукъ казался ему не соотвѣтствующимъ выговору. Какъ надстрочный знакъ, такъ и вставку и мы принимаемъ за усиліе поддержать правописаніемъ выговоръ; но какъ это усиліе было противно выговору, то оно, вѣроятно, и удавалось только на бумагѣ. Можно полагать, что окончаніе прилагательныхъ ѥѥ равно было усѣченному ѥ, что и подтверждается вышеупомянутымъ безразличнымъ употребленіемъ полныхъ и усѣченныхъ окончаній. Другіе случаи сліянія не могутъ быть часты. Такъ мы встрѣтили твор. пад. Рѣ҃мъ вм. Рѣ҃ѥмъ, съ Зиноніѥ҃мъ, такъ-же коупиѥ҃мъ, въ которомъ нельзя предполагать пропуска ѥ по описке, потому что по правилу должно бы быть коупиѥмъ, вмѣсто чего, въ случаѣ опущенія ѥ, должно бы произойти коупиѥ҃мъ, а не-ѧ҃. Это ѧ҃ есть именно признакъ того, что писецъ соображался въ этомъ случаѣ съ выговоромъ, въ которомъ былъ мягкій л, требующій послѣ себя ѧ, какъ въ гла҃тъ, а не ѧ҃ (см. выше). Прибавимъ къ тому: ѿ земла҃ свож҃, съ женѫ҃ (-ою) свож҃ (ею), ѿ твож҃ крѣпости и вышеприведенныя: ѥ҆ицшее брань вин. п. и болшее простїѫ҃: если представимъ, что въ этихъ послѣднихъ ѥѥ сливались въ одно ѥ, по предложенному выше объясненію, то на основаніи этихъ примѣровъ можемъ уже составить нѣкоторое понятіе о состояніи склоненія въ нашемъ памятникѣ *).

Стеченіе двухъ н, вѣроятно по той-же причинѣ — по отсутствію приставнаго ї, нерѣдко сливается въ одно н: въ

*) Прейсъ приводитъ изъ позднѣйшихъ болгарскихъ памятниковъ: съ келїѧ҃, предъ сѫдїѧ҃, съ истиноѫ҃, съ юношѫ҃, съ оц҃емъ Іѡанѫ҃, и прибавляетъ: «въ этой особенности позднѣйшій церковно-славянскій языкъ *случайно* сближается съ нарѣчіями западными.» Дѣйствительно, формы твор. въ западныхъ нарѣчіяхъ принадлежатъ древнѣйшимъ временамъ: подобныя формы въ болгарскомъ новѣйшаго образованія. Первыя произошли чрезъ вокализацію, или точнѣе назализацію буквы *м*, оставшейся въ сербскомъ языкѣ (женом = женою); а болгарскія — чрезъ сліяніе съ происшедшею такимъ образомъ носовою предъидущей гласной — сліяніе, допускаемое при стеченіи разныхъ гласныхъ.

жити, о имѣни, въ видѣни, по пролити, по племени, сими дат. пад. и под. Въ словѣ сии (иначе сън — сей) пишется надстрочный знакъ. Въ падежныхъ окончаніяхъ весьма часто пишется їи; но что это были книжныя формы, видно изъ того, что послѣднее и часто допускаетъ перемѣну на о: въ сміохъ, имѣніомъ. Перемѣна эта кажется довольно неожиданною по противоположности звуковъ; но языкъ нашего памятника какъ-будто ищетъ этой противоположности въ случаѣ стеченія близкихъ по звуку гласныхъ. Г. Шафарикъ въ Serb. Lesekörner (стр. 96) упоминаетъ эти формы (и нѣкоторыя другія подобныя) въ числѣ сербизмовъ: желательно бы знать, въ какой мѣрѣ онѣ сообразны съ системою сербскихъ звуковъ. Въ нашемъ же памятникѣ они имѣютъ связь съ другими подобными явленіями. Издавна употребляется въ церковныхъ памятникахъ Ѳеолеомъ; хотя въ нашемъ памятникѣ это слово пишется по греческому оригиналу: Ѳеолеемъ, за то нѣтъ недостатка въ формахъ подобныхъ Іоудеомъ. Вмѣстѣ съ формами: Гиґіевъ, Дарґіевъ, которыя сами по себѣ удовлетворительны, употребляются: Дарґіовъ, Гиґіовъ, Менелаовъ, и под. Склоненіе, кромѣ правильныхъ окончаній на мягкія буквы, послѣ ї допускаетъ еще твердыя буквы: имѣніе, имѣніи, имѣніоу, имѣніомъ, въ имѣніохъ. Выше замѣчено такъ-же, что, въ слѣдствіе терпимости зіянія между твердыми гласными, оу теряетъ свое старинное свойство переходить въ ов при встрѣчѣ съ гласною; почему вмѣстѣ съ правильными формами употребляются: сѣтоуаше, ликоуаше, милоуаше, и пр. Здѣсь опущеніе в есть явленіе, совершенно соотвѣтствующее уничтоженію ї предъ гласными; то и другое есть слѣдствіе расположенія ставить твердую гласную послѣ гласной. О предпочтительномъ употребленіи ѫ, и малоупотребительности ѧ послѣ гласной мы уже упоминали. Разсматриваемое употребленіе о вм. и и ѥ послѣ гласныхъ есть одно изъ такихъ-же явленій, которыя всѣ происходятъ отъ одного и того-же фонетическаго начала. Кромѣ того злоупотре-

бленіе о въ другихъ формахъ падежей имѣетъ связь съ состояніемъ склоненія, независимо отъ звуковой стороны языка.

§ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Все, сказанное доселѣ, можно совмѣстить въ слѣдующемъ краткомъ обзорѣ.

I. По отношенію къ исторіи гласныхъ. Изъ 17 (или 18) древнихъ простыхъ гласныхъ и ихъ сочетаній: ѧ, ѩ, ѣ, є, ѥ, и (і), о, оу. ю, ѫ, ѭ, ѧ, ѩ, ы, ъ, ь, ѵ, въ нашемъ памятникѣ употребляется 14, если не считать единичныхъ примѣровъ употребленія ѥ и ѭ. Исключеніе трехъ начертаній ѥ, ѭ, ѩ, довольно рѣдкое употребленіе ѩ, частая замѣна ери еромъ и опущеніе или вокализація обѣихъ полугласныхъ значительно измѣняютъ наружность правописанія: съ перваго взгляда видно, что памятникъ не глубокой древности; но за тѣмъ, по употребленію прочихъ буквъ, особенно носовыхъ, полугласныхъ и б. ѣ, онъ представляется гораздо ближе къ древнимъ церковнымъ, нежели современные ему памятники другихъ разрядовъ церковно-славянской письменности. Но разстояніе отъ древняго правописанія увеличивается, какъ скоро будемъ строго принимать въ соображеніе состояніе буквъ въ выговорѣ и подробно слѣдить за употребленіемъ ихъ. Такъ, открывается, что носовыя потеряли прежнюю полноту звука и начинаютъ смѣшиваться съ не-носовыми; употребленіе ѫ съ особеннымъ выговоромъ, отличнымъ отъ ѫ, разширилось: оно вытѣсняетъ ѫ во многихъ коренныхъ слогахъ и несравненно больше въ окончаніяхъ; ѫ съ особеннымъ выговоромъ остается въ небольшомъ количествѣ случаевъ послѣ мягкихъ согласныхъ, и такъ какъ оно начинаетъ смѣшиваться съ ѣ и ѥ, то представляется въ упадкѣ, близкомъ къ совершенному паденію. Употребленіе ера увеличилось упадкомъ ери, но въ то-же время уменьшилось

безгласіемъ его въ однихъ случаяхъ и замѣною гласными въ другихъ; ъ потерпѣлъ этотъ уронъ безъ вознагражденія: положеніе ея одинаково съ положеніемъ ѧ. Судя по состоянію звуковъ въ нашемъ памятникѣ, задачею дальнѣйшаго ихъ преобразованія надобно считать: сближеніе и смѣшеніе ѫ съ ъ и ѧ, ѧ съ ѣ и ѥ, въ отдѣльныхъ случаяхъ ѣ съ ѥ, распространеніе выбрасыванія и вокализаціи полугласныхъ, упадокъ выговора ы. И стоитъ только подвинуться впередъ на полстолѣтіе, чтобы видѣть быстрые успѣхи этого упадка звуковъ.

Какъ ни велика съ этой стороны разница между среднеболгарскимъ вокализмомъ и древнимъ состояніемъ гласныхъ, все-же онъ напоминаетъ собою болѣе или менѣе древнія явленія въ языкѣ церковно-славянскомъ. Смѣшеніе между ѫ и ѧ прямо примыкаетъ къ состоянію церковнаго языка въ древнихъ памятникахъ и развилось изъ него послѣдовательно. Другія славянскія нарѣчія произошли отъ общаго корня, когда въ немъ были цѣлы не только ѫ и ѧ, но и ѭ и ѩ, и потому они имѣютъ свои гласныя для тѣхъ и другихъ; средне-болгарское же преобразованіе носовыхъ предполагаетъ предварительно упадокъ іотированія, и мы знаемъ положительно, что въ то время, какъ начинаетъ встрѣчаться смѣшеніе ѫ и ѧ, іотированіе ихъ является еще въ большемъ упадкѣ. Процессъ сближенія ѫ и ѧ, лишенныхъ іоты, подъ вліяніемъ носоваго оттѣнка, изложенъ выше. Своеобразная вокализація полугласныхъ въ средне-болгарскомъ несравненно болѣе напоминаетъ древнія полугласныя, чѣмъ замѣна ихъ гласными въ другихъ нарѣчіяхъ. Буква ѣ сохраняетъ свой особенный выговоръ, отличный отъ близкихъ къ ней звуковъ ѥ и ѩ, такъ что употребленіемъ ея точно и безошибочно отличаются самыя близкія другъ къ другу формы словопроизводства, какъ напр. примѣжати и прихѣгати; съ другой стороны, употребляясь вмѣсто ѧ по своей близости къ ней, она въ то-же время сохраняетъ свое отличіе

отъ ися. Въ степени своей мягкости и во вліяніи на согласныя она обнаруживаетъ свойства, принадлежавшія уже древнему-церковному и согласныя съ способомъ образованія ея изъ а. И не переходитъ въ ь по причинѣ гласнаго свойства ь, хранившагося въ средне-болгарскомъ выговорѣ. Буква ь сохраняетъ, какъ въ древнемъ церковномъ, соотвѣтствіе буквѣ ѣ, даже и тогда, когда огрубѣла до ера. А и о также сохраняютъ соотвѣтствіе въ этимологическомъ движеніи словъ (жаль только, что границы этого закона еще неопредѣлены въ древнемъ церковномъ). Какое изъ славянскихъ нарѣчій можетъ представить столько однородности съ церковно-славянскимъ въ своемъ преобразованіи?

II. По отношенію къ *физіологическимъ* *) свойствамъ звуковъ. Въ разсужденіи полноты звуковъ языкъ нашего памятника избираетъ середину. Онъ уничтожилъ носовыя, какъ слишкомъ полнозвучныя, а полугласныя въ однихъ случаяхъ превращаетъ въ безгласныя, въ другихъ въ гласныя. Но эта избранная средина отличается недостаткомъ разнообразія звуковъ и отчетливости ихъ выговора. Теперь нѣтъ уже ни прежней систематической противоположности чистыхъ и іотированныхъ гласныхъ, ни прежняго разнообразія звуковъ, начиная отъ самыхъ низкихъ, глухо-звонныхъ, какъ носовыя, до самаго тонкаго звука — і, допускающаго еще іотированія (ji). Іотированные остались только въ я и ю; но употребленіе перваго ограничено лишь чистыми слогами (безъ предыдущей согласной) и потому въ нихъ уже недостаетъ систематической выдержанности въ проти-

*) Этимъ выраженіемъ нисколько не оправдываются физіологическія теоріи, основываемыя на непосредственномъ понятіи о нынѣшнемъ ихъ выговорѣ и возводимыя въ значеніе обще-человѣческихъ или обще-славянскихъ законовъ фонетики: напротивъ, мы желали бы указать физіологическимъ соображеніямъ настоящее ихъ мѣсто въ филологіи, поставляя ихъ въ строгую зависимость отъ положительно-даннаго, историческаго матеріала.

воположность гласнымъ чистымъ. Относительно опредѣленности звуковъ, между ними оказывается недостатокъ рѣзкихъ отличій, которыми предупреждалось бы между ними смѣшеніе: ѧ близко съ одной стороны къ гласному еру и юсу, съ другой — къ ѣ; ѣ, съ своей стороны, то сбивается на ѥ, то съ нимъ смѣшивается ѧ; ѥ, въ свою очередь, замѣняю въ однихъ случаяхъ ѣ и ѧ, въ другихъ по своей твердости, способно замѣняться буквою о. И и ы также сближаются въ выговорѣ и нерѣдко смѣшиваются. Въ письмѣ допускается стеченіе гласныхъ безъ іоты — зіяніе; а въ выговорѣ замѣтна наклонность къ сліянію, къ поглощенію одной изъ этихъ гласныхъ. Впрочемъ въ нашемъ памятникѣ звуки все еще довольно держатся на своихъ мѣстахъ и только показываютъ наклонность къ сказанному смѣшенію; въ другихъ, особенно нѣсколько позднѣйшихъ, эта наклонность является рѣшительнѣе и сильнѣе искажаетъ правописаніе.

III. По отношенію къ внутренней сторонѣ ему и къ грамматикѣ. Кто понимаетъ зависимость звуковой стороны языка отъ внутренней, тотъ не затруднится сдѣлать изъ этого состоянія болгарской фонетики соотвѣтствующее заключеніе о состояніи средне-болгарской грамматики. Упадокъ звуковъ, конечно, зависитъ не отъ физическаго разслабленія или искаженія органовъ слуха и произношенія. Кто возмется увѣрять, что Болгары среднихъ временъ физически не могли выговаривать полныхъ носовыхъ или рѣзко іотированныхъ, которыхъ однако они не соблюдали въ своемъ выговорѣ? Тѣ же самые Болгары, изъ которыхъ иные умѣли исправно говорить по гречески и въ-послѣдствіи по-турецки и, конечно, многіе отчетливо говорили по-сербски, тѣ-же самые болгары допускали въ своемъ говорѣ такія неточности, что ихъ грамотѣи не знали, что писать въ иномъ случаѣ: ѫ или ъ или ѧ, ѧ или ѣ или ѥ и т. д. Недостатокъ надлежащаго разнообразія и отчетливости звуковъ зависитъ

собственно отъ недостатка внутренняго побужденія производить ихъ, отъ ослабленія чувства надобности тѣхъ оттѣнковъ мысли, которые должны выражаться звуками. Такъ какъ въ позднѣйшіе періоды языковъ звуки наибольшей части коренныхъ слоговъ выражаютъ свое значеніе уже условно, то живое значеніе звуковъ хранится по преимуществу отчетливымъ употребленіемъ и выговоромъ ихъ въ грамматическихъ формахъ. Гдѣ грамматика довольно богата, тамъ фонетика не можетъ быть въ жалкомъ состояніи. Такимъ образомъ изъ упадка фонетики можно заключать, что и грамматика въ средне-болгарскомъ приходила въ упадокъ. И простое примѣненіе вышеизложеннаго состоянія гласныхъ къ склоненію, особенно съ мягкими окончаніями, довольно поразительно подтверждаетъ это предположеніе.

Выставимъ для примѣра схему склоненіа женскихъ на ꙗ, или, по средне-болгарски, на ѣ, (каплѣ, боурѣ), чтобы видѣть, на сколько пострадало вмѣстѣ съ фонетикой склоненіе.

Им. — ѣ
Род. — ѧ
Дат. — и
Вин. — ѧ или ѫ
Твор. — єѫ им. єѧ, что сливалось выговоромъ въ ѫ или ѧ.
Предл.— и

Итакъ для шести падежей только три окончанія, и притомъ съ нерѣшительнымъ различіемъ между нѣкоторыми звуками. Прибавлю еще отдѣльныя формы: єѫ значитъ *ея* и *ею*, ѧ или ѫ — *ее* и *ихъ* муж. род,; глаголѧ и наст. изъяв. и прич. усѣченное; доушѫ, кожѫ, юношѫ — род. и вин. един., и им. и вин. множ.; своѫ или своѧ можно принять и за род. и твор. жен. един. ч. и за вин. жен. ед., и за им. и вин. множ. Въ половинѣ XIV вѣка не довольно ли пока этого упадка окончаній для перехода къ ново-болгарскому склоненію?

Между тѣмъ этотъ упадокъ есть какъ-бы естественное слѣдствіе постепеннаго преобразованія церковно-славянской фонетики въ самой себѣ *).

*) Люди, расположенные рѣшать положительные вопросы a priori, касаясь вопроса о преобразованіи языковъ, обыкновенно ссылаются на какія нибудь внѣшнія вліянія: на мѣстное положеніе народовъ, на климатъ, на политическое состояніе, на вліяніе чужихъ народностей и языковъ, и т. д. Ново-болгарскій языкъ не меньше другихъ, испытавшихъ сильное потрясеніе своего организма, подвергается подобнымъ объясненіямъ. Чтобы не вдаваться въ многосложный вопросъ о степени доказательности и важности этихъ вліяній для оцѣнки преобразовавшихся языковъ, я останавливаюсь на разсмотрѣнной мною сторонѣ языка и спрашиваю: кто возмется доказать, что изложенное преобразованіе звуковъ болгарскаго языка произошло именно въ слѣдствіе вліянія какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ, что при этихъ обстоятельствахъ неминуемо должно было послѣдовать преобразованіе и именно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно явилось, и что оно не могло получить инаго характера и направленія? Кто постановитъ такимъ образомъ вопросъ, тотъ сейчасъ увидитъ, что между внѣшними обстоятельствами и преобразованіемъ языка лежитъ цѣлая пропасть. Удастся ли когда-нибудь перекинуть черезъ нее хоть какой-нибудь мостикъ, показавъ слѣды внѣшнихъ вліяній на свойства болгарской фонетики, предоставляю рѣшить послѣдователямъ этой филологической методы; а для меня ясно, что изслѣдованіе преобразованія языковъ совершенно напрасно начинать предположеніями внѣшнихъ вліяній и отвлеченными объ нихъ разсужденіями, и что во всякомъ случаѣ нужно прежде всего знать положительно историческую судьбу подлежащаго объясненію матеріала.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

О новомъ «древне-болгарскомъ языкѣ» г. Миклошича.

Древне-болгарскимъ г. Миклошичъ назвалъ нарѣчіе седмиградскихъ болгаръ, котораго образчикъ — катихизисъ съ какими-то прибавками — писанный латино-нѣмецкими буквами, онъ напечаталъ въ Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenchaften Philosophisch-historische Classe. Siebenter Band. Wien 1856, стр. 105 — 146 in 4^0. Долго томилось это нарѣчіе въ устахъ небольшой толпы болгарскихъ простолюдиновъ, тѣснимое вліяніемъ другихъ языковъ: валашскаго, сербскаго, венгерскаго, и наконецъ, въ послѣднія десятилѣтія, совершенно вымерло. Ужь одна эта обстановка языка и окончательная судьба его довольно даютъ чувствовать, каково могло быть это нарѣчіе, — и наличныя свойства его въ упомянутомъ образчикѣ вполнѣ оправдываютъ это ожиданіе. Назвать такое нарѣчіе древнимъ болгарскимъ можно было развѣ только наперекоръ тѣмъ, которые называютъ этимъ именемъ древній церковно-славянскій. Дѣйствительно, основанія, приводимыя г. Миклошичемъ, едва-ли могли оправдывать это названіе седмиградско-болгарскаго языка въ собственныхъ глазахъ его. Вотъ подлинныя выраженія, въ которыхъ онъ мотивируетъ это названіе.

«Этотъ памятникъ важенъ потому, что.... языкъ его, отно-«сительно звуковъ и грамматическихъ формъ, стоитъ на древнѣй-«шей степени, слѣд. ближе къ древне-славянскому, нежели ны-«нѣшній болгарскій: потому позволительно будетъ назвать его «*древне-болгарскимъ* (altbolgarisch) и признать за *средній членъ* «между древне-славянскимъ (altslovenisch) и ново-болгарскимъ.» (стр. 107).

Если языкъ седмиградскаго катихизиса древнѣе только ново-болгарскаго, то развѣ слѣдуетъ изъ этого, что его должно назвать древне-болгарскимъ безотносительно? И чѣмъ онъ древнѣе ново-болгарскаго? Состояніемъ звуковъ и грамматическихъ формъ *вообще*, какъ говоритъ г. Миклошичъ? Нѣтъ, только сохраненіемъ въ *нѣкоторыхъ случаяхъ* носовыхъ звуковъ и также *нѣкоторыхъ*, весьма немногихъ древнихъ грамматическихъ формъ. Г. Миклошичъ не могъ не видѣть этого: онъ самъ положительно выставляетъ (стр. 140 — 146) ново-болгарскія свойства памятника, — и въ общемъ отзывѣ позволяетъ себѣ это quiproquo (общее вмѣсто частнаго), очевидно, только для того, чтобы назвать языкъ разсматриваемаго памятника древне-болгарскимъ безъ яснаго нарушенія логики въ глазахъ читателя.

Принимая это названіе въ прямомъ смыслѣ, гдѣ помѣстить такое состояніе языка въ историческомъ порядкѣ времени? Ужели возлѣ древняго церковнаго? Но въ такомъ случаѣ, почему оно не оставило никакихъ слѣдовъ въ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ? А искать въ нихъ такихъ слѣдовъ, судя по всему, что нынѣ извѣстно о церковно-славянской литературѣ обоихъ письменъ, было бы совершенно напрасною попыткой. Напротивъ, чѣмъ болѣе мы будемъ восходить по памятникамъ въ древность, тѣмъ болѣе будутъ убавляться и сглаживаться ново-болгарскія особенности и наконецъ болгарскій языкъ совершенно сольется съ церковно-славянскимъ, такъ что между ними въ древнія времена, напр. въ XI вѣкѣ, не можетъ быть мѣста никакому иному состоянію языка, въ родѣ седмиградско-болгарскаго, если даже возмемъ изъ него

въ общей массѣ только остатки грамматическихъ формъ и носовые звуки, сколько тѣ и другія въ немъ сохранились

Точно ли впрочемъ г. Миклошичь хотѣлъ свой древне-болгарскій языкъ возвести въ глубокую древность *исторически*, или думалъ только предоставить ему *этимологическое* посредничество между древнимъ-церковнымъ и ново-болгарскимъ, на это трудно было бы дать рѣшительный отвѣтъ на основаніи одного названія; а въ другихъ объясненіяхъ, сопровождающихъ изданіе текста, опредѣленнаго объ этомъ отзыва не встрѣчается. Такъ объ отдѣленіи седмиградскихъ-болгаръ отъ общей массы народа и переселеніи ихъ лишь глухо было сказано, что это событіе должно относиться къ «довольно давнему времени» (стр. 107). Но въ дополненіи, напечатанномъ въ Slavische Bibliothek. Zweiter Band (Wien 1858), стр. 140, 141, говорится объ этомъ гораздо рѣшительнѣе, — именно въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

Мнѣніе о времени переселенія седмиградскихъ болгаръ «основывается на томъ, что въ нашемъ памятникѣ *носовыя* ѧ и ѫ *еще* «*не смѣшиваются между собою*, что, какъ извѣстно, бываетъ въ «болгаро-словенскихъ рукописяхъ. Къ сожалѣнію, я не могу, какъ «желалъ бы, съ точностью опредѣлить *время*, когда это *смѣшеніе начало* пріобрѣтать господство: кажется, вѣрно впрочемъ, «что ѭ вмѣсто ѩ ставилось уже въ XIII столѣтіи. У меня есть «рукопись болгарскаго происхожденія, которую по палеографическимъ признакамъ надобно отнести къ помянутому столѣтію и въ «которой встрѣчается: **ѭзыкь, словѣньскыѭ, грьчьскыѭ**, и въ то-«же время: **сѧ, распѧтиѥ, рѧдоу**. Судя по этому чергедскіе болгары «выселились сюда *раньше XIII столѣтія* »

Во-первыхъ, мнѣ нѣсколько странно встрѣчать затрудненіе указать древнѣйшіе слѣды смѣшенія носовыхъ: оно встрѣчается въ одномъ изъ самыхъ обще-извѣстныхъ и обще-доступныхъ памятниковъ, который очень часто бываетъ подъ перомъ г. Миклошича и, вѣроятно, еще чаще предъ его глазами. Я разумѣю Glagolita Clozianus. Тамъ встрѣчаются: **ѭ** вмѣсто **ѩ**: **приѭти** строк. 200, **законныѭ** 283, какъ въ выше приведенныхъ г. Миклошичемъ

примѣрахъ изъ XIII вѣка; равно и наоборотъ, ꙗ вмѣсто ѭ: мъдлостьꙗ, 209, плътьꙗ 762, ноштьꙗ 953; есть даже ѫ вмѣсто ѧ: нѫдѫтъ 656, и, какъ въ лѣтописи Манассія, ѧ вмѣсто ѫ: ѧтробоу 746 и гл҃ѧ 877; въ строкѣ 848 гл҃ѫ показываетъ постепенность перерожденія древней формы въ средне болгарскую. Количество этихъ примѣровъ, конечно, не-велико, но судя по небольшому объему текста, для *начала* средне-болгарской порчи ихъ вполнѣ достаточно, тѣмъ болѣе что эта порча является именно въ тѣхъ этимологическихъ случаяхъ и именно въ томъ видѣ, какъ надобно ожидать ея на основаніи полнѣйшаго ея развитія позднѣе. Съ другой стороны подлинность этого смѣшенія буквъ въ-слѣдствіе состоянія выговора, уже не чисто-древняго, подтверждается присутствіемъ подобныхъ признаковъ въ употребленіи другихъ буквъ въ болгарскомъ оригиналѣ этого глаголитскаго списка.

Во-вторыхъ, опредѣленіе времени начала смѣшенія носовыхъ звуковъ здѣсь ни къ чему не ведетъ: надежды опредѣлить этимъ путемъ время переселенія части Болгаръ въ Седмиградскую область и отдѣленія ихъ нарѣчія основаны только на невѣрной оцѣнкѣ носовыхъ звуковъ въ ихъ нарѣчіи и на неточномъ понятіи о средне-болгарскомъ смѣшеніи носовыхъ. Находя букву *n* съ предыдущею гласною въ соотвѣтствіе древнимъ носовымъ, г. Миклошичь напрасно полагаетъ, что имѣетъ уже настоящія древне-словенскія носовыя, и заключаетъ, что эти звуки въ седмиградскомъ болгарскомъ нарѣчіи не испытали на себѣ тѣхъ перемѣнъ, которымъ они подвергались въ теченіе вѣковъ въ болгарскомъ. Напротивъ, въ самыхъ лучшихъ примѣрахъ изъ седмиградскаго нарѣчія они, говоря простонароднымъ русскимъ словомъ, уже тронулись. Начать, съ того, что въ седмиградскомъ нарѣчіи іотированныхъ носовыхъ почти также нѣтъ, какъ въ болгарскихъ рукописяхъ XIV столѣтія. За тѣмъ древне-словенскій звукъ ѫ сохранился лишь въ немногихъ, истинно рѣдкихъ словахъ, каковы: poroncsenie, trombenie; а звукъ *an*, господствующій въ наибольшей части словъ, сохранившихъ ѫ, есть уже порча древняго звука, посредствомъ которой и состоялось средне-болгарское смѣшеніе ѧ и ѫ (см. выше, стр.

98). Посредствомъ этого-же звука *an*, безъ сомнѣнія, и въ самомъ седмиградскомъ нарѣчіи состоялась замѣна ѫ-са буквою *а* во множествѣ случаевъ, напр isbeagna, staña и под **избѣгнѫ, станѫ**; beaha и под. **бѣхѫ**; sta **хоштѫ**, kasta **кѫшта** и пр. Осталось ли чистымъ отъ смѣшенія носовыхъ седмиградское нарѣчіе, какъ утверждаетъ г. Миклошичь? Но сохраненіе буквы *е* въ соотвѣтствіе ѧ въ словахъ: csenzto, deventa, glenda, menso, szvent, habent, fallent, vadent и под., и буквы *а* въ соотвѣтствіе ѫ-су въ словахъ: bande, manka, mans (**мѫжъ**), pantista (**пѫтишта**), prant, rantze, skampa (**скѫпа**), zandi (**сѫди**), imant, jessant, (**сѫть**), idanste (**идѫште**) и под., здѣсь ничего не рѣшаетъ; потому что и въ средне-болгарскомъ смѣшеніе носовыхъ вовсе не было безгранично, какъ, по видимому, расположенъ думать г Миклошичь; слоговъ съ чистою согласной оно и здѣсь почти не касалось; переводъ Манассіи напр. постоянно имѣетъ ѫ при твердомъ произношеніи согласной, и ѧ при мягкомъ ея выговорѣ. Потому вышеприведенныя слова изъ седмиградскаго нарѣчія и здѣсь постоянно пишутся: **чѧсто, девѧтыи, глѧдѣти, мѧсо, свѧтъ, хвалѧтъ, видѧтъ** и под., **бѫдетъ, мѫка, мѫжъ, пѫть, прѫтъ, рѫцѣ, скѫпъ, сѫди, имѫтъ, сѫть, идѫще** и под. (см. выше, стр. 81). Да и ново-болгарскій языкъ не предполагаетъ смѣшенія въ этихъ случаяхъ, потому что въ немъ каждая изъ двухъ носовыхъ замѣняется въ такихъ слогахъ своею гласною, напр. гледа, мъж; изъ этого правила могутъ быть только частныя исключенія, къ которымъ принадлежатъ и въ седмиградскомъ нарѣчіи: ma, ta, ssa, za (**мѧ, тѧ, сѧ, възѧ**), гдѣ буква *а* предполагаетъ уже ѫ, а не ѧ. Смѣшеніе носовыхъ господствовало преимущественно въ слогахъ, не имѣющихъ согласной, которые всего чаще встрѣчаются въ грамматическихъ окончаніяхъ. Но какъ наибольшая масса такихъ окончаній въ седмиградскомъ точно также потеряна, какъ и въ настоящемъ ново-болгарскомъ, то по наружности и кажется, будто въ седмиградскомъ носовые звуки не подвергались смѣшенію, какъ въ болгарскомъ по рукописямъ. Но точно также и по той-же причинѣ, въ самомъ ново-болгарскомъ не видно въ этихъ случаяхъ слѣдовъ смѣшенія носовыхъ, господствовавшаго

въ рукописяхъ средняго періода. Правда, въ седмиградскомъ окончаній нѣсколько больше и въ нѣкоторыхъ носовыя стоятъ правильно, гдѣ въ средне-болгарскомъ смѣшиваются: darsent дръжѫтъ, strasent страшѧтъ; за то въ словѣ tensent тѧжѫтъ en едва ли правильнѣе, чѣмъ an За тѣмъ, что же такое, какъ не средне-болгарское смѣшеніе носовыхъ, представляютъ формы: videnste (видѧште) и vidant, buiant боѭть(сѧ). hant = хотѧть, bihent, csuien, pazenste, бнѧть, чоуѭть, пасѧште? А такъ какъ, кромѣ этихъ признаковъ смѣшенія, въ седмиградскомъ нарѣчіи столь-же опредѣлительно развита, какъ въ самомъ болгарскомъ, замѣна ѫ и даже ѧ полугласнымъ ъ или слабымъ *а*, то, судя по состоянію носовыхъ въ этомъ нарѣчіи, переселеніе говорившаго имъ народа должно полагать не только но раньше смѣшенія носовыхъ, но даже не раньше по крайней мѣрѣ начала уничтоженія носоваго выговора, слѣд., по высшей мѣрѣ не раньше второй половины только XIV вѣка.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что седмиградское нарѣчіе нельзя называть древне-болгарскимъ, потому что оно содержитъ въ себѣ, кромѣ остатковъ древнѣйшаго состоянія новыхъ (ѩ въ gienti = ѩти, ѫ въ звукѣ *on*, ѧ — *en*), также и слѣды переходнаго состоянія въ звукѣ *an* = ѫ, и слѣды средне-болгарскаго смѣшенія носовыхъ и ново болгарскую замѣну ихъ гласными; нельзя и принимать его строго за посредника между древне-словенскимъ и ново-болгарскимъ, потому что седмиградское нарѣчіе содержитъ въ себѣ слѣды разновременныхъ состояній въ совокупности, въ которой понять генетическія отношенія между этими состояніями и угадать историческій ихъ порядокъ трудно, — можетъ быть, было бы даже невозможно — безъ другаго посредника. Такимъ посредникомъ можетъ служить только болгарскій разрядъ церковно-славянской письменности, потому что онъ фактически представляетъ въ себѣ историческій порядокъ перемѣнъ, происходившихъ въ болгарскомъ языкѣ, и доставляетъ положительное основаніе для объясненія этимологическаго процесса его преобразованія. Но, съ другой стороны, видно также, что седмиградское нарѣчіе не только не лишено значенія для филологіи, но что оно почти столько же важно,

какъ и любопытно, потому что сохранило въ наличности остатки разныхъ эпохъ языка какъ-бы въ видѣ окаменѣлостей. Только, чтобы не преувеличивать его значенія въ этомъ отношеніи, надобно помнить, что носовые звуки и въ самомъ болгарскомъ не исчезли до послѣдняго слѣда, какъ утверждаетъ г. Миклошичъ *), но сохранились донынѣ въ одномъ изъ его нарѣчій очень опредѣлительно, какъ свидѣтельствуетъ профессоръ В. И. Григоровичъ (въ «Очеркѣ Путешествія по Европейской Турціи» Оттискъ изъ 3-й книжки Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета за 1848 годъ. Стр. 165 — 166). Въ какой мѣрѣ и въ какомъ именно видѣ сохранились, это извѣстно пока очень скудно: это обстоятельство, конечно, значительно увеличиваетъ важность памятника, изданнаго г. Миклошичемъ, для настоящаго времени. И во всякомъ случаѣ это изданіе, — за исключеніемъ объясненной невѣрности въ общемъ отзывѣ, — и по свойству памятника и по способу предварительной его обработки есть пріобрѣтеніе для славянской филологіи и новая ученая заслуга достойнаго вѣнскаго славяниста

---

*) Между тѣмъ, тоже самое я встрѣтилъ, къ удивленію своему, въ Извѣстіяхъ II Отд. И. Ак. Наукъ, въ статьѣ о разсматриваемомъ изданіи г Миклошича Авторъ статьи, говоритъ (томъ V, стр. 270): «Многими чертами выговора нарѣчіе «разсматриваемаго памятника сближается съ другими мѣстными Болгарскими; но «есть такая черта, которую доселѣ напрасно искали даже въ Ѳракіи и Македоніи «это носовые гласные». Странно было бы думать, что авторъ забылъ при этомъ противоположное извѣстіе г Григоровича: но если онъ имѣлъ какое-либо основаніе не довѣрять или не давать вѣса этому извѣстію, то дѣло это, по своей важности, стоило бы прямаго и обстоятельнаго объясненія, безъ котораго голословное мнѣніе, противоположное столь прямому и опредѣленному свидѣтельству, въ свою очередь, едва ли можетъ имѣть значеніе

Привожу подлинныя слова г Григоровича

«Болгаре на югѣ отъ Битоля и Охридскаго озера, въ Корчѣ, Бобоштицѣ, «сохранили въ нѣкоторыхъ словахъ полный ринезмъ Такъ въ словѣ мъндръ (mendr) «и въ привѣтствіи. да бждешь живъ (da bąndeš šiv) слышалъ я самъ этотъ звукъ».

О разсмотрѣнномъ нами взглядѣ г. Миклошича на значеніе седмиградско-болгарскаго нарѣчія въ отношеніи къ древнему церковному, въ «Извѣстіяхъ» вовсе не упомянуто

*

ОПЕЧАТКИ И ОБМОЛВКИ.

Стр.	*Строк.*	Напечатано:	Должно быть:
5	7	сникать	снискать
12	18. 19	и западныхъ	и западнымъ
41	6	облегченное	облеченное
57	4	златник	златник
66	21	пєкѹ	пєкѫ
69	25	обьгрѣноѵєтъ	обьгрѣноуєтъ
71	14	каллигрифическимъ	каллиграфическимъ
—	30	съ одною гласною	съ одною согласною
80	16	елучаяхъ	случаяхъ
82	21	узнать въ этомъ	указать въ этомъ
85	5	поетепенностью	постепенностью
88	18	правописаніи ѝ	правописаніи ѫ
102	9	послѣ стоящихъ	послѣ шипящихъ
109	11	а въ нашемъ	ѧ въ нашемъ
122	9	вѣроятно, есть	можетъ быть, есть
—	13	тонѹть	тонуть
123	5	§ ы. и. ї. ѹ	§ ы. и. ї. ѹ.
127	7	роѵанїє	роуанїє
—	9	транапъ	транапъ
130	26	во многихъ коренныхъ	въ извѣстныхъ коренныхъ
133	6. 7	замѣняю	замѣняя
—	18	сторонѣ ему	сторонѣ языка
137	19	безъ яснаго	безъ явнаго